

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ

ПРАГА
1927

6-ой год издания.

6-ой год издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1927 ГОД
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и
В. В. Сухомлина.

В каждом номере «ВОЛИ РОССИИ»: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1926 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Беспалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), Е. Зноско - Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева). Д. Ивицкая (Россия), З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климущикин, К. Кочаровский, И. Калинин, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин, Н. Мельникова - Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград). Невидимцев, Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Фу (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Джиованни Зибри (Италия), А. Хондокарян (Армения), С. Янниос (Греция) и др.

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчур (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена настоящего номера: Во всех странах Европы — 50 цент.
В Америке, Китае и Японии — 80 центов.

Адрес редакции и конторы:

„Volja Rossii“, Uhelny trh., Praha I. Tchecoslovaquie.

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

6-ой ГОД ИЗДАНИЯ

II

ПРАГА

PRAGA, UHELNÝ TRH ČÍS 1

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Замятин: Мы	3
Б. Пастернак: Лейтенант Шмидт (Из поэмы 1905 год)	34
Г. Газданов: Повесть о трех неудачах	49
Проф. И. Лапшин: «Красный кабачек» Бальзака и «Братья Карамазовы» Достоевского	66
Проф. М. Вейнгарт: О научных основах славянского единения	78
Европейские и американские писатели о подавлении свободы в России	103
Е. Сталинский: Национализация и диктатура	119
В. В. Сухомлин: Политические заметки (Программа и тактика. Задачи социалистического движения в деревне)	140
Г. Радченко: Кооперация в Советской России	152
Иностранная жизнь:	
Э. Вандервельде: Участие бельгийских социалистов в правительстве	166
Р. Арсенидзе: Политические партии в Грузии	171
Среди книг и журналов:	
А. Леонидов: «Красная Новь», книга одиннадцатая, ноябрь, Госиздат	179
Б. С.: И. Эренбург. Рассказы. Изд. «Огонек». Москва 1926	180
А. Леонидов: «Напостговцы» (На литературном посту, № 7-8, 1926 г.)	183
Систематический указатель статей, помещенных в Воле России за 1922 - 26 г. г.	185

МЫ*)

Запись 1-ая.

Конспект.

ОБЪЯВЛЕНИЕ. МУДРЕЙШАЯ ИЗ ЛИНИЙ. ПОЭМА.

Я просто списываю — слово в слово — то, что сегодня напечатано в Государственной газете:

Чрез 120 дней заканчивается сооружение Интеграла. Близок великий, исторический час, когда первый Интеграл взвывается в мировые дали. Тысячу лет тому назад, ваши героические предки подчинили власти Единого Государства весь земной шар. Вам предстоит еще более славный подвиг: стеклянным, электрическим, огнедышащим Интегралом проинтегрировать бесконечное уравнение вселенной. Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах — быть может еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически - безошибочное счастье, наш долг — заставить их быть счастливыми. Но прежде оружия мы испытаем слово.

*) Одно из интереснейших произведений современной русской литературы, роман Е. Замятина «Мы», изображающий жизнь людей в 26-м веке, до сих пор еще не появлялся... на русском языке. Желая ознакомить читателей «Воли России» с романом, мы воспользовались тем, что в газете «Лидовы Новины», издающейся в г. Брно, помещен чешский перевод «Мы». С любезного согласия редакции, помещаем извлечения из романа. Для большей точности и приближения к подлиннику, мы постоянно сличали чешский перевод с английским, вышедшим в 1925 г. в Нью - Йорке.

От имени Благодетеля объявляется всем нумерам Единого Государства:

«Всякий, кто чувствует себя в силах, обязан сочинить трактаты, поэмы, стихи, манифесты, оды или иные произведения о красотах и величии Единого Государства.

Это будет первый груз, который понесет Интеграл.

Да здравствует Единое Государство. Да здравствуют нумера. Да здравствует Благодетель».

Я пишу это — и чувствую: у меня горят щеки. Да: проинтегрировать грандиозное вселенское уравнение. Да: разогнуть дикую кривую, выпрямить ее по касательной — по асимптоте — по прямой. Потому, что линия Единого Государства — это прямая. Великая, божественная, точная, мудрая, прямая — мудрейшая из линий.

Я, Д-503, строитель **Интеграла** — я только один из математиков Единого Государства. Мое, привычное к цифрам перо, не в силах создать музыки ассонансов и рифм. Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю — точнее, что **мы** думаем (именно так: мы, пусть это «**Мы**» будет заглавием моих записей). Но это ведь будет производная от нашей жизни, от математически совершенной жизни Единого Государства, а если так, то разве это не будет само по себе, помимо моей воли, поэмой. Будет — верю и знаю.

Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Вероятно это похоже на то, что испытывает женщина, когда впервые услышит в себе пульс нового — еще крошечного, слепого человечка. Это я и одновременно не я. И долгие месяцы надо будет питать его своими соками, своей кровью, а потом — с болью оторвать его от себя и положить к ногам Единого Государства.

Но я готов, как и каждый — или почти каждая из нас. Я готов.

Запись 2-ая.

Конспект:

БАЛЕТ: КВАДРАТНАЯ ГАРМОНИЯ. ИКС.

Весна. Из-за Зеленой Стены, с диких неведомых равнин, ветер несет желтую медовую пыль каких-то цветов. От этой сладкой пыли сохнут губы — ежеминутно проводишь по ним языком — должно быть, сладкие губы у всех встречаемых женщин (и мужчин тоже конечно). Это несколько мешает логически мыслить.

Но зато небо. Синее, неспорченное ни единым облаком (до чего были дики вкусы у древних, если их поэтов могли вдохновлять эти нелепые, безалаберные, глупотолкующиеся кучи пара). Я люблю — уверен, не ошибусь, если скажу: **мы** любим только такое вот, стерильное, безукоризненное небо. В такие дни — весь мир отлит из того же самого незыблемого, вечного стекла, как и Зеленая Стена, как и все наши постройки. В такие дни видишь самую синюю глубь вещей, какие то неведомые дотопе, изумительные их уравнения — видишь в чемнибудь таком самом привычном, ежедневном.

Ну вот хоть бы это. Нынче утром был я на эллинге, где строится Интеграл — и вдруг увидел станки: с закрытыми глазами, самозабвенно, кружились шары регуляторов; мотыли сверкая, сгибались вправо и влево; гордо покачивал плечами балансир, в такт неслышной тарантелле приседало долото. Я вдруг ощутил всю музыку, всю красоту этого грандиозного машинного балета, залитого легким голубым солнцем.

И дальше — сам с собою: почему — красиво. Ответ: потому что это **несвободное** движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, экстатической подчиненности, в идеальной несвободе. И если верно, что наши предки отдавались танцу в самые вдохновенные моменты своей жизни (религиозные мистерии, военные парады), то это значит только одно: инстинкт несвободы — изстари органически присущ человеку, и мы, в теперешней нашей жизни — мы только сознательно.... Кон-

чить придется после: щелкнул нумератор. Я поднимаю глаза: 0-90?, конечно. И через полминуты она сама будет здесь: за мной на прогулку.

Милая. 0. Мне всегда казалось, что она похожа на свое имя: сантиметров на 10 ниже Материнской нормы — и оттого вся кругло обточенная, в розовое 0 — рот — раскрыт на встречу каждому моему слову. И еще: круглая, пухлая складочка на запястье руки, — такие бывают у детей.

Когда она вошла, еще во всю во мне гудел логический маховик и я по инерции заговорил о только что установленной мною формуле, куда входили и мы все, и машины, и танец.

— Чудесно. Не правда ли? — спросил я.

— Да, чудесно. Весна. — розово улыбнулась мне 0-90.

Ну вот, не угодно-ли: весна... Она — о весне. Женщины. Я замолчал.

Внизу проспект пблон: в такую погоду послеобеденный личный час — это, большей частью, час нашей дополнительной прогулки. Как всегда, Музыкальный завод всеми своими трубами играл Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли номера — сотни, тысячи номеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди — государственный номер каждого и каждой. И я — мы, четверо, одна из бесчисленных волн в этом могучем потоке. Слева от меня она, 0-90 (если бы это писал один из моих волосатых предков лет тысячу назад — он, вероятно, назвал бы ее этим смешным словом «моя»): справа — два каких-то незнакомых номера, женский и мужской.

Блаженно - синее небо, крошечные детские солнца в каждой из блях, неомраченные безумием мыслей лица... Лучи — понимаете: все из какой то единой, лучистой, улыбающейся материи. А медные такты: «тра-та-там. Тра-та-там» — это сверкающие на солнце медные ступени и с каждой ступенью — вы поднимаетесь все выше, в головокружительную синеву...

И вот, так же, как это было утром, на эллинге и я опять

увидел, будто только вот сейчас первый раз в жизни — увидел все: прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию сероголубых шеренг. И так: будто не целые поколения, а я — именно я — победил старого Бога и старую жизнь, именно я создал все это, — я — как башня, я боюсь двинуть локтем, чтобы не посыпались осколки стен, куполов, машин...

А затем мгновенно — прыжок через столетия, с 26 века на — . Мне вспомнилась (вероятно, ассоциация по контрасту) — мне вдруг вспомнилась картина в музее: их, тогдашняя, двадцатых веков, улица, оглушительно пестрая, безалаберная толпа людей, колес, животных, афиш, деревьев, красок, птиц... И ведь, говорят, это на самом деле было — это могло быть. Мне показалось это так неправдopodobно, так нелепо, что я не выдержал и громко расхохотался.

И тотчас же это — смех — справа. Обернулся: в глаза мне — белые — необычайно белые и острые зубы, незнакомое женское лицо.

— Простите, — сказала она, — Но вы так вдохновенно все озирали — как некий мифический бог в седьмой день творения. Мне кажется, вы уверены, что и меня сотворили вы, а не кто иной. Мне очень лестно...

Все это без улыбки, я бы даже сказал — с некоторой почтительностью (быть может, ей известно, что я — строитель Интеграла). Но не знаю — в глазах или бровях — какой-то странный раздражающий икс, и я никак не могу его поймать, дать ему цифровое выражение.

Я почему-то смутился и, слегка путаясь, стал логически мотивировать свой смех. Совершенно ясно, что этот контраст, эта непроходимая пропасть между сегодняшним и тогдашним...

— Нет, почему же — непроходимая (Какие белые острые зубы). Через пропасть — можно перекинуть мостик. Вы только представьте себе: барабан, батальон, шеренги — ведь это тоже было — и следовательно...

— Ну да: ясно. — крикнул я. Это было поразитель-

ное пересечение мыслей: она — почти моими же словами — то, что я записывал перед прогулкой... — Понимаете: даже мысли. Это потому, что никто не «один», но «один из». Мы так одинаковы...

Она:

— Вы в этом уверены?

Я увидел острым углом вздернутые к вискам брови — как острые рожки икса, опять почему-то сбился, взглянул направо, налево — и...

Направо от меня — она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, 1-330 (вижу теперь ее номер); налево — о, совсем другая, вся из окружностей, с детской складочкой на руке; и дальше с краю четверки — неизвестный мне мужской номер — какой-то дважды изогнутый, вроде буквы S. Мы все были разные...

Эта, справа 1-330, перехватила, повидимому, мой растерянный взгляд — и со вздохом:

— Да... Увы.

Не спорю: это было совершенно уместно. Но опять что-то такое на лице у ней или в голове...

— Я — с необычайной для меня резкостью — сказал.

— Ничего не увы. Наука растет, и ясно — если не сейчас, так через пятьдесят, сто лет...

— Даже носы у всех...

— Да, носы. — я уже почти кричал. — Раз есть — все равно какое — основание для зависти... Раз у меня нос пуговицей, а у другого...

— Ну, нос-то у вас, пожалуй, даже и классический, как в старину говорили. А вот руки... Нет, покажите-ка, покажите-ка руки?

Терпеть не могу, когда смотрят на мои руки: волосатые, лохматые — какой - то нелепый атавизм. Я протянул руку и — по возможности — посторонним голосом сказал:

— Обезьяньи.

Она взглянула на руку, потом на лицо:

— Нет, прелюбопытный аккорд — прикидывала меня глазами, как на весах, мелькнули опять рожки в углах бровей.

— Он записан на меня, — радостно - розово открыла рот 0-90.

Я был поражен. Это, в сущности, не относилось к делу. Эта милая 0... как бы сказать... у ней неправильно рассчитана скорость языка, которая должна быть всегда немного меньше секундной скорости мысли, а уж никак не наоборот.

В конце проспекта, на аккумулирующей башне, гулко бил 17. Личный час кончился. 1-330 уходила вместе с тем мужским номером. У него такое — внушающее почтение, и, теперь вижу, как будто даже знакомое лицо. Где-нибудь встречал его — сейчас не вспомню.

На прощанье 1 — все также иксово — усмехнулась мне.

— Загляните послезавтра в аудиторию 112.

Я пожал плечами:

— Если у меня будет приказ идти именно в ту аудиторию, что вы назвали...

Она с какой-то непонятной уверенностью:

— Будет.

На меня эта женщина действовала также неприятно, как случайно затесавшийся в уравнение неразложенный иррациональный член. Я бы рад остаться хоть ненадолго вдвоем с милой 0.

Об руку с ней мы прошли четыре линии проспектов. На углу ей было направо, — мне — налево.

— Я бы так хотела сегодня придти к вам, опустить шторы. Именно сегодня, сейчас.. — робко подняла на меня 0 круглые, сине - хрустальные глаза.

Смешная. Что я мог ей сказать? Она была у меня только вчера и не хуже меня знает, что наш ближайший сексуальный день — послезавтра. Это просто все то же самое ее «опережение мысли» — как бывает (иногда вредное) опережение подачи искры в двигателе.

При расставании я два... нет, буду точен: три раза поцеловал чудесные, синие, не испорченные ни единым облячком глаза.

Запись 3-ья.

Конспект.

ПИДЖАК, СТЕНА, СКРИЖАЛЬ.

Просмотрел все написанное вчера — и вижу: я описал недостаточно ясно. То есть, конечно, все это совершенно ясно для любого из нас. Но как знать: быть может, вы, неведомые, кому **интеграл** принесет мои записки, — быть может, вы великую книгу цивилизации дочитали лишь до той страницы, что и наши предки лет 900 назад. Быть может, вы не знаете даже таких азов, как Часовая Скрижаль, Личные Часы, Материнская Норма, Зеленая Стена, Благодаритель? Мне смешно — и в то же время очень трудно говорить обо всем этом. Это все равно, как если бы писателю какого-нибудь, скажем 20-го века в своем романе пришлось объяснять, что такое «пиджак», «квартира», «жена». А, впрочем, если его роман переведен для дикарей, разве возможно обойтись без примечаний насчет «пиджака»?

Я уверен, дикарь глядел на «пиджак» и думал: «Ну, к чему это? «Только обуза». Мне кажется, точь в точь также будете глядеть и вы, когда я скажу вам, что никто из нас со времени двухсотлетней войны не был за Зеленой Стеной.

Но, дорогие, надо же немножко подумать, это очень помогает. Ведь ясно: вся человеческая история, поскольку мы ее знаем, это — история перехода от кочевых форм к все более оседлым. Разве не следует отсюда, что наиболее оседлая форма жизни (наша) — есть вместе с тем и наиболее совершенная (наша)? Если люди метались по земле из конца в конец, так это только во времена доисторические, когда были нации, войны, торговли, открытия разных Америк. Но зачем, кому это нужно теперь?

Я допускаю: привычка к этой оседлости получилась не без труда и не сразу. Когда во время Двухсотлетней войны все дороги разрушились и заросли травой — первое время, должно быть, казалось очень неудобно — жить в городах, отрезанных один от другого зелеными дебрями. Но что же из того. После того, как у человека отвалился хвост, он, вероятно, тоже не сразу научился сгонять мух без помощи

хвоста, но теперь — можете вы себе вообразить, что у вас хвост? Или: можете вы вообразить на улице себя голым, без «пиджака» (возможно, что вы еще разгуливаете в «пиджаках»). Вот также и тут: я не могу себе представить город, не окруженный Зеленой Стеной, не могу представить жизнь, не облеченную в цифровые ризы Скрижали.

Скрижаль... Вот сейчас, со стены у меня в комнате, сурово и нежно в глаза мне глядят ее пурпурные на золотом поле цифры. Невольно вспоминается то, что у древних называлось «иконой» и мне хочется слагать стихи или молитвы (что одно и то же). Ах, зачем я не поэт, чтобы достойно воспеть тебя, о, Скрижаль, о, сердце и пульс Единого Государства.

Все мы (а, может быть, и вы) еще детьми, в школе, читали этот величайший из дошедших до нас памятников древней литературы — «Железнодорожный указатель». Но поставьте даже его рядом с Скрижалю — и вы увидите рядом графит и алмаз: в обоих одно и то же — С, углерод — но как вечен, прозрачен, как сияет алмаз. У кого не захватывает дух, когда вы с грохотом мчитесь по страницам «Железнодорожного Указателя»? Но Часовая Скрижаль — каждого из нас на яву превращает в стального шестиколесника, героя великой поэмы. Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту — мы, миллионы, встаем, как один. В один и тот же час, единомиллионно, начинаем работу — и единомиллионно кончаем. А сливаясь в единое, миллионнорукое тело, в одну и ту же, назначенную Скрижалю, секунду — мы подносим ложки ко рту и в одну и ту же секунду выходим на прогулку, и идем в аудиторию, в зал Тейлоровских упражнений, ложимся спать.

Буду вполне откровенен: абсолютно - точного решения задачи счастья нет еще и у нас: два раза в день — от 16 до 17 и от 21 до 22 единый мощный организм рассыпается на отдельные клетки: это — установленные Скрижалю Личные Часы. В эти часы вы увидите: в комнате у одних — целомудренно спущены шторы, другие мерно, по медным ступеням марша — гуляют по проспектам, третьи, — как я

сейчас, — за письменным столом. Но я твердо верю — пусть назовут меня идеалистом и фантазером — я верю: раньше или позже — но когданибудь и для этих часов мы найдем место в общей формуле, когданибудь все 86.400 секунд войдут в Часовую Скрижаль.

Много невероятного мне приходилось читать и слышать о тех временах, когда люди жили еще в свободном, т. е. неорганизованном, диком состоянии. Но самым невероятным мне всегда казалось именно это: как тогдашняя — пусть даже зачаточная государственная власть могла допустить, что люди жили без всякого подобия нашей Скрижали, без обязательных прогулок, без точного урегулирования сроков еды, вставали и ложились спать — когда кому взбредет в голову; некоторые историки говорят даже, будто в те времена на улицах всю ночь горели огни, всю ночь по улицам ходили и ездили.

Вот этого я никак не могу осмыслить. Ведь как бы ни был ограничен их разум, но все-таки должны же — должны же они были понимать, что такая жизнь была самым настоящим поголовным убийством — только медленным, изо дня в день. Государство (гуманность) запрещало убить на смерть одного и не запрещало убивать миллионы — наполовину. Убить одного, т. е. уменьшить сумму человеческих жизней на 50 лет — это преступно, а уменьшить сумму человеческих жизней на 50 миллионов лет — это не преступно. Разве это не смешно. У нас эту математически - моральную задачу в полминуты решит любой десятилетний нумер; у них не могли — все их Канты вместе (потому, что ни один из Кантов не догадался построить систему научной этики, т. е. основанной на вычитании, сложении, делении, умножении).

А это разве не абсурд, что государство (оно смело называть себя государством) могло оставить без всякого контроля половую жизнь? Кто, когда и сколько хочет... Совершенно ненаучно, как звери. И как звери, в слепую, рожали детей. Не смешно-ли: знать садоводство, куроводство, рыбоводство (у нас есть точные данные, что они знали все это), и не суметь дойти до последней ступени

этой логической лестницы: детоводства. Не додуматься до наших Материнской и Отцовской Норм.

Так смешно, так неправдоподобно, что вот я написал и боюсь, а вдруг вы, неведомые читатели, сочтете меня за злого шутника? Вдруг, подумаете, что я просто хочу поиздеваться над вами и с серьезным видом рассказываю совершеннейшую ерунду. Но во - первых: я не способен на шутки — во всякую шутку неявной функцией входит ложь; и во - вторых: Единая Государственная Наука ошибаться не может. Да и откуда тогда было взяться государственной логике, когда люди жили в состоянии свободы — зверей, обезьян, стада. Чего можно требовать от них, если даже и в наше время — откуда то издалека, из мохнатых глубин — еще изредка слышно дикое, обезьянье эхо.

К счастью — только изредка. К счастью — это только мелкие неисправности: их легко ремонтировать, не останавливая вечного великого хода всей Машины. И для того, что бы выкинуть вон погнувшийся болт — у нас есть искусная, тяжкая рука Благодетеля, у нас есть опытный глаз Хранителей...

Да, кстати — теперь вспомнил: этот вчерашний, дважды изогнутой — кажется, мне случалось видать его выходящим из Бюро Хранителей. Теперь понимаю, отчего у меня было это инстинктивное чувство почтения к нему и какая-то неловкость, когда эта странная 1 при нем... Должен сознаться, что это не 1-

Звонят: 22 1/2. До завтра.

Запись 6-ая.

Конспект:

СЛУЧАИ. ПРОКЛЯТОЕ «ЯСНО». 24 ЧАСА.

Повторяю: я вменил себе в обязанность писать, ничего не утаивая. Поэтому, как ни грустно, должен отметить здесь, что, очевидно, даже у нас — процесс отвердения, кристаллизации жизни еще не закончился, до идеала — еще несколько ступеней. Идеал (это ясно) — там, где уже ничего не случается, а у нас... Вот не угодно ли: в Государственной Газете сегодня читаю, что на площади Куба че-

рез два дня состоится праздник Правосудия. Стало быть, опять какой - то из номеров нарушил ход великой государственной Машины, опять случилось что-то непредвиденное, непредвычисленное.

И кроме того нечто случилось со мной. Правда, это было в течение Личного Часа, т. е. в течение времени, специально отведенного для непредвиденных обстоятельств, но все же...

Около 16 (Точнее без десяти 16) я был дома. Вдруг — телефон.

— Д-503? — женский голос.

— Да.

— Свободны?

— Да.

— Это, я, I-330. Я сейчас залечу за вами, и мы отправимся в Древний Дом. Согласны.

I-330... Эта I меня раздражает, отталкивает — почти пугает. Но именно потому-то я и сказал: да.

Через 5 минут мы были уже на аэро. Майская синь неба — и легкое солнце — на своем золотом аэро жужжит следом за нами, не обгоняя и не отставая, Но там впереди, беллет бельмом облако, нелепое, пухлое — как щеки старинного «купидона» — и это как-то мешает. Переднее окошко поднято, ветер, сохнут губы — поневоле их все время облизываешь и думаешь все время — о губах.

Вот уже видны издали — зеленые пятна — там за Стеною. Затем легкое, невольное замирание сердца — вниз, вниз, вниз — как с крутой горы — и мы у Древнего Дома.

Все это странное, хрупкое, слепое сооружение одето в стеклянную скорлупу: иначе оно, конечно, давно бы уже рухнуло. У стеклянной двери — старуха, вся сморщенная — и особенно рот: одни складки, сборки, губы уже ушли внутрь, рот как-то зарос — и казалось невероятным, чтобы она заговорила, и все-же — заговорила.

— Ну-то, милые, домик мой пришли поглядеть — и морщины засияли (т. е., вероятно, сложились лучеобразно, что и создало впечатление «засияли»).

— Да, бабушка, опять захотелось, — сказала ей I.

Морщинки сияли.

— Солнце-то, а? Ну, что что. Ах, проказница, проказница. Знаю, знаю. Ну, ладно: одни идите, я уж лучше тут, на солнце.

Гм... Вероятно, моя спутница — тут частый гость. Что-то стряхнуть — мешает: вероятно все тот же неотвязный зрительный образ облако на гладкой синей майолике.

Когда поднимались по широкой, темной лестнице, I сказала:

— Люблю я ее — старуху эту.

— За что?

— А не знаю. Может быть — за ее рот. А может быть — ни за что. Просто так.

Я пожал плечами. Она продолжала — улыбаясь чуть чуть, а, может быть, даже совсем не улыбаясь.

— Я чувствую себя очень виноватой. Ясно, что должна быть не «просто-так-любовь», а «потому -что-любовь». Все стихи должны быть.

— Ясно... — начал я — тотчас же поймал себя на этом слове и украдкой заглянул на I: заметила или нет.

Она смотрела куда-то вниз; глаза были опущены — как шторы.

Вспомнилось: вечером, около 22-х, проходишь по проспекту и среди ярко освещенных, прозрачных клеток — темные с опущенными шторами, и там, за шторами — Что у ней там, за шторами. Зачем она сегодня звонила, и зачем сюда, и зачем все это.

Я открыл тяжелую, скрипучую, непрозрачную дверь — и мы в мрачном, беспорядочном помещении (это называлось у них «квартира»). Странный «королевский» музыкальный инструмент — и дикая, неорганизованная, сумасшедшая — как тогдашняя музыка — пестрота красок и форм. Белая плоскость сверху; темно - синие стены; красные, зеленые, оранжевые переплеты старинных книг; желтая бронза — канделябры, статуя Будды; исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какое уравнение — линии мебели.

Я с трудом выношу этот хаос. Но у моей спутницы был, повидимому, более крепкий организм.

— Это — самая моя любимая... — и вдруг будто спохватилась — и укус улыбки, белые острые зубы. — Точнее: самая нелепая из всех их «квартир».

— Или, еще точнее: государств, — поправил я. — Тысячи микроскопических, вечно воюющих государств, безпощадных как...

— Ну да, ясно... — повидимому, очень серьезно сказала I.

Мы прошли через комнату, где стояли маленькие, детские кровати (дети в ту эпоху были тоже частной собственностью). И снова — комнаты, мерцание зеркал, угрюмые шкафы, нестерпимо пестрые диваны, громадный «камин», большая, красного дерева, кровать. Наше теперешнее — прекрасное, прозрачное, вечно — стекло было только в виде жалких, хрупких квадратиков - окон.

— И подумать: здесь «просто-так-любили», горели, мучались... (опять опущенная штора глаз). — Какая нелепая, нерасчетливая трата человеческой энергии, — неправда - ли.

Она говорила как-то из меня, говорила мои мысли. Но в улыбке у ней был все время этот раздражающий икс. Там, за шторами, в ней происходило что-то такое—не знаю что — но оно выводило меня из терпения; мне хотелось спорить с ней (кричать на нее), но приходилось соглашаться, — не соглашаться было нельзя.

Вот — остановились перед зеркалом. В этот момент — я видел только ее глаза. Мне пришла идея: ведь человек устроен так же дико, как эти вот нелепые «квартиры» — человеческие головы непрозрачны, и только крошечные окна внутри: глаза. Она как будто угадала - обернулась: «Ну — вот мои глаза. Ну». (это, конечно, молча).

Передо мною — два жутко - темные окна, и внутри такая неведомая, чужая жизнь. Я видел только огонь — пылает там какой - то свой «камин» — и какие - то фигуры, похожие...

Это, конечно, было естественно: я увидел там отраженным себя. Но было неестественно и непохоже на меня (очевидно, это было удручающее действие обстановки) —

я определенно почувствовал страх, почувствовал себя пойманным, посаженным в эту дикую клетку, почувствовал себя захваченным в дикий вихрь древней жизни.

— Знаете что — сказала I, — выйдите на минутку в соседнюю комнату. — Голос ее был слышен оттуда, изнутри, из-за темных окон глаз, где пылал камин.

Я вышел, сел. С полочки на стене прямо в лицо мне чуть приметно улыбалась курносая, ассиметричная физиономия какого-то из древних поэтов (кажется, Пушкина). Отчего я сижу вот и покорно выношу эту улыбку, и зачем все это: зачем я здесь — отчего это нелепое состояние. Эта раздражающая, отталкивающая женщина, странная игра...

Там — стукнула дверь шкафа, шуршал шелк. Я с трудом удерживался, чтобы не пойти туда и — Точно не помню: вероятно хотелось наговорить ей очень резких вещей.

Но она уже вышла. Была в коротком, старинном, ярко-желтом платье, черной шляпе, черных чулках. Платье легкого шелка не было ясно видно: чулки очень длинные, гораздо выше колен — и открытая шея,мень между....

— Послушайте, вы оригинальничаете, ясно, но неужели вы...

— Ясно, — перебила I — быть оригинальным — это значит как-то выделяться среди других. Следовательно, быть оригинальными — это нарушить равенство...И то, что на идиотском языке древних называлось «быть банальным» — у нас значит: лишь исполнять свой долг. Потому что...

— Да, да, да. Именно. — Я не выдержал. — И вам нечего, нечего...

Она подошла к статуе курносого поэта и, завесив шторой дикий огонь глаз — там, внутри, за своими окнами, — сказала, на этот раз, кажется, совершенно серьезно (может быть, чтобы смягчить меня) — сказала очень разумную вещь:

— Не находите ли вы удивительным, что когда-то люди терпели вот таких вот. И не только терпели — поклонялись им. Какой рабский дух. Неправда ли.

— Ясно... То есть, я хотел... (— это проклятое «ясно»). Ну да, я понимаю. Но ведь, в сущности, это были владыки посильнее их коронованных. Отчего они не изолировали, не истребляли их? У нас...

— Да, у нас... — начал я. И вдруг она рассмеялась. Я просто видел этого смех: звонкую, крутую, гибко - упругую, как хлыст, сгибающуюся от смеха.

Помню — я весь дрожал Вот — схватил ее — и уже не знаю что... Надо было что-нибудь — все равно что — сделать. Я машинально раскрыл свою золотую бляху, взглянул на часы. Без десяти 17.

—Вы не находите, что нам уже пора. — как можно вежливее сказал я.

— А если бы я вас попросила—остаться здесь со мной.

— Послушайте: вы... вы понимаете, что говорите. Через десять минут я обязан быть в аудитории...

— ... и все номера обязаны пройти установленный курс искусств и наук... — моим голосом сказала I. Потом отдернула штору — подняла глаза: сквозь темные окна — пылал камин. — В Медицинском Бюро у меня есть один врач — он записан на меня. И если я попрошу — он выдаст удостоверение, что вы были больны. Ну?

Я — понял. Я, наконец, понял, куда велась вся игра.

— Вот как? А знаете ли вы, что как всякий честный номер, я, в сущности, должен немедленно отправиться в Бюро Хранителей и...

— А не в сущности? (острая улыбка - укус), — Мне страшно любопытно: пойдете вы в Бюро или нет?

— Вы остаетесь? — я взялся за ручку двери. Ручка была медная — и я слышал: такой же медный у меня голос.

— Одну минутку... Можно?

Она подошла к телефону. Назвала какой-то номер — я был настолько взволнован, что не запомнил его — и крикнула:

— Я буду вас ждать в Древнем Доме. Да, да; одна...

Я повернул медную холодную ручку:

— Вы позволите мне взять аэро?

— О, да, конечно. Пожалуйста...

Там — на солнце, у выхода — как растение, дремала старуха. Опять было удивительно, что раскрылся ее заросший наглухо рот и что она заговорила.

— А эта ваша — что же, там одна осталась?

— Одна.

Старухин рот вновь зарос. Она покачала головой. Повидимому, даже ее слабеющая мысль понимала всю недепость и рискованность поведения этой женщины.

Ровно в 17 я был на лекции. И тут почему-то, вдруг понял, что сказал старухе неправду: I была там теперь не одна. Может быть, именно это — что я невольно обманул старуху — так мучило меня и мешало слушать. Да, не одна; вот в чем дело.

После 21 - 1/2 у меня был свободный час. Можно было бы уже сегодня пойти в Бюро Хранителей и сделать заявление. Но я после всей этой глупой истории так устал. И потом — срок двое суток. Успею завтра: еще целых 24 часа.

Д — 503 видит странные сны, не решается идти в Бюро хранителей. О приходит к нему по розовому сексуальному талону, но не рассеивает какой то неудовлетворенности. Только в день праздника Правосудия, когда машина Благодетеля изымает вредный номер, Д. — 503 вновь обретает разумное спокойствие. Но ненадолго.

Запись -10-ая.

Конспект.

ПИСЬМО. МЕМБРАНА. ЛОХМАТЫЙ Я.

Вчерашний день был для меня, словно та самая бумага, через которую химики фильтруют свои растворы: все взвешанные частицы, все лишнее остается на этой бумаге. И утром я спустился вниз начисто откристаллизованный, прозрачный.

Внизу, в вестибюле, за столиком, контролерша, поглядывая на часы, записывала номера выходящих. Ее имя — Ю..., впрочем, лучше не назову цифр, потому что боюсь, как бы не написать о ней чего-нибудь плохого. Хотя в сущности, это — очень почтенная пожилая женщина. Единственное, что мне в ней не нравится — щеки у ней несколько обвисли — как рыбы жабры (казалось бы: что тут такого?).

Она скрипнула пером, я увидел себя на странице: Д-503» и раз — рядом клякса.

Только что я хотел обратить на это ее внимание, как вдруг она подняла голову — и капнула в меня чернильной этаким улыбочкой:

— А вот письмо. Да. Получите, дорогой-да, да, получите.

Я знал: прочтенное ею письмо — должно пройти еще через Бюро Хранителей (думаю, излишне объяснять этот естественный порядок), и не позже 12 будет у меня. Но я был смущен этой самой улыбочкой, чернильная капля замутила мой прозрачный растворъ. Там, на постройке **Интеграла**, я никак не мог сосредоточиться — и даже ошибся в вычислениях, чего со мной никогда не бывало.

В 12 часов — опять розовато - коричневые рыбки жабры, улыбочка — и, наконец, письмо у меня в руках. Не знаю почему — я не прочел его тут же, а сунул в карман — и скорее к себе в комнату. Развернул, пробежал глазами и — — сел... Это было официальное извещение, что на меня записали номер I - 330 и что сегодня в 21 я должен явиться к ней — внизу адрес...

Нет: после всего, что было, после того как я настолько недвусмысленно проявил свое отношение к ней. Вдобавок, ведь ей неоткуда было узнать, что я был болен —ну, вообще, не мог... И несмотря на все. —

В голове у меня крутилось, гудело динамо. Будда — желтое — ландыши — розовый полумесяц... Да, и вот что — и вот это еще: Сегодня хотела ко мне зайти О. Я знаю: она не поверит (да и как, в самом деле, поверить?), что я здесь не при чем, что я совершенно... И знаю: будет трудный, нелепый, абсолютно нелогичный разговор... Нет, только не это. Пусть все решится механически: пошлю ей копию с извещением.

Я торопливо засовывал извещение в карман — и увидел эту свою ужасную, обезьянью руку. Вспомнилось, как она тогда на прогулке взяла мою руку, смотрела на нее, Неужели она действительно — неужели она...

И вот без четверти 21. Белая ночь. Все зеленовато -

стеклянное. Но это какое - то другое, хрупкое стекло — не наше, не настоящее — тонкая стеклянная скорлупа, а под скорлупой крутится, несется, гудит... И я не удивлюсь, если сейчас круглыми, медленными дымами подымутся вверх купола аудиторий, и пожилая луна улыбнется чернильно — как та, за столиком нынче утром, и во всех домах сразу спустятся все шторы, и за шторами....

Я испытывал странное ощущение; ребра — какие то железные прутья и мешают — положительно мешают сердцу, тесно, не хватает места. Я стоял у стеклянной двери с золотыми цифрами: 1 — 330, 1, спиной ко мне, что-то писала за столом. Я вошел...

— Вот... — протянул я ей розовый билет. — Я получил сегодня извещение и явился.

— Как вы аккуратны. Минутку — можно? Присядьте, я сейчас кончу.

Опять опустила глаза в письмо — и что там у ней внутри за опущенными шторами. Что она скажет — что сделает через секунду. Как это узнать, как вычислить, когда вся она — оттуда, из дикой страны снов.

Я молча смотрел на нее. Ребра — железные прутья, тесно... Когда она говорит — лицо у ней, как быстрое, сверкающее колесо: не разглядеть отдельных спиц. Но сейчас колесо — неподвижно. И я увидел странное сочетание: высоко вздернутые у висков темные брови насмешливый острый треугольник; и другой темный треугольник, обращенный вершиною вверх — две глубокие морщинки, от носа к углам рта. И эти два треугольника как - то противоречили один другому, клали на все лицо этот неприятный, раздражающий X — как крест: перечеркнутое крестом лицо.

Колесо завертелось, спицы слились...

— А ведь вы не были в Бюро Хранителей.

— Я был.. Я не мог... я был болен.

Да? Ну, я так и думала: что - нибудь вам должно было помешать — все равно что (— острые зубы, улыбка). Но зато теперь вы в моих руках. Вы помните: Всякий номер, в течение 48 часов не заявивший Бюро, считается...

Сердце стукнуло так, что прутья согнулись, и если

бы я не сидел. — Как мальчишка, — глупо, как мальчишка, попался, глупо молчал. Я чувствовал: запутался —, ни рукой, ни ногой...

Она встала, потянулась лениво. Надавила кнопку, с легким треском упали со всех сторон шторы. Я был от мира — вдвоем с ней.

И была теперь где - то позади меня, возле шкафа. Юнифа шуршала, падала — я слушал — весь слушал. И вспоминалось... нет: сверкнуло в одну сотую секунды...

Мне пришлось исчислять кривизну уличной мембраны нового типа (теперь эти мембраны, изящно задекорированные, на всех проспектах записывают для Бюро Хранителей уличные разговоры). И помню: вогнутая, розовая трепещущая перепонка — странное существо, состоящее только из одного органа — уха. Я был сейчас такой мембраной.

Вот теперь щелкнула кнопка у ворота — на груди — еще ниже. Стекланный шелк шуршит по плечам, коленам — по полу. Я слышу — и это еще яснее, чем видеть — из голубовато - серого шелка вышагнула одна нога — и другая. Сейчас скрипнет постель и — —

Туго натянутая мембрана дрожит и записывает тишину. Нет: резкие, с безконечными паузами — удары молота о прутья. И я слышу — я вижу: она сзади, думает секунду.

Вот — дверь шкафа, вот стукнула какая - то крышка — и снова шелк, шелк...

— Ну, пожалуйста.

Я обернулся. Она была в легком, шафранном халате, древнего образца платье. Это было в тысячу раз злее, чем если бы она была без всего. Две острые точки — сквозь тонкую ткань, тлеющие розовым — два угля сквозь пепел. Два нежно - круглых колена...

Она сидела в низеньком кресле. На четырехугольном столике перед ней — флакон с чем - то ядовито - зеленым, два крошечных стаканчика на ножках. В углу рта у нее дымилось — в тончайшей бумажной трубочке это древнее курение (как называется — сейчас забыл).

Мембрана все еще дрожала. Молот был там — внутри

у меня — в накаленные до красна прутья. Я отчетливо слышал каждый удар и.. и вдруг она это тоже слышит?

Но она спокойно дымила, спокойно поглядывала на меня и небрежно стряхнула пепел — на мой розовый билетик.

Как можно хладнокровнее, я спросил:

— Послушайте, в таком случае — зачем же вы записались на меня. И зачем заставили меня придти сюда.

Будто и не слышит. Налила из флакона в стаканчик, отхлебнула.

«Прелестный ликер. Хотите?»

Тут только я понял: алкоголь. Молнией мелькнуло вчерашнее: каменная рука Благодетеля. Нестерпимое лезвие луча, там, на Кубе — этот вот, с закинутой головой, распростертое тело. Я вздрогнул.

— Слушайте, сказал я, — ведь вы же знаете всех отравляющих себя никотином и особенно алкоголем — Единое Государство беспощадно....

Темные брови — высоко к вискам, острый насмешливый треугольник:

— Быстро уничтожить немногих — разумней, чем дать возможность многим губить себя — и вырождение — и так далее. Это до непристойности верно.

— Да... до непристойности.

— Да, компанийку вот этих вот голых, лысых истинно выпустить на улицу... Нет, вы представьте себе... ну, хоть этого неизменнейшего моего обожателя, — ну, да вы его знаете — представьте, что он сбросил с себя всю эту ложь одежд — и в истинном виде среди публики... Ох...

Она смеялась. Но мне ясно был виден ее нижний скорбный треугольник: две глубоких складки от углов рта к носу. И почему - то от этих складок мне стало ясно: тот, двоякоизогнутый, сутулый и крылоухий — обнимал ее — такую.... Он.

Впрочем, сейчас — я стараюсь передать тогдашние свои ненормальные ощущения. Теперь, когда я это пишу, я сознаю прекрасно: все это так и должно быть, и он как всякий честный номер, имеет равное право на радости — и было бы несправедливо. Ну да, это ясно...

И смеялась очень странно и долго. Потом посмотрела пристально на меня — внутрь:

— А главное я с вами совершенно спокойна. Вы такой милый — о, я уверена в этом. Вы и не подумаете пойти в Бюро и сообщить, что вот я пью ликер, я курю. Вы будете. — вы будете больны — или вы будете заняты — или уж не знаю что. Больше: я уверена — вы сейчас будете пить со мною этот очаровательный яд...

Какой наглый, издевающийся тон. Я определенно чувствовал: сейчас опять ненавижу ее. Впрочем, почему «сейчас»? Я ненавижу ее все время.

И опрокинула в рот весь стаканчик зеленого яду, встала и просвечивая сквозь шафранное розовым — сделала несколько шагов — остановилась позади моего кресла....

Вдруг — рука вокруг моей шеи — губами в губы — нет, куда - то еще глубже, еще страшнее... Клянусь, это было совершенно неожиданно для меня, и может быть потому.. Ведь не мог же — сейчас я это понимаю, совершенно отчетливо — не мог же я сам хотеть, чтобы...

Нестерпимо - сладкие губы (я полагаю — это был вкус ликера) — и в меня влит глоток жгучего яда — и еще — и еще... Я отстегнулся от земли и самостоятельной планетой, неистово вращаясь, понесся вниз, вниз — по какой - то невычислимой орбите....

Дальнейшее я могу описать только приблизительно, только путем более или менее близким аналогии.

Раньше мне это как-то никогда не приходило в голову — но ведь это именно так: мы, на земле, все время ходим под клокочущим, багровым морем огня, скрытого там — в чреве земли. Но мы никогда не думаем об этом. И вот вдруг бы тонкая скорлупа у нас под ногами стала стеклянной, вдруг бы мы увидели.

Я стал стеклянным. Я увидел — в себе внутри.

Было два меня. Один — я — прежний, Д - 503, а другой... Раньше он только чуть высовывал свои лохматые лапы из скорлупы, а теперь вылезал весь, скорлупа трещала — и сейчас — —.

Изо всех сил ухватившись за соломинку — за ручки

кресла, — я спросил, чтобы услышать себя — того, прежнего:

— Где... где вы достали этот... этот яд?

— О, это. Просто один медик, один из моих...

— «Из моих?». «Из моих» — кого?

И этот другой — вдруг выпрыгнул и заорал:

— Я не позволю. Я хочу, чтоб никто кроме меня. Я убую всякого, кто... Потому что я весь — я весь —

Я увидел лохматыми лапами он грубо схватил ее, разодрал на груди у ней тонкий шелк, впился зубами — я точно помню: именно зубами.

Уж не знаю как — I выскользнула. И вот — вся прямая, голова закинута, глаза задернуты этой проклятой непроницаемой шторой — она стояла, прислонившись спиной к шкафу и слушала меня.

Помню: я был на полу, обнимал ее ноги, целовал колени. И молил «сейчас - сейчас же — сию же минуту».

Острые зубы — острый, насмешливый треугольник бровей. Она наклонилась, молча отстегнула мою бляху.

— Да, да, милая — милая — я стал торопливо сбрасывать с себя юнифу. Но I — так же молчала — поднесла к самым моим глазам часы, на моей бляхе было без пяти минут 22 1/2.

Я похолодел. Я знал, что это значит — оказаться на улице позже 22 1/2. Все мое сумасшествие — сразу как сдунуло. Я — был я. Мне было ясно одно: я ненавижу ее, ненавижу, ненавижу.

Не прощаясь, не оглядываясь — я кинулся вон из комнаты. Кое - как прикалывая бляху на бегу, через ступени — по запасной лестнице (боялся кого -нибудь встречу в лифте) — выскочил на пустой проспект.

Все было на своем месте — такое простое, обычное, закономерное: стеклянные, сияющие огнями дома, стеклянное бледное небо; зеленоватая неподвижная ночь. Но под этим тихим прохладным стеклом — неслошь неслышно буйное, багровое, лохматое. И я задыхаясь, мчался, чтобы не опоздать.

Вдруг почувствовал: наспех приколотая бляха отстегивается, отстегнулась, звякнула о стеклянный тротуар.

нагнулся поднять и в секундной тишине: чей - то шопот сзади. Обернулся: из-за угла поворачивало что-то маленькое, изогнутое: Так по крайней мере, мне тогда показалось.

Понесся во весь дух — только в ушах свистело. У входа остановился: на часах было без одной минуты 22½. Прислушался: сзади никого. Все это — явно была нелепая фантазия, действие яда.

Ночь была мучительна... Кровать подо мною подымалась, спускалась и вновь подымалась — плыла по синусоиде. Я втушал себе: «Ночью номер обязан спать; это обязанность — такая же, как работа днем. Это необходимо, чтобы работать днем. Не спать ночью — преступно».. И все же не мог, не мог.

Я гибну. Я не в состоянии выполнить свои обязанности перед Единым Государством. Я...

Запись 12-ая
Конспект.

ОГРАНИЧЕНИЕ БЕЗКОНЕЧНОСТИ. АНГЕЛ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЭЗИИ.

Мне все кажется — я выздоровею, я могу выздороветь. Прекрасно спал. Никаких этих снов или иных болезненных явлений. Завтра придет ко мне милая О, все будет просто, правильно и ограничено, как круг. Я не боюсь этого слова «ограниченность»: работа высшего, что есть в человеке — разсудка — сводится именно к непрерывному ограничению бесконечности, раздроблению бесконечности на удобные, легко переваримые порции — дифференциалы. В этом именно божественная красота моей стихии — математики. И вот понимания этой самой красоты как раз и не хватает той. Впрочем, это так — случайная ассоциация.

Все это — под мерный, метрический стук колес подземной дороги. Я про себя скандирую колеса — и стихи Р (его вчерашняя книга). И чувствую: сзади, через плечо, осторожно перегибается кто - то и заглядывает в развернутую страницу. Не оборачиваясь, одним только уголком глаза, я вижу: розовые, распростертые крыль - уши, дво-

яко изогнутое.. он. Не хотелось мешать ему — и я сделал вид, что не заметил. Как он очутился тут — не знаю: когда я входил в вагон — его как будто не было.

Это незначительное само по себе происшествие особенно хорошо подействовало на меня, я бы сказал: укрепило. Так приятно чувствовать за плечами чей то зоркий глаз, любовно охраняющий от малейшей ошибки, от малейшего неверного шага. Пусть это звучит несколько сентиментально, но мне приходит в голову опять все та же аналогия: ангелы - хранители, о которых мечтали древние. Как много из того, о чем они только мечтали, в нашей жизни стало реальностью.

В тот момент, когда я ощутил ангела - хранителя у себя за спиной, я наслаждался сонетом, озаглавленным «Счастье». Думаю, не ошибусь, если скажу, что это редкая по красоте и глубине мысли вещь. Вот первые четыре строчки:

Вечно влюбленные дважды два,
Вечно слитые в страстном четыре,
Самые жаркие любовники в мире,
Неотрывающиеся дважды два.

И дальше все об этом: о мудром, вечном счастье таблицы умножения.

Всякий подлинный поэт — непременно Колумб. Америка и до Колумба существовала века, но только Колумб сумел отыскать ее. Таблица умножения и до Р — 13 существовала века, но только Р — 13 сумел в девственной чаще цифр найти новое Эльдorado. В самом деле, есть ли где счастье мудрее, безоблачнее, чем в этом чудесном мире? Сталь — ржавеет; древний Бог — создал древнего, т. е. способного ошибаться человека — и, следовательно, сам ошибся. Таблица умножения мудрее, абсолютнее древнего Бога: она никогда — понимаете: **никогда** — не ошибается. И нет счастливее цифр, живущих по стройным вечным законам таблицы умножения. Ни колебаний, ни заблуждений. Истина — одна, и истинный путь один; и эта истина — дважды два, и этот истинный путь четыре. И разве на абсурдом было бы, если бы эти счастливо, идеально перемноженные двойки — стали думать о какой - то сво-

боде, т. е. ясно — об ошибке? Для меня аксиома, что Р-13 сумел схватить самое основное самое....

Тут я опять почувствовал — сперва на своем затылке, потом на левом ухе — теплое нежное дуновение ангела — хранителя. Он, явно, заметил, что книга на коленях у меня — уже закрыта и мысли мои далеко. Что-ж — я хоть сейчас готов развернуть перед ним страницы своего мозга: это такое спокойствие, отрадное чувство. Помню: я даже оглянулся, я настойчиво, просительно посмотрел ему в глаза — но он не понял — или не захотел понять — он ни о чем не спросил... Мне остается одно: все рассказывать вам, неведомые мои читатели (сейчас вы для меня так же дороги, и близки, и недостижимы — как был он в тот момент).

Вот был мой путь: от части — к целому: часть Р — 13, величественное целое — наш Институт Государственных Поэтов и Писателей. Я думал: как могло случиться, что древним не бросалась в глаза вся нелепость их литературы и поэзии? Огромнейшая великолепная сила художественного слова — тратилась совершенно зря. Просто смешно: — всякий писал — о чем ему вздумается. Так же смешно и нелепо, как то, что море у древних круглые сутки тупо билось о берег, и заключенные в волнах миллионы килограммов — уходили только на подогревание чувств у влюбленных. Мы из влюбленного потопа волн — добыли электричество, из брызжущего бешеною пеной зверя — мы сделали домашнее животное; и точно также у нас приручена и оседлана когда то дикия стихия поэзии. Теперь поэзия — уже не безпардонный соловьиный свист: поэзия — государственная служба, поэзия — полезность. Наши знаменитые — «Математические Нонны»: без них разве могли бы мы в школе так искренне и нежно полюбить четыре правила арифметики? А «Шипы» — этот классический образ: Хранители — шипы на розе — шипы, охраняющие нежный Государственный Цветок от грубых прикосновений... Чье каменное сердце останется равнодушным при виде невинных детских уст, лепечущих как молитву: «Злой мальчик — розу хватить рукой. Но шип стальной кольнул иглой — шалун «ой - ой» — бежит домой» ... и так да-

лее. А «Ежедневные Оды Благодетелю»: кто, прочитав их, не склонится набожно перед самоотверженным трудом этого нумера из Нумеров. А жуткие, красные «Цветы судебных приговоров»? А бессмертная трагедия «Опоздавший на работу»? А настольная книга «Стансов о половой гигиене»?

Вся жизнь во всей ее сложности и красоте — навеки зачеканена в золоте слов. Наши поэты уже не витают более в эмпиреях: они спустились на землю; они с нами в ногу идут под строгий механический марш Музыкального Завода; их лира — утренний шорох электрических зубных щеток и грозный треск искр в Машине Благодетеля, и величественное эхо гимна Единому Государству, и интимный звон хрустально - сияющей ночной вазы, и волнующий треск падающих штор, и веселые голоса новейшей поваренной книги, и еле слышный шопот уличных мембран.

Наши боги здесь, внизу, с нами — в Бюро, в кухне, в мастерской, в уборной; боги стали как мы: мы стали, как боги. И к вам, неведомые мои планетные читатели, к вам мы прилетим, чтобы сделать вашу жизнь божественно - разумной и точной, как наша....

Запись 13-я.

Конспект:

ТУМАН. ТЫ.СОВЕРШЕННО НЕЛЕПОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

На заре проснулся — в глаза мне розовая, крепкая твердь. Все хорошо, кругло. Вечером придет О. Я — несомненно уже здоров. Улыбнулся, заснул....

Утренний звонок, встаю — и совсем другое: сквозь стекла потолка, стен, всюду, насквозь — туман. Сумасшедшие облака, все тяжелее — и легче, и ближе, и уже нет границ между землею и небом, все летит, тает, падает, не за что ухватиться. Нет больше домов: стеклянные стены распустились в тумане, точно кристаллики соли в воде. С тротуара — там, в домах, темные фигуры — как взвешенные частицы в бредовом, молочном растворе — повисли низко, и, выше, и еще выше — в десятом этаже. И все ды-

мится — может быть, какой - то неслышно бушующий пожар...

Ровно в 11.45, перед тем как идти на обычные, согласно Часовой Скрижали, занятия физическим трудом, я забежал к себе в комнату. Вдруг телефонный звонок, голос — длинная медленная игла в сердце:

— Ага —, вы дома? Очень рада. Ждите меня на углу. Мы с вами отправимся... ну, там увидите куда.

— Вы отлично знаете, что сделаете так, как я вам говорю. До свидания. Через две минуты..

Я стоял на углу. Нужно же было показать ей, что мною управляет Единое Государство, а не она «Так, как я вам говорю»... — и ведь уверена: слышу по голосу. А что если. — —

Серые, из сырого тумана сотканые юнифы торопливо существовали возле меня секунду и неслышно растворялись в туман. Я не отрывался от часов, я был — острая, дрожащая секундная стрелка. Восемь, десять минут... Без трех, без двух двенадцать....

Кончено. Я опоздал. Как я ее ненавижу. Но надо же мне было показать...

На углу в белом тумане — кровь — разрез острым ножом — губы.

— Я, кажется, задержала вас. Впрочем, все равно. Теперь вам уже поздно.

Как я ее — — Впрочем, да: поздно уж.

Я молча смотрел на губы. Все женщины — губы, одни губы. Чьи - то розовые, упруго - круглые: кольцо, нежная ограда от всего мира. И эти: секунду назад их не было, и только сейчас — ножом, — и еще каплет сладкая кровь...

Ближе — прислонилась ко мне плечом — и мы одно, из нее переливается в меня — — И я знаю: так нужно. Знаю каждым нервом, каждым волосом, каждым до боли сладким ударом сердца. И такая радость покориться этому **нужно**. Вероятно, куску железа также радостно покориться неизбежному, точному закону — и впитаться в магнит. Камню, брошенному вверх, секунду поколебаться — и потом

стремглав вниз, на землю. И человеку, после агонии, наконец, вздохнуть последний раз и умереть.

Помню: я улыбнулся растерянно и ни к чему сказал:

— Туман... Очень.

— Ты любишь туман?

Это древнее, давно забытое «ты», «ты» властелина к рабу — вошло в меня остро, медленно: да, я — раб, и это тоже нужно, тоже хорошо.

— Да, хорошо... вслух сказал я себе. И потом ей:

— Я ненавижу туман. Я боюсь тумана.

— Значит — любишь. Боишься потому, что это сильнее тебя, ненавидишь — потому что боишься, любишь — потому что не можешь покорить это себе. Ведь только и можно любить непокорное.

— Да, это так. И именно потому — именно потому я...

Мы шли двое — одно. Где - то далеко сквозь туман чуть слышно пело солнце, все наливалось упругим, жемчужным, золотым, розовым, красным. Весь мир — единая необъятная женщина, и мы — в самом ее чреве, мы еще не родились, мы радостно зреем. И мне ясно, нерушимо-ясно: все — для меня: солнце, туман, розовое, золотое — для меня...

Я не спрашивал, куда мы шли. Все равно: только бы идти, идти, зреть, наливаться все упруге. — —

— Ну вот... I остановилась у дверей. — Здесь сегодня дежурит как раз один... Я о нем говорила тогда, в Древнем Доме.

Я издали, одними глазами прочел вывеску: «Медицинское Бюро». Все понял.

Стеклянная, полная золотого тумана, комната. Стеклянные потолки с цветными бутылками, банками. Провода. Синеватые искры в трубках.

И человек — тончайший. Он весь как будто вырезан из бумаги и, как бы он не повернулся — все равно у него только профиль, остро - отточенный, сверкающее лезвие — нос: ножницы — губы.

Я не слышал, что ему говорила I: я смотрел, как она

говорила — и чувствовал: улыбаюсь неудержимо, блаженно. Сверкнули лезвием ножницы - губы и врач сказал:

— «Так, так. Понимаю. Самая опасная болезнь — опаснее я ничего не знаю... — засмеялся, тончайшей бумажной рукой быстро написал что то, отдал листок I: написал — отдал мне.

Это были удостоверения, что мы — больны, что не можем явиться на работу. Я крал свою работу у Единого Государства, я — вор, я — под Машиной Благодетеля. Но это мне — далеко, равнодушно, как в книге... Я взял листок, не колеблясь ни секунды; я — мои глаза, губы, руки — я знал: так нужно.

На углу в полупустом гараже мы взяли аэро. I опять, как тогда села за руль, подвинула стартер на «вперед», мы оторвались от земли, поплыли. И следом за нами все: розово - золотой туман; солнце; тончайше - лезвинный профиль врача, вдруг такой любимый и близкий. Раньше — все вокруг солнца: теперь — я знал — все вокруг меня — медленно, блаженно, с зажмуренными глазами...

Старуха у ворот Древнего Дома. Милый, заросший, с лучами морщинками рот. Вероятно, был заросшим все эти дни — и только сейчас раскрылся, улыбнулся:

— А — а, проказница. Нет, чтобы работать, как все... Ну, уж ладно, ладно. Если что — я тогда прибегу, скажу...

Тяжелая, скрипучая, непрозрачная дверь закрылась и тотчас же с болью раскрылось сердце широко — еще шире: — Настежь. — Ее губы, мои, я пил, пил, отрывался, молча глядел в распахнутые мне глаза — и опять...

Полумрак комнат, синее, шафранно - желтое, темно-зеленый сафьян, золотая улыбка Будды, красного дерева широкая кровать, мерцание зеркал. И — мой старый сон, такой теперь понятный: все напитано золотисто - розовым соком, и сейчас перельется через край, брызнет — —

Созрело. И неизбежно, как желтое в магнит. Сладкой покорностью точному непреложному закону — я влился в нее. Не было меня. Были только нежно - острые, стиснутые зубы, были широко распахнутые мне золотые глаза — и через них я медленно входил внутрь, все глуб-

же. И тишина — только в углу — за тысячи миль каплют капли в умывальнике и я — вселенная, и от капли до капли — эры, эпохи....

Накинув на себя юнифу, я нагнулся к I — и глазами вбирал ее в себя последний раз.

— Я знала это... Я звала тебя... — сказала I, очень тихо. Провела рукой по лицу, что - то смахнула, быстро поднялась, надела юнифу — и всегдашнюю свою острую улыбку — укус.

— Ну-с, падший ангел. Вы ведь теперь погибли. Нет, не бойтесь. Ну, до свидания. Вы вернетесь один. Ну.

Она открыла зеркальную дверь, вделанную в стену шкафа; через плечо — на меня; ждала. Я послушно вышел. Но едва переступил порог вдруг стало нужно, чтобы она прижалась ко мне плечом — только на секунду плечом, больше ничего.

Я кинулся назад — в ту комнату, где она (вероятно) еще застегивала юнифу перед зеркалом, вбежал — и остановился. Вот — ясно вижу еще покачивается старинное кольцо на ключе в двери шкафа, а I — нет. Я обшарил все, я даже открыл шкаф и ощупал там пестрые, древние платья — никого...

Мне как - то неловко, планетные мои читатели, рассказывать вам об этом совершенно невероятном происшествии. Но что же делать, если все это было именно так. А разве весь день с самого утра не был полон невероятностей, разве не похоже все на эту древнюю болезнь сновидений. И если так — не все ли равно: одной нелепостью больше или меньше. Кроме того я уверен: раньше или позже всякую нелепость мне удастся включить в какой - нибудь силлогизм. Это меня успокаивает, надеюсь успокоит и вас.

— Как я полон. Если бы вы знали: как я полон.

(Продолжение следует)

Е. Замятин.

Лейтенант Шмидт *)

(ИЗ ПОЭМЫ 1905 ГОД)

ПОСВЯЩЕНИЕ

Мельканье рук и ног, и вслед ему:
«Ату его сквозь тьму времен! Резвей
Ревя рога! Ату! А то возьму
И брошу гон и ринусь в сон ветвей».

Но рог крушит сырую красоту
Естественных, как листья леса, лет.
Царит покой, и что ни пень — Сатурн:
Вращающийся возраст, круглый след.

Ему б уплыть стихом во тьму времен,
Такие клады в дуплах и во рту.
А тут носи из лога в лог ату,
Естественный, как листья леса, стон.

Век, отчего травить охоты нет?
Ответь листвою, стволами, сном ветвей
И ветром и травкою мне и ей.

*) За последнее время приезжие из России часто привозят произведения, по большей части поэтические, современных писателей, распространяющиеся в списках до напечатания в российских изданиях. Приводим полученную нами таким образом поэму Б. Пастернака «Лейтенант Шмидт», до сих пор еще не появляющуюся в печати.

1

ВСТРЕЧА

Поля и даль распластывались эллипсом.
Шелка зонтов дышали жаждой грома.
Палящий день бездонным небом целился
В трибуны скакового ипподрома.

Народ потел, как хлебный квас на леднике,
Привороженный таяньем дистанций.
Крутясь в смерче копыт и наголенников,
Как масло били лошади пространство.

А позади, размерно - бьющим веяньем
Какого то подземного начала,
Военный год взвивался за жокеями
И лошадьми и спицами качалок.

О чем бы ни шептались, что бы не пили,
Он рос кругом и полз по переходам
И вмешивался в разговор и пепельной
Щепоткою примешивался к водам.

Все кончилось. Настала ночь. По Киеву
Пронесся мрак, швыряя ставень в ставень,
И хлынул дождь. И вот, как в дни Батыевы,
Ушедший день стал странно - стародавен.

2

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Я Вам писать осмеливаюсь. Надо ли
Напоминать? Я тот моряк на дерби.
Вы мне тогда одну загадку задали.
А, впрочем, после, после. Время терпит.

Когда я увидал Вас. . . но до этого
Я как то жил и вдруг забыл об этом,
И разом начал взглядом Вас преследовать
И потерял в толпе за турникетом.

Когда прошел столбняк моей бестактности
Я спохватился, что не знаю, кто Вы.
Дальнейшее известно. Трудно статься,
Чтоб встретиться столь баснословно снова.

Вы вдумались ли только в то, какое здесь
Раздолье вере! — Оскорбиться взглядом,
Пропасть в толпе, случиться ночью в поезде,
Одернуть зонт и очутиться рядом!

Вот оправданье беспричинной дерзости,
Вот отчего я не кажусь Вам фатом.
Но надо кирпичу с карниза сверзиться,
Чтоб догадались люди: это фатум.

3

ПИСЬМО О ДРЯЗГАХ

Ваш отклик посвящен делам,
Я тем же вам отвечу
И кстати опишу бедлам,
Предшествовавший встрече.

Я ездил в Керчь. До той поры
Стоял я в Измаиле.
Вдруг — телеграмма от сестры —
И. . . силы изменили.

Четыре дня схожу с ума,
В бессильи чувств коснею.
На пятый, к вечеру — сама.
Я об'ясняюсь с нею.

Сестра описывает смерч
Семейных сцен и криков
И предлагает ехать в Керчь
Распутывать интригу.

Что делать? Подавив протест,
Таю, сестре в угоду,
Что, обнаружись мой от'езд,
Мне — крепости три года.

Помешали. Продолжаю. Решено:
Едем вместе. Это мне должно зачесться.
В гонке сборов и пока сдаю судно,
Закрывают отделение казначейства.

Ночь пропитана, как сыростью, судьбой.
Где б я был теперь, тогда же в путь не бросься.
Для сохранности решаюсь взять с собой
Тысячные деньги миноносца.

В Керчь водой, но по Дунаю все свои.
Разгласят, а я побег держу в секрете.
Выход ясен: трое суток толчеи
Колеями железнодорожной сети.

В Лозовой освобождается диван.
Сплю как мертвый от рассвета до рассвета,
Просыпаюсь и спросонок за карман.
Так и есть! Какое свинство! Нет пакета,

Остановка. Я — жандарма. Тут же мысль:
А инкогнито? — Спасаясь в волны спячки,
По приезде в Киев — номер. Пью кумыс,
И под душ, и на извознике на скачки.

Странно, скажете. К чему такой отчет?
Эти мелочи, относятся ли к теме?
Крупно только то, что мелко. Так течет,
Растопясь бессонной летней ночью, время.

4

ПИСЬМО ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

Давайте посчитаемся.
Едва сюда я прибыл,
Я все со дня приезда
Вношу для Вас в реестр.

И Вам всю душу выболтал
Без страха, как на таинстве,
Но в этом мало лестного
И тут великий риск.

Опасность увеличится
С течением дней дождливых.
Моя словоохотливость
Заметно возрастет.

Боюсь, не отпугнет ли Вас
Тогда моя болтливость?
Вы отмолчитесь, скрытчица,
Я ж выболтаюсь вдрызг.

Вы скажете, — ребячество —
Но близятся события.
А ну, как в их разгаре
Я скроюсь с Ваших глаз?

Едва ль они насытятся
Одной живою тварью:
Ваш образ тоже спрячется.
Мне будет не до Вас.

Я оглушусь их грохотом
И вряд ли уцелею.
Я прокачусь их эхом,
А эхо длится миг...

В виду моей затеи
До них и ради них.
И вот я с просьбой крохотной:
Нам с вами надо б с'ехаться

5

СТИХИЯ

Октябрь. Кольцо забастовок
О ветер! О ада исчадьё!
И моря, и грузов, и кладь
Летящие пряди.

О, буря брошюр и листовок!
О, слякоть! О темень! О зовы
Сирен, и замки и засовы
В начале шестого.

Глаза протереть! Оклематься!
О, юношеская бурность
Курсисток! О фурий — мишурниц
Старушечье: чур нас!

Щемящая грусть прокламаций.
О, море! О, рев о пощаде
И грохот безумных и здравых
И левых и правых!

От тюрем — к брошюрам и бурям.
О ночи! О вольные речи
И залпам навстречу — увечья
Отвесные свечи!

О кладбище в день погребенья,
И, в лад лейтенантовой клятве,
Заплаканных взглядов и платьев
Кивки и об'ятья!

О лестницы в крепе! О пень! —
И хором, в ответ незнакомцу,
Стотысячной бронзой о бронзу:
Клянись! Клянемся!

О кучи песку и азбеста,
Летящие с берега на дом
К садам, становящимся задом,
Ветвями к фасадам!

О ветер в оgrade! Пресытись,
Ты рыщешь с искромсанной клятвой
Клянись! Клянемся! — Клянись,
Как тени велят вам!

О вихрь обрывающий фразы,
Как клены и вязы. О ветер
Хранящий из связей на свете
Одни междометья!

Ты носишь бушующей гладью:
«Потомства и памяти ради —
Ни пяди обратно! Клянись!»
«Клянемся. Ни пяди!»

6.

МУЖСКОЕ ПИСЬМО

Здравствуйте, моя подруга!
Здравствуйте, моя опора!
Сделано большое дело,
Это дело сделал я.

Только б не сорваться с круга,
В эти дни я сдвинул гору,
И теперь откроюсь смело —
Я люблю Вас, жизнь моя!

В этом нет для Вас позора.
Всем любовь мою откройте.
Я теперь в чести и славе.
Ваш поклонник знаменит.

Можете сказать, и вправе,
Вас боготворит не пройда,
Но предмет статей и споров
И поборник правды — Шмидт.

В этот холод, в эту застыдь,
В эти дни торжеств и паник,
Где, как не у Вас, дружочек
Где, о где набраться сил!

И о как же мне не хвастать!
Я — пожизненный избранник
Севастопольских рабочих
После речи у могил.

Речь известна по газетам
И вошла в анналы края.
Пробудил ли вид заглавья
Что-нибудь у вас в груди?

Ах, я в Вас души нё чаю
И живу заемным светом...
Мы добьем самодержавье —
Что еще то впереди!

7.

МАРСЕЛЬЕЗА

Артиллерист стоит у кормила...
(Поверх Барьеров).

Постойте! Куда вы? Читать? Не дотолчетесь!
Все сплелось в беспорядке за фортами, и земля
Ничего не боясь, ни о чем не заботясь,
Парит растрепой по ветру, как Бог пошлет, крыля.

Еще вчерашней ночью гуляющих заботил
Еще вечерний очерк Севастопольских валов,
И воронье редутов из вереницы метел
В полете превращалось в стаю песьих голов.

Теперь на под'ездах расклеен оттиск
Сырого манифеста. Ничего не боясь,
Ни о чем не заботясь, обкладывает подпись
Под клейстерным пластырем следы недавних язв.

Даровать населению незыблемые основы
Гражданской свободы. Установить, чтоб никакой. . .
И зыбким киселем заслякотив засовы
На подлинном собственной, его величества рукой.

Хотя еще октябрь, за дряблой дрожью ветел
Уже набрякли сумерки хандрою ноября.
Виной ли манифест иль дождик разохотил
Саперы месяц слякоть и гуляют егеря.

Не толкайтесь, пожалуйста! На действительных началах
Неприкосновенности личности — ничего не боясь,
Ни о чем не заботясь скрипят причалы
Дунайских пароходств и интендантских тунеядств.

Дан в Петергофе. Дата. Куда? Свои! Не бойтесь!
В порту торговом давка. Солдаты, босяки.
Ничего не боясь, ни о чем не заботясь,
Висят замки в отеках картофельной муки.

Доношу о распущенности в Брестском и Белостоцком
Полках, выражающейся в шатаньи по ночам
И езде на извозчиках из подражанья флотским,
По халатности начальства, не заботящегося ни о чем.

8.

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

Вообрази, чем отвратительней
Действительность, тем письма глаже.
Я это проверил на «Трех Святителях»,
Где третий день содержусь под стражей.

Покаместь опасаться нечего.
Да я и неробкого десятка.
Прими нелепость происшедшего.
Без горького осадка.

И так как держать меня ровно не за что,
То и покончим с этим делом.

Вот как спастись от мыслей лезущих
Без отступа по суткам целым!

Припомнишь мать, и опять безоглядно
Жизнь пролетает в караване
Иголодавшихся и радужных
Надежд и разочарований.

Оглянешься — картина целостней:
Чем больше было с нею розни,
Чем чаще думалось: что делать с ней!
Тем и ее ответ серьезней.

И снова я в Морском Училище.
О, прочь отсюда, на минуту
Вдохнувши мерзости бессияющей!
И вот я выхожу оттуда.

Ведь это там на дне военщины,
Навек ребенку в сердце вкован
Облитый мукой облик женщины
В руках поклонников Баркова.

И вновь болею ей и ратую
Один как перст средь мракобесья,
Как мальчиком в восьмидесятые.
Ты помнишь эту глушь репрессий?

А помнишь, я приехал мичманом
К вам на лето, на перегибе
От перчитанного к личному?
Еще мне предрекали гибель.

Тебе пришлось отца задабривать.
Ему, контр-адмиралу, чуден
Остался мой уход на фабрику
Сельскохозяйственных орудий.

Взгляни ж теперь, порою выводов,
При свете сбывшихся иллюзий,
На невидаль того периода:
На мичмана в рабочей блузе.

Прервал и жалею. Усилилась качка. На то ли я
Ловлю ее плеск, чтоб болеть тем полней. Неужели
Недели пройдут в этой пытке? Острог — санатория
Пред этой пловучей покойницкою на качелях!

Добро бы хоть каторга! Можно б от диспутов выспаться.
Добро бы гробница! Хеопс утопает в удобствах!
Но — обе в подобьи! Весь день электричество. Исподволь
Мне помпою воздух качают, чтоб я не задохся.

Нет сил моих, Ася! Всей шлепающейся громадою
Гиганта судна бескуражею с бухтыбарахты.
Едва чебурахнет, — и падаю духом, и падаю,
Ни дна, ни скончанья, как дням и качаньям гауптвахты.

И еканье сердца сливается с дерганьем якорным,
И чудится, за гроыханием волн временами,
Что не броненосец, лягаясь, становится на корму,
А зыбится жизнь и пугаются воспоминанья.

Чего я страшусь? Обещаются в пятницу выпустить.
За речь, объяснилось. Но на сердце точно ободья.
И трудно дышать мне, и чувствую, — нет во мне гибкости.
Какой я политик и что меня ждет на свободе?

А вдруг я герой обреченный? Еще обстоятельство:
— Я вижу, ты машешь рукой, отгадала мол, — влюбчив.
Оставь, не до шуток. Тот порох без повода тратился,
А эта — грядущего детище, Ася голубчик!

Я века предвестье люблю в ней. Ее не ослабили
Ни бедствия брака, ни бездна изведенной боли.

Нежданная радость. Велят собираться, и на берег.
Поздравь меня, Ася. Я кажется снова на воле.

9.

НОЯБРЬСКИЙ МИТИНГ

Три градуса выше нуля.
Продрогшая земля.
Промозглое облако во сто голов
Сечет крупной подошвы стволов

И лоском олова берясь
На градоносном бризе
Трепещет листьев неприязнь
К прикосновенью слизи.

О государства истукан,
Свободы вечное преддверье!
Из клеток крадутся века
По Колизею бродят звери.

И вечно тянется рука
В столетий изморозь сырую,
Зверинец верой дрессируя,
И вечно делается шаг

От римских цирков к римской церкви,
И мы живем по той же мерке —
Мы, люди катакомб и шахт.

10

ВОССТАНИЕ

Вдруг кто то закричал: пехота!
Настал волненья алогей.
Амуниционный шорох роты,
Командой грохнулся: к ноге!

В ушах шатался шаг шоссейный
И вздрагивал и замирал,
По строю с капитаном Штейном
Прохаживался адмирал.

«Я б ждать не стал, чтоб чирей вызрел.
Я б гнал и шпарил по пятам.
Предлогов тьма. Случайный выстрел,
И — дело в шляпе, капитан».

«Parlez plus bas» — заметил сухо
Другой. — «Притом, я не оглох.
Подумайте, какого слуха
Коснуться может диалог».

Шагах в восьми, вполоборота,
В струеньи лент, как в выпелах,
Верста матросских подбородков
Гулявших взглядами жрала.

И вот, едва ушей отряда
Достиг шуточный разговор,
Как грянуло два данных кряду
Нежданных выстрела в упор.

Все заслонилось передрягой.
Исгладилось, как, побелев,
«Ты прав!» вскричал матрос с Варяга,
Георгиевский кавалер.

И, дважды приложась с колена,
Шварк об землю ружье, и вмиг
Привстал и, точно куртка тела,
Стал рвать душивший воротник,

И слышал: сдного — смертельно,
И знал: другого — наповал.
И рвал гайтан и тискал тельник
И ребер сдерживал обвал.

А уж перекликались с плацем
Дивизии. Уже копной
Ползли и начинали стлаться
Сигналы мачты позывной.

И вдруг зашевелилось море.
Взвились эскадры языки
И дернулись в переговоре
Береговые маяки.

«Ведь ты — не разобрал, без злобы?
Ты стой на том и будешь цел».
— Нет, вашество, белить не пробуй.
Я вздраве наводил прицел».

«Тогда», — и вдруг застряло слово:
Кругом, что мог окинуть глаз —
«Ты сам пропал и арестован».
Восстанья присказка вилась.

Гирляндой, версты огибавшей,
По вантам бился переклик.
Опрашивали экипажи,
Поддерживали, берегли.

Флажки шептали: смерть драконам,
Но новый ветер, налетев,
Сменял их верными законам
Или сулил нейтралитет.

Когда ж сменилась пляска знаков
Несением ночных дежурств,
Одни Потемкин и Очаков
Остались верны мятежу.

Б. Пастернак.

Повесть о трех неудачах.

Эти три эпизода, три главы, — почти не связаны хронологически и сведены лишь условно в форму одной повести. Я все же настаиваю на их общности. Прежде всего, это рассказы о неудачах, — так как смерть я считаю неудачей. Кроме того, в облике каждого из героев я нахожу предрасположенность к катастрофе: их неудачи понятны и естественны.

География подарила нам великий закон равнодушия; история учит нас быть беспристрастными ко всему, что создано выдумками мечтателей и руками рабов многих поколений, — в чем слышатся трепет мысли и прыжки запертого сердца.

Я не всегда умел пользоваться подарками географии: каждую смерть я принимал, как личное оскорбление. Время научило меня быть спокойнее. Теперь я ищу причины — и констатирую известную естественность в судьбе моих героев. Мой пес умер потому, что не понял революции. Володя Чех был убит в бою, — может быть потому, что эта же самая судьба не любит одноглазых, слишком напоминающих ей об ее собственной слепоте. Преступление, жертвой которого стала мадам Шуцман, было, несомненно, совершено художником: я не решусь утверждать, что ее неоригинальность и обыкновенность послужили поводом для убийства, но это предположение несколько не менее вероятно, чем другие.

Наконец, Илья Васильевич Аристархов кончил так грустно, потому, что был сам по себе несвоевременен и

несовременен, — был результатом ошибки в вычислении лет. Революция, строгий цензор и скверный математик, подчеркнула эту ошибку, раз навсегда лишив Илью Васильевича возможности выйти за пределы подчеркнутого. Таким образом, он был осужден. С ужасом он увидел, что справа и слева ему загромождает дорогу то, что он называл «тяжелыми стенами реальности». Он мог двигаться только вперед или назад. Он выбрал второй путь; этот путь оказался аллеей сада, прилегающего к больнице для умалишенных.

Повесть о трех неудачах — написанная в первом лице — рассказ спутника осужденных, свернувшего в сторону наименьшей мягкости и наименьшего сопротивления.

I.

В свое время мы родились незаржавленными и молодыми и жизнь каждого из нас перегоняла медленные стрелки стенных часов, тяжелые удары соборного времени и беспрестанное тиканье почти хронометров Павла Буре.

Нас было четверо; и после того дня, когда я впервые увидел женщину прямых линий, гулявшую под руку с Володей Чехом, я думал о любви и рисовал смешное сердце, проткнутое стрелой и выпадающее из собачьей пасти. Это случилось так.

Лежа в роще, мы отдыхали: перед этим я долго ехал по белому шоссе, пес бежал за задним колесом велосипеда. Мы оба устали: в роще было тихо, белое пятно моей рубашки не шевелилось, красный язык моего друга равномерно трясся на зубах. С шоссе изредка слышалось топонье лихача: оно удалялось очень минорно и уши пса долго оставались поднятыми. В эти годы солнце стояло высоко.

Это происходило незадолго до трагедии, сломавшей крепкую четвероногую жизнь моего друга и бросившей меня далеко от моего города и загородных рощ. Я был старше пса на десять лет. Я принес его домой слепым

щенком и выкормил его: я никому не позволял его бить, он вырос, не зная человеческих ударов. Мы жили вместе, он спал у дверей моей комнаты. Во многом у нас были одинаковые взгляды: мы оба никогда не трогали нищих: я, — потому что им не завидовал, он — из высокомерия.

В то лето я читал *Paroles d'un révolté*; пес лежал на ковре и о чем то думал. Мне казалось, что его мысль была всегда о движении, статического быта он не признавал. Я разговаривал с ним: он слушал, наклоня голову, вскакивал, подходил ближе и успокаивался. Может быть, он хотел сказать, что когданибудь будет знать столько же цитат, сколько и я.

— Жить, брат, все таки можно, — сказал я, — только не надо умирать.

Мы лежали на траве: топот последнего лихача замолк с полчаса тому назад. Вдруг послышались шаги. Мой друг зарычал и вскочил. Я приподнялся на локте. Из за деревьев вышла женщина прямых линий и за ней — карманщик Володя Чех.

Женщина шла, не сгибая ног гордо и резко выставив острые прямые груди. Я не видел до этого таких прямых, — и не знал, что в жизни есть своя геометрия, неуложившаяся в теоремы о сумме углов. И моя встреча с женщиной прямых линий была первым уроком ежедневной математики, науки о положительных и отрицательных величинах, о форме женской груди, о тупых углах компромиссов, об острых углах ненависти и убийства. Володю Чеха я знал случайно: он был крив на левый глаз и обладал страшной силой пальцев. Я посмотрел на него: женщина остановилась: пес вздрагивал и рычал. Я остался лежать. И я сказал Володе:

— Да ведь она, голубчик, не гнется.

Володя промолчал.

— Ты бы познакомил?

Слово было за женщиной прямых линий она осмотрела меня, моего друга, велосипед.

— Не надо нам таких знакомств.

— До свиданья, тетенька.

Володя пробурчал:

— В двенадцать апостолов!

Нога женщины сделала шаг, опустилась, не согнувшись. Это было движение прямых и стремительных линий. Володя пошел вслед за ней.

Возвращаясь в город, мы их обогнали: Володя закричал что-то, женщина повернула голову, — быстро и презрительно.

Раз днем мы пошли на базар к букинисту, тихому старику в ермолке: он сидел, обычно, окруженный книгами и читал трудные древние тексты. Он одевался в черное: глядя на него, я думал о библейских старцах и об удивительном народе пророков, мудрецов и коммерсантов, донесших свою огненную и суровую мысль до шумных рынков революционной России.

К старику часто прибегала внучка, маленькая красивая девочка лет десяти с черной головой и гордыми еврейскими глазами: со мной она обходилась немного пренебрежительно, со стариком ласково. Мы были своими людьми в этой лавочке. Сначала входил я, за мной — пес. Старик хорошо знал меня: я никогда не торговался и натравливал собаку на маленьких базарных хулиганов, дразнивших его жидом.

На этот раз старика не было: только внучка внезапно вынырнула из под громадных книг: мой друг замахал хвостом.

— Деда нет.

— Ничего, я сам поищу.

Книги пахли старой пылью. Я просматривал заглавия: под томом сумасшедшего Штирнера лежал роман кн. Бебутовой «Жизнь — копейка». Девочка, увидавшая на обложке нелепую красную женщину, засмеялась. Я не заметил, как она ушла.

Через минуту девочка вбежала: она остановилась, задыхаясь от слез и сказала:

— Там... дедушку... убьют...

Я подошел к двери и увидел белую бороду старика, окруженную красными лицами и глазами гудевшей толпы.

Резкий женский голос:

— Воры, сволочи, жида!

Я узнал женщину прямых линий и побежал к старику. Пес прыгнул за мной, перевернув гору книг и через несколько секунд мы очутились в толпе.

Кровь текла по лицу старика, он стонал и держался за щеку. В упор ему кричала женщина прямых линий:

— Ридикюль у меня вытащил, седины не стыдно, жидавская кровь проклятая!

От злобы я мог сказать только это:

— Оставьте старика.

— А тебе, чортов карандаш, что нужно?

Вокруг нас собиралось все больше народу: за старика, ставшего за мое плечо, держалась девочка.

Из толпы мне заметили назидательно:

— Учащийся! Тебе б уроки учить, а ты по базарам шляешься.

Пришел милиционер: ему рассказали в чем дело и он повел нас всех в комиссариат девочка бежала сзади, плача и не попевая.

На полдороге старик дал взятку милиционеру и тот сказал начальственно:

— Иди, дед. А вам, товарищ гимназист, нечего на базар ходить.

Мы вернулись в лавочку старика: я выбрал две книги. Он меня не благодарил, ему было неловко.

— Не любят здесь евреев.

— Дикий народ, дед.

Мы пошли домой, по дороге я сказал моему другу, что от женщины прямых линий следует держаться подальше. Но какое отношение она имеет к Володе Чеху?

В тот день, когда карьере Володи угрожала гибель, когда недостатки и риск его трудного ремесла гнались за ним одичавшей в просторах революции толпой горожан,

— мы просто гуляли по улицам: я шел с моим другом по асфальтовому тротуару мимо высоких домов. Но наше спокойствие было нарушено. Из за угла донесся гул многих голосов. Через секунду мы увидели отчаянно бегущего Володю. В руке он держал браунинг, обмотанный батистовым платком.

Он бежал прямо навстречу нам, его единственный глаз спокойно и медленно поворачивался в орбите. За ним, свистя, крича, надрываясь, и боясь приблизиться тяжело топали разные люди в разной одежде: тонкие свистки милиционеров быстро пересвистывались на ближайших углах.

Пес рванулся с места и бросился на Володю. Я закричал, сколько было сил: — Назад! Он очень удивился, но вернулся. Я прислонился к стене, держа его за ошейник: пробегая мимо нас Володя узнал меня и успел только произнести — а! — самый легкий звук.

Дальше, третьи или четвертые ворота от того места, где я стоял, был проходной двор, извилистый, темный и запутанный. Володя бежал туда. И уже, когда оставалось шагов двадцать, дворник соседнего дома бросил ему под ногу длинную палку от метлы. Володя ахнул и упал. Мы не выдержали и побежали к нему: я думал, что на этот раз Володе пришел конец. Мой друг чувствовал острый запах убийства: его шерсть стояла дыбом и кожа вздрагивала.

Но, лежа, Володя выстрелил и дворник свалился с тротуара. Толпа приближалась. Володя поднялся и побежал, сильно хромая. Он скрылся в проходном дворе: его так и не нашли. Труп дворника с раскрытым ртом и челюстями, раздвинутыми смертью, стащили в ближайший подвал.

Был в нашем городе такой итальянец, звали его Андрей: но итальянец он был настоящий. Он продавал какие то бархатные куртки, ел чеснок и скверно говорил по русски. Я видел его с женщиной прямых линий: они шли под руку: за ними, прихрамывая, Володя Чех.

Я спросил у Володи, кто она такая.

— А! Катя. Рыжее любит.

И больше ничего. Рыжее на блатном языке значит золотое.

С ней бывал Сергеев, темный делец, свой человек во всех публичных домах, который потом стал офицером и командовал какими то солдатами в красной армии. Два или три раза я видел женщину прямых линий в театре, в креслах партера. Потом она надолго исчезла.

Пришел день, когда я уехал из этого города и оставил мою комнату для долгих морозных ночей и войны и угрюмого осеннего моря. Перед этим я видел еще первые жертвы выстрелов и спокойный открытый глаз Володи, которого убили на вторую неделю стрельбы. Мой друг остался дома: он не ушел со мной и нам никогда больше не придется ехать по белому шоссе и лежать, отдыхая, на траве. Он не хотел меня оставить, бежал за извозчиком до вокзала и — такой серьезный, мужественный и сентиментальный — выл у вагона. Не хорошо бросать в беде старых товарищей: но я уехал.

Моего друга отравили люди за то, что он не хотел отдать им кость, которую грыз. Это было в жестокое время, в 22-ом году. Он умирал очень тяжело, моя рука не касалась его холодеющей головы: с головокружением, непонятным для собак, он вспоминал, вероятно, вращение блестящих спиц и запах каменной пыли.

А женщину прямых линий я видел здесь. У нее браслеты на руках: она любит рыжее. Все так же редко и гордо выдаются под платьем острые, прямые груди: движения сохранили свою несгибающуюся стремительность. Мое окно — против ее балкона. Ночью, когда я сижу и пишу, с балкона прямыми лучами отходит свет. У нее на квартире играют в карты.

В России нас было четверо: но Володины руки и глаз разделили горькую участь честного хвоста моего друга. Оба умерли в родном городе: один от злобной пули белых, другой — от яда мохнатого сердца, которое он проглотил.

Мы остались живы: я, променявший изгибы российских дорог на ровные линии запада, и женщина, любящая рыжее.

И осталась еще несложная аллегория: эмблема проткнутого сердца, выпавшего из собачьей пасти, урок геометрии углов и убийств, медленные стрелки тяжелых часов на готических церквах Франции, — время, покрытое ржавчиной.

II

В далеких и гулких пустырях моей памяти, окруженных зарослями крапивы безвременья, расположены квадратом четыре улицы южного города: Мещанская, Павловская, Слесарная и Владимирская. В их центре, под вывеской «Булочное и бубличное заведение» под сенью мадам Шуцман, под Эгидой Израиля, в приторном запахе еврейского квартала, белеет нарисованный образ насмешливой трагичности, пляшущий скелет на черной доске времени.

В квартале, сжатом с четырех сторон богатыми улицами, — четыре заведения пользовались наибольшей популярностью: гостинница «Русское хлебосольство» на Васильевской, с разбитыми, починенными и вновь разбитыми стеклами, бильярдная Качурьянца, общественная библиотека и прохладный подвал «деда» с надписью в одну строку «кафе закуска три бильярда».

Неподвижный и решительный, в валенках летом и зимой дед был похож на заснувшего пророка. Все время, сидя за своей стойкой, он дремал: просыпаясь внезапно, кричал, недоверчиво осматривал посетителей узкими глазами глядящими на свет вот уже семидесятый год, — и снова засыпал под стук шаров некрепким сном бессильной старости. Кончив игру, его трясли за плечо:

— Платить, что ли, дед?

— Плати, плати, дорогой: как же не платить?

В бильярдной Качурьянца, черного невысокого человека с бегающими глазами, никогда не вмешивавшегося в скандалы, Шурка Кац, один из бильярдных чемпионов,

торговал керенками и кокаином. Он был тайным компаньоном хозяина; вместе они торговали скверно перегнанным денатурированным спиртом, вместе старались привлечь клиентов с деньгами. Бильярдная, процветала. Ее постоянные посетители состояли из профессионалов — и людей, посвятивших себя искусству, рыцарям квадратных столов, упоительного звона луз и грозного треска шаров.

Гостинница «Русское хлебосольство» одноэтажное грязное здание, казалось, вместе с одесситом хозяином усвоило южный темперамент — отчаянные крики из за упавшего в щель пятака, и свирепые драмы из за просчитанного полтинника.

Из гостинницы с утра гремели голоса, к обеду стихали — и снова возвышались к вечеру, регулярные и упорные, как приливы и отливы.

Из окна доносилось:

— То есть, как это так, платить не будете?

— А очень просто.

— А вот так.

А!

Слышался звон стекол, топанье ног и из двери стремительно выбрасывался чьей то рукой хозяйинь гостиницы, высокий, апоплексический человек. Его несчастье заключалось в том, что он прожил до сорока лет, не научившись координировать движения, а это было особенно важно для его профессии — трактирщика беспокойного квартала. Удары его попадали мимо, левая рука как то заскакивала за спину, а ноги наступали одна на другую, — то ли от того, что был он хронически пьян, то ли от этого рокового неумения во время их переставлять.

Уже с улицы он орал:

— Ты без ножа докажи! С ножом всякий может.

Из дверей выходил победитель, Мишка переплетчик, средний тип с гладким и незапоминающимся лицом.

— Эх, ты, хозяйин!

Но торжество Мишки было недолгим: лютый горбатый старичек, помощник хозяина, оглушал Мишку сзади

— предательским ударом тяжелой дубовой палки, и Мишка с шумом падал на троттуар.

На следующий день он снова приходил в «Русское хлебосольство».

— Ты, Петрович, не сердись, поспорили мы вчера.

— Бог с тобой, Миша, и мысли такой не было, что бы сердиться.

Я любил тихий вечерний воздух Павловской улицы. Из-за углов приближался шум большого города, но сворачивал в сторону и исчезал. Мелькали поздние тени прохожих и два фонаря — на всю улицу — горели неярко и неровно. Тяжелые плиты камней лежали утомленные солнцем и суетливой дневной бегомней. Иногда появлялись дочери мадам Шуцман: старшая Софья, высокая надменная девушка, ученица театральной студии, — проходила с книжкой Блока или Брюсова; она всегда спешила: зайдет домой на минуту — и снова в город. Младшая, Маруся, всегда что-то напевавшая, беззаботная посетительница скабранных фарсов, подозрительных театров и лиги свободной любви. Мадам Шуцман знала, что ее дочери уже потеряли все, что в них было еврейского и никогда не вернуться в семью.

Вечером мадам Шуцман выходила на улицу — погрызть семечек, «подышать свежим воздухом». Огромная, расплывшаяся, с животом, выносившим двенадцать существ, из которых выжило только двое, — с сединой в волосах и беспокойными глазами, она казалась значительно старше своих лет. И только красные невыцветшие губы, да быстрые и неожиданные движения говорили о том, что не так давно она была молодой.

Мадам Шуцман любила рассказывать о своей жизни — и меня всегда удивлял ее спокойный тон, ее готовое примирение со всем тяжелым и неприятным.

— Так вы бы меня здесь не увидели, если бы не покойный Арончик. Вы понимаете, — это было очень давно, — я жила себе девушкой в хорошем заведении, хотя вы молодой и вам этого не надо знать. Да, так я уже собрала

денег и искала компаньона, что бы самой стать хозяйкой. И вот, пришел Арончик, привел меня в комнату и говорит, — что ты здесь пропадаешь, Дора, ведь это же стыд для еврейки. Я говорю — все люди стыдно живут и вот вы тоже пришли до девушки в публичный дом, так что вам нужно. Дора — говорит, — я тебя возьму отсюда, мы поженемся и уедем в другой город. А я отвечаю, — вы это можете другим рассказать, а я отсюда не уеду. Так что вы думаете? он заплакал. — Сделай, говорит, мое счастье, уйдем отсюда. Ну, я подумала и ушла.

А потом мы открыли булочную в Херсоне, а потом в Екатеринославе, и я все была беременная, а дети умирали. Я говорю — нет нам счастья, Арончик. — Поедем, говорит в этот город и тут уж навсегда останемся, ты будешь с детьми спокойнее, вырастет у меня сын.

Нет, не было мне счастья, нет у меня сына, только дочки. А пять лет назад умер Арончик, колбасой отравился. Осталась я одна с дочками; народ здесь меня не обижает. Кому нужна старая еврейка?

А, думаете, мало я слышала — «жидовка, жидовская морда?» А мало нас мучили? В Херсоне мясник был Хрисаиф, так он, хоть и женатый, все хотел до меня добратся, а я беременная. А Арончик за меня заступался. И вст, я из окна вижу, бьет его Хрисаиф, бьет, Арончик плачет: что еврей может? а у меня как сердце отрывается. Придет домой Арончик, лицо все синее, кровью обливается, слезы текут прямо без остановки, — и говорит: терпит бог все, такая наша доля, Дорочка. А пока я живой, так он тебя не тронет. Так что вы думаете? мясника Хрисаифа собственная собака загрызла, взбесилась и загрызла.

А когда погромы были, так нас приказчик русский спас, он Соню очень любил, конфеты ей приносил и в прятки играл. Он в булочной иконы поставил, сам сел у дверей и никого не пускал.

А потом его засудили, он хозяина своего застрелил. Тогда у меня Маруся родилась.

И после паузы мадам Шуцман сказала:

— Хорошие люди русские, только сердце у них горячее и кровь густая.

Так и не узнали, кто убил мадам Шуцман. Пришли мы с товарищем однажды утром на Павловскую. Дул ветер, дело было осенью, грузное небо России давило сверху на затихшие после ночной стрельбы улицы. Булочная была закрыта, мы вошли со двора.

Сквозь щели ставень проходил свет, у наших ног лежало тело мадам Шуцман с рассеченной головой. Рядом с ним — бесстыдно обнаженные ноги Маруси, у которой юбка была завязана крепким узлом над головой. Развязанная Маруся посмотрела вокруг, сказала по еврейски — какой стыд! — и заплакала, обнимая застывший жир материнского тела.

За прилавком, прислоненная к полкам с хлебом стояла черная доска, на которой мадам Шуцман считала свои расходы; и вот на этой доске искусной рукой был нарисован танцующий скелет.

III

«Вселенная была в беспорядке; среди развалин города бежала шумная светлая река, гигантский силуэт черной птицы сумрачно смотрел на быструю воду, на сверкающие хвосты русалок: по воздуху с ревом несло мохнатое стадо дьяволов: бог ехал на автомобиле, четыре архангела трубили в сигнальные трубы. Где то с грохотом падали в воскресших тысячелетиях массивные твердые Иерихона».

Так начинались записки Ильи Аристархова, русского, умершего в сумасшедшем доме Charenton'a. В самые последние дни, переведенный в больницу из Парижской центральной тюрьмы, он еще писал, отчаиваясь, целые страницы: он бросался на пол, лежал неподвижно часами и вставал, чтобы вновь приняться за работу, которую считал необходимой.

Всю жизнь Илья Васильевич думал, что ему суждено написать голубиную книгу. Это сказание русского эпоса всецело захватило его. По его убеждению голубиная книга могла быть написана только блаженным, так как взгляд обыкновенного человека отягчен гневом черных яблок или бесцветностью серого хрусталя: Те из нас, кто подобно героине «L'homme qui rit» имеют разные глаза, ослеплены одновременно чувственной яростью темного дьявола и холодным бельмом серого фона.

Я несу на себе тяжесть многих томов голубиной книги — говорил Илья Васильевич, — и от этого усилия мои глаза наливаются кровью. Но вижу я далеко и ясно: вижу тяжелые белые паруса Летучего Голландца, седую бороду Агасфера, и легкие лодки финикийцев.

Сумасшествие Ильи Васильевича состояло из двух одинаково сильных и неразрывно связанных маний: — преследования и величия. В тюрьме и сумасшедшем доме он делал вид, что никого не узнает: в те же моменты, когда его сознание почти целиком затемнялось, он называл доктора евнухом, служителя Франсуа — Робертом, а тихого соседа по койке, ювелира помешавшегося из за пропажи четырех стофранковых билетов, — своим «другом Тагором».

До больницы Илья Васильевич сделал обычный путь русского, бежавшего от революции: пошлость этого нищенского бегства не переставала его удручать. Как тысячи других, он грузил мешки в Константинополе, голодал в Вене, спекулировал в Берлине — и кончил свои сознательные дни в Париже. Но нигде и никогда он не забывал о том, что он должен написать голубиную книгу.

После его смерти служитель Франсуа передал мис его имущество: полотенце, несколько листов бумаги (остальное Илья Васильевич уничтожил) и прекрасную самопишущую ручку марки Waterman. Пером Waterman'овского золота была написана голубиная книга. От нее остались только те отрывки, которые я привожу.

Я знаю, что помешательство Ильи Васильевича не

было случайным: это пример одного из тех, кто не смог вместить в себе нехитрой премудрости современной ежедневности, для кого факты убедительней идей. Лирика голубиной книги, вернее этих десятков строк, — беспорядочна и романтична: бессилие Ильи Васильевича уйги от себя свидетельствует об отсутствии непосредственного изобразительного таланта: его тенденциозность — результат скверной традиции русской общественно-беллетристической литературы. Но голубиная книга не лишена интереса: она напряженна и фантастична и неопределенна, как облако, принимающее форму верблюда.

«Тяжелое, братья, солнце над Дарданеллами. Вот, я сплю, и вижу во сне Галлиполи, плевки белой пены на гальку и длинный черно-желтый берег. Там, в этой голой стране, где голодают оборванные дикари, где пашут на ослах и коровах, где грязь — вязкая, как оскорбления и тягучая, как передовые статьи газет, — мы жили лагерем побежденных солдат. Мы были побеждены: революцией и жизнью.

С берега мы глядели на величественные контуры трансатлантических пароходов, везущих расбогатевших буржуа из Стамбула в Европу и дальше, в Нью-Йорк. Мы бросались в море, но вода не принимала нас. Мы голодали. Однажды я проглотил кусок терпкой галлиполийской глины: и вот до сих пор этот комок, проростающий в моем сердце, давит на меня грузом желтого отчаяния голода и тяжелой памятью о земле, где я должен жить. Жизнь, разложенная на простейшие элементы, есть соединение грабежа, торговли и любви. Мы были грабителями. *Nonny soit qui mal y pense.*

Тяжелое, братья, солнце над Дарданеллами. Перед бегством оттуда я пошел посмотреть на кладбище тех, кого судьба послала из России на бледный берег Галлиполи для утучнения чужой земли. И вот, я вошел и увидел, что могилы стоят в затылок и рядами, — как строй солдат, как рота мертвецов; без команды и без поворота. Они умерли по номерам и по порядку: к страшному суду они

пойдут привычным строем и кара их будет легка, как служба часового.

Каждый делает, что умеет: румыны играют в оркестрах, кавказцы танцуют лезгинку. А мы умели только умирать. Это очень просто. Мы заполнили нашими телами глубины российских безвестных оврагов, и оставшимся в живых нечего делать».

«Они смеются и указывают мне пальцами на этот громадный город и говорят, — «вот как надо жить. Жить надо просто: ездить на трамвае, иметь чемодан и любовницу и платить в гостиннице.» Их мысль бессильна пробраться сквозь строй тусклых городских призраков, они не знают, что такое море и привыкли к клеткам, как попугаи. Я же знаю, что из мертвых лошадиных голов в мясных на меня смотрят глаза моих братьев, что с вот этими собаками я учился бегать, когда был щенком. Они называют это пантеизмом и атавизмом, но я вижу, как горят на костре книги Анатоля Франса, а они этого не видят.

Я обладаю тройным зрением: горизонтальная плоскость минутной протяженности, высокая вертикаль времени и острый угол, образованный временем и линией дальности. Но тройное зрение в жизни не нужно. Надо иметь чемодан и в этом они правы».

«И во враждебных зрачках окружающих я вижу то злобное пламя, которое испугало меня еще в детстве, когда я встретил волка в лесу, над Камой.»

«Вначале меня смущало количество плоскостей, в которых я живу, три аспекта, стоящие перед глазами. Эта торжественная цифра является в такой же степени моей, как все элементы тройного зрения.

Иногда мне удается очистить дороги моего взгляда от камней и булыжников реальности: я вижу сверкающий блеск воды и черную птицу и бога, охватившего, земной шар.

На линий дальности, в холодном воздухе уходящей и нескрывающейся перспективы я ставлю самое ценное, Россию.

Моя родина — дорога к богу. Его громадное сердце бьется над куполами Москвы и слова его, заглушенные городским шумом, трепещут в воздухе крыльями испуганных голубей».

«Утром, когда город еще спит, я стою в темном переулке и жую хлеб с паштетом. Это уже было, это повторяется. История нищенства едва - ли не древнее истории воровства.

Корабль, застрявший на мели нищеты сдвинем мы, русские. В нас есть то, чего не хватает остальным: бешеные религиозные евреи, фабричные песни и городские головы, на площадях танцующие канкан. Это святое легкомыслие нам дано христианством: мы служили богу, как плясун богоматери, мы чисты сердцем и нищи гордостью».

«Я вернулся в Россию, в дом, откуда уехал пять лет тому назад. И вот я увидел заколоченные ставни и чужую страну, да бурьян на заднем дворе, да развалившуюся трубу, да накопченный черный крест на двери. За два квартала, на окраине города горели бойни и тысячи крыс пища, бежали по улице.

Я ушел пешком. Летучие мыши пересекают линию дальности, ноги тонут в мягкой пыли и во всей стране играют гармоники.

Я снова в Париже.

Пусть похоронят меня в медном гробу, звучном, как труба, блестящем, как солнце и пусть поставят надо мной высокое синее знамя».

«Я пригласил комиссионера по продаже и переоценке духовных ценностей и предложил ему всю нидерландскую литературу за один сон князя Андрея. Агент, к моему удивлению, оказался знакомым. Это швейцар Владимирского исполкома.

Сделка состоялась и была вспрыснута. Агент, впрочем, не пьет ничего, кроме дезинфицированного бензина».

«Я ехал по линии железной дороги, огибающей открытое здание на выжженной поляне. Там я увидел моих спутников по войне: лежал там Мишка Васильев, пулеметчик, татуированный череп полковника Свистунова и вторая короткая нога каптенармуса Офицера».

Нам больше не по дороге, товарищи. Запах разложения побежденных бьет в лицо, ветер подымает с дороги пыль легкую, как победа.»

«Прихожу вечером, швейцар удивляется, — где, говорит, пропадаете.

Я ему сказал независимо:

— Бросьте, старик. С генералом Скобелевым небось не знакомы?»

«Когда я умру, пусть моя возлюбленная подарит своей благосклонностью двух иностранцев. Это необходимо для симметрии.

Дорогая Полина, остерегайся только людей с разноцветными глазами — и интриг дальнего родственника, анонимного недоброжелателя, продавца материи для синих знамен».

Г. Газданов.

„Красный кабачек“ Бальзака и „Братья Карамазовы“ Достоевского.

I.

Когда мы замечаем, что два литературных мотива, два сюжета в изобразительных искусствах или два мелодических оборота А и А¹ сходны между собою, то, как хорошо известно историкам искусства, из этого факта сходства могут быть сделаны в различных случаях весьма различные выводы. То же самое имеет место, когда мы подмечаем сходство в технических особенностях и в стиле при разработке двух художественных сюжетов. **Во первых**, можно говорить о **непосредственном влиянии** одного произведения на другое. Так, например, тема скерцо 5-ой симфонии Бетховена похожа на тему скерцо g-moll'ной симфонии Моцарта. Можно ли тут говорить о непосредственном влиянии? Можно, потому, что в рукописи партитуры 5-ой симфонии Бетховен приводит как бы в виде эпитафии к скерцо соответствующую музыкальную цитату из Моцарта. **Во вторых**, возможна опосредствованная передача, напр., в так называемых **странствующих сюжетах**. Так, напр., Достоевский рассказывает, что в одном из спектаклей, которые давались при нем в каторжной тюрьме, исполнялась пьеса «Кедрил-обжора», являющаяся одним из народных прототипов сюжета «Дон Жуана». Проф. Б. Турнев сообщает в своей истории египетской

литературы, что у древних египтян имелась басня о споре желудка с головой, которая была известна римлянам (Менепли Агриппа). На древних египтянских карриатурах мы находим «проказницу мартышку», осла, льва и крокодила, исполняющих квартет, мышиноного царя, (в позе фараона), осаждающего птичью крепость, что напоминает нам лубочную картинку, «как мыши кота погребают». **В третьих**, возможно поразительное сходство двух сюжетов и вообще двух литературных мотивов А¹ и А², которые никак не влияли друг на друга, но имеют общий первоисточник. Так например, Александр Веселовский обратил внимание на сходство одного эпизода в старом французском романе „Tristan Leonnois“ с эпизодом погружения в воду Садко в известной русской былине. Во французском романе некто Садок, убив своего шурина, покушавшегося на честь его жены, бежал с нею, отплыл на корабле, корабль вдруг стал, когда они уже были в открытом море, и кормчий решил, что надо принести в жертву грешника — бросили жребий, жребий пал на Садока, и он был брошен в море. **В четвертых**, возможно зарождение одного сюжета **по контрасту** с другим. Так Пушкин, читая «Изнасилование Лукреции» поэму Шекспира, вдруг подумал: «А что случилось бы, если-бы Лукреция не покончила с собой, а оказала своему обидчику сопротивление, дав ему оплеуху? Таким образом, в голове поэта зародился сюжет поэмы «Граф Нулин». Наконец, в пятых, возможно совпадение двух несложных сюжетов, возникших совершенно независимо друг от друга. (Таким случаям особенное значение придавал Эндью Ланг). Так например, Костомаров в своей автобиографии рассказывает историю, напоминающую отчасти важнейший эпизод в «Братьях Карамазовых». Отец Костомарова был властным и жестоким помещиком, атеистом — вольнодумцем, который постоянно внушал своим дворовым мысль, что Бога нет, а потому и греха нет, и что, следовательно, все позволено. Дворовые, хорошо усвоив эту атеистическую философию, применили ее к самому барину — один из них кучер — убил и ограбил помещика, причем преступление это так и осталось на многие годы нераскрытым. Однако, умирая в больнице, кучер однажды

пожелал видеть свою бывшую барыню и исповедался ей в совершенном преступлении. Убийство было совершено в 1828 году, но Достоевский, повидимому, не мог знать этой истории, так как автобиография Костомарова появилась лишь в 1885 году, то есть четыре года после смерти Достоевского, и в биографических материалах Достоевского нет никаких указаний на то, что Костомаров когда - либо сообщал Достоевскому этот эпизод.

II.

Все до сих пор сказанное мною является лишь предварительными соображениями, с которыми историк искусства думается мне, должен подходить к анализу двух сходных литературных музыкальных или живописных мотивов. Предметом же моей статьи является сопоставление одного эпизода в повести Бальзака «Красный Кабачек» с одним эпизодом в «Братьях Карамазовых». В этом гениальном произведении имеется целый комплекс основных лейтмотивов. Упомянем из них о двух, которые оба относятся к Ивану Карамазову: первый мотив имеет своим первоисточником евангельское изречение: «Истинно говорю вам, кто смотрит с вожделением на женщину, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» — желание Ивана Карамазова, чтобы отец был убит в связи с подстрекательством Смердякова к убийству. Другой мотив — это мысль, что потеря веры в Бога и бессмертия отнимает у человека основной критерий для различения добра и зла, следовательно, атеисту «все позволено». Об этом последнем мотиве, к которому Достоевский часто обращался и до написания «Братьев Карамазовых» в предшествующих его романах и в Дневнике писателя (исповедь самоубийцы: приговор) мы говорить не будем и обратимся лишь к первому мотиву, что желание совершить преступление уже заключает в себе в известной мере и начало преступления, что желание есть отец не только мысли, но и самого деяния. Подобную мысль Достоевский затрагивает мимоходом уже в «Подростке» в описании эротического сна подростка, в котором он осуще-

ствяет гнусный шантаж над одной девушкой, хотя на яву ему никогда не приходила в голову такая подлая мысль в форме вполне отчетливой, ясно осознанной идеи.

Уже в той сцене романа, в которой Дмитрий Карамазов избивает отца, между Иваном и Алешей происходит следующий разговор: «Черт возьми, еслибы я не отогнал его (Дмитрия), пожалуй он бы его (отца) так и убил, много ли надо Езопу — прошептал Иван Федорович Алеше: «Боже сохрани» воскликнул Алеша». А зачем «сохрани» все тем же шопотом продолжал Иван, злобно скривив лицо, один гад с'ест другую гадину, обоим туда и дорога». (т. 1, стр. 215-я, издание Ладыжникова, 1919). Здесь удивительно тонко подмечен Достоевским амбивалентный характер идеи отцеубийства в сознании Ивана. Перед указанным разговором еще в келии Зосимы Иван Карамазов обрисован, не как догматик атеизма, уверенно принимающий положение: «тому, кто не верит в Бога и бессмертие — все позволено». но как скептик, мучимый раздвоением своих мыслей, за которым впоследствии много позднее возникает и как бы расдваивается личность (сцена с Чертом). Это расдвоение намечается еще до совершения убийства Смердяковым и попущения Ивана Карамазова в замечательной сцене, в которой Смердяков излагает в прозрачных намеках всю дьявольски надстроенную махинацию с убийством Федора Павловича. В течение всего этого разговора Иван Федорович с одной стороны проникается все большим и большим отвращением и ненавистью к Смердякову, который и ранее был ему весьма антипатичен, с другой же стороны как бы против собственной воли и к величайшему своему удивлению: останавливается возле Смердякова, желая молча пройти заговаривает с ним вместо того, чтобы прогнать его и садится на скамью, потом с любопытством выслушивает детали преступного замысла и, наконец, собравшись в бешенстве, которое во все время разговора нарастает в нем, ударить Смердякова, он вдруг поворачивается к калитке и к собственному удивлению громко и раздельно сообщает Смердякову, что завтра едет в Москву, т. е. как бы дает санкцию плану Смердякова. Смердяков дает почувствовать Ивану при его отъезде, что они понимают

друг друга, сказав Ивану на прощанье: «С умным человеком и поговорить любопытно». На пути в Москву Иван переживал следующее: «Прочь все прежнее, кончено с прежним миром навеки, и чтобы не были из него ни вести ни отзыва, в новый мир, в новые места и без оглядки». Но вместо восторга на душу его сошел такой мрак и в сердце запала такая скорбь, какой никогда не ощущал он во всю свою жизнь.» (Ив. 429). По совершении убийства Федора Павловича у Ивана происходит ряд разговоров — с Алешей и Смердяковым, снова с Алешей и снова со Смердяковым, с Катериной Ивановной и в третий раз со Смердяковым. По мере смены этих разговоров в сознании Ивана постепенно начинает выясняться степень его моральной причастности к убийству. Алеша странным образом уверяет Ивана: «Отца убил не ты» и, проявляя поразительную нравственную чуткость, угадывает интимнейшие думы Ивана — его мучительные размышления при поездке в Москву. При первом свидании с Иваном после убийства Федора Павловича Смердяков напоминает Ивану о разговоре про Чермашню.

Второй разговор Ивана с Алешей особенно интересен тем, что Алеша, так сказать, помогает Ивану извлечь из области смутно сознательного и даже физиологически бессознательного те мотивы, которые там скрывались. После первого свидания со Смердяковым Иван мучил себя вопросом, зачем он тогда, в последнюю свою ночь в доме Федора Павловича перед отъездом своим сходил тихонько, как вор, на лестницу и прислушивался, что делает внизу отец. Почему с отвращением вспоминал это потом? Почему на другой день утром по дороге так вдруг затосковал и въезжая в Москву сказал себе: «Я подлец». Встретившись в ту пору на улице с Алешей, Иван вступил с ним в разговор: «Помнишь ли ты, когда после обеда Дмитрий ворвался в дом и избил отца, и я потом на дворе сказал тебе, что право желаний оставляю за собою, скажи, подумал ли ты тогда, что я желаю смерти отца?» Алеша отвечает утвердительно и на этот вопрос и на следующий вопрос, поставленный Иваном: «не подумалось ли тебе тогда, что я именно желаю, чтобы один гад с'ел другую гадину, т. е. чтобы

именно Дмитрий отца убил, да еще поскорее, и что я сам и способствовать даже не прочь?» Во втором разговоре с Иваном Смердяков еще отчетливее высказывается «на чистоту». Он заявляет, что не об'явил всего следователю, а именно того, что Вы (Иван Федорович), знамши наперед про это убийство родного родителя Вашего, в жертву его тогда оставили, и чтобы не заключили чего дурного люди о Ваших чувствах, а может и чем иным прочем». «Чтобы убить с — это Вы сами ни за что не могли с, да и не хотели, а чтобы хотеть, чтобы другой пусть убил, это Вы хотели.» Когда же Иван спрашивает: «на кой ляд мне было хотеть?» Смердяков отвечает: «Как это так: на кой ляд? А наследство с?.. И Смердяков с злорадством указывает, что при браке Федора Павловича на Грушеньке братья ничего не получили бы, ибо она с'умела бы перевести весь капитал на свое имя. Далее Смердяков указывает, что Иван именно Дмитрия и предназначил в убийцы отцу, так как Дмитрий, совершив отцеубийство, потерял бы внезапно право на наследство, которое было разделено уже только между двумя братьями. Далее Смердяков указал, что и на него, как на убийцу, Иван рассчитал, «ибо, если предчувствовали на меня и в то же самое время уезжали, значит мне тем самым точно как бы сказали: это ты можешь убить родителя, а я не препятствую. Далее Смердяков говорит, что Иван собиравшийся ехать в Москву и на все просьбы родителя поехать в Чермашню, отвечавший отказом вдруг, по единому слову Смердякова, без причин едет в Чермашню. После второго разговора со Смердяковым Иван идет к Екатерине Ивановне передает ей этот разговор и прибавляет:

«Еслибы убил не Дмитрий, а Смердяков, то, конечно, я тогда с ним солидарен, ибо я подбивал его. Подбивал ли я его еще не знаю, но если только он убил, а не Дмитрий, то, конечно, убийца и я.» Екатерина Ивановна показывает Ивану документ «математически» уб'ждающий Ивана в том, что убийца — Дмитрий (пьяное письмо, в котором Дмитрий грозит убить своего отца). Это обстоятельство временно успокаивает Ивана в его муках совести. Но из последнего разговора со Смердяковым, в котором Смер-

дяков отдает Ивану роковые три тысячи и сообщает все подробности убийства, Ивану делается ясным его идейное соучастие в преступлении. Смердяков настойчиво указывает ему, что он, как орудие преступной воли Ивана имел в виду связать свою судьбу со всей последующей судьбой Ивана. По словам Смердякова, главный убивец здесь Иван, а он Смердяков только самый неглавный, хотя и он (Смердяков) убил. Иван все это выслушивает, охваченный «страшной тоской». Он говорит Смердякову, который отдал ему спрятанные в чулке 3000, что завтра же предстанет с ним на суде. Бог видит, говорит далее Иван, может быть и я виновен, может быть, действительно я имел тайное желание, чтобы... умер отец, но клянусь тебе, я не был настолько виновен, как ты думаешь, а может быть, не подбивал тебя вовсе». Отдавши деньги Ивану, Смердяков сознается, что у него была мечта начать с этими деньгами новую жизнь, гденибудь за границей «пуще всего потому, что «все позволено». Это Вы вправду меня учили с, ибо много Вы тогда мне этого говорили с, ибо коли Бога безконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе. Это Вы вправду, так я и рассудил».

III.

Обратимся теперь к рассказу Бальзака. Прежде всего я должен заметить, что Достоевский читал этот рассказ. На это обстоятельство мне любезно указал проф. А. Людов. Бем, в семинарии которого мною в минувшем году было сделано сообщение на тему: «Достоевский и французская литература». (Монтень, Паскаль, Дидро, Бальзак, Фурье). Я изложу в очень сжатой форме содержание Бальзакова рассказа, сосредоточивая внимание лишь на том, что представляет для нас интерес.

К одному крупному французскому банкиру приехал в гости его приятель немецкий негодник. Банкир устроил в честь немца обед, на который пригласил самое избранное общество в городе. Обед уже окончен, десерт съеден, гости беседуют на разные темы. Хозяин объявляет присутствующим, что господин Герман (так звали немца), сейчас рас-

скажет одну страшную историю. Добродушный немец не торопясь начинает свой рассказ.

В 20 - х числах октября 1799 года или в конце Вандемьера 1799 года по республиканскому счету два молодых человека прибыли из Бонна в Андернах. Это были два французских врача родом из Бове из семей среднего достатка. Прибыв к ночи в Андернах, они там в гостинице не нашли свободной комнаты, и хозяин уложил их кое как на креслах в общей зале в обществе добродушного немца, с которым они за ужином перед тем, как ложиться спать, разговорились, причем немец видя в своих собеседниках честных французских офицеров, поведал им, что он имеет с собою в чемодане разных драгоценностей на 100.000 франков и боится как бы его во время путешествия кто - нибудь не ограбил. Немец лег в зале на постель, молодые люди легли рядом на разостланном на полу матрасе, немец положил под голову чемоданчик, молодые врачи свои ящики с набором инструментов. В зале были две двери — одна вела на двор, охраняемый свирепыми собаками и окруженный со всех сторон высокою стеною, другая дверь через другую залу вела к выходу, который открывался на дорогу, шедшую параллельно Рейну. Недалеко у пристани находилась яхта с матросами, на этой яхте путешествовал немец. Он был рад ночевать в обществе благородных офицеров, а не подозрительных матросов, побаиваясь за свой чемоданчик. Вскоре и немец Валенфер, и один из французов — Вилем... (фамилию его рассказчик забыл) заснули, другому офицеру Просперу Маньяну не спалось, он отдался опасным мечтаниям, он начал фантазировать, что бы он сделал, если бы обладал 100.000 франков. Мечтал о смерти негоцианта, он уже представлял себе живо его золото и бриллианты — они ослепляли его мысленный взор. «Его сердце билось, конечно, **одно обдумывание преступления было уже равносильно преступлению**». Его окончательно увлекла логика убийц. Другой берег Рейна был занят австрийцами, почти против окон находилась барка с матросами, он мог бы перерезав горло немцу, бросить его в Рейн, а затем на барке переплыть Рейн с чемоданчиком немца, подкупив матросов и бежать в Австрию.

Он даже рассчитал в точности, как именно он должен перерезать хирургическим инструментом горло немцу, так чтобы тот не пикнул. Он вошел в соседний зал и безшумно открыл ставню одного окна. Затем он вернулся в комнату, где крепко спали немец и Вилем. После некоторых колебаний, он с решимостью выбрал из набора хирургических инструментов наиболее подходящей для его преступной цели. Подойдя к спящему немцу. Проспер уже занес над ним смертоносную руку, собравши в себе все присутствие духа, но вдруг он как - бы услышал какой - то голос, или увидел свет, он бросил свой инструмент на постель, вошел в соседний зал и подошел к окну. Тут он почувствовал ужас перед самим собою, но, дабы окончательно преодолеть в себе преступное вожделение, он выпрыгнул из окна и стал бродить перед гостиницей. Свежий воздух окончательно привел его в себя и возвратил ему нравственное самообладание. Он радостно прочел молитву и вернулся через окно в гостиницу, лег и заснул глубоким, крепким сном. В просоньи он почувствовал около себя спустя некоторое время какую - то странную сырость, но сон окончательно одолел его, и он проснулся только каким - то внезапным ужасным образом. Он увидел возле себя лужу крови, голова немца была отрублена от туловища. Вилем и чемоданчик исчезли. Он окончательно пришел в себя уже в общей зале, его окружило много людей, все с негодованием и отвращением смотрели на него, оружие убийцы, хирургический инструмент Проспера лежал на столе. Все улики были против Проспера, совершившего, очевидно, преступление вместе с бежавшим Вилемом. Нашлись свидетели, •видевшие как он гулял ночью. Очевидно, он куда - то прятал награбленное. Проспер был осужден и расстрелян. Перед его смертью его навевывал в тюрьме рассказчик, убедившийся в его невинности. По словам рассказчика **«Проспер одновременно считал себя и невинным и виноватым, не допуская мысли о преступности Вилема, он порой доходил до предположения, что совершил преступление в припадке сомнамбулизма *)»**.

*) Эта подробность соприкасается с мотивом раздвоения личности, «двойника» у Достоевского.

Проспер был подавлен раскаянием. Ведь без сомнения, он поднял руку, вооруженную хирургическим инструментом, чтобы отрезать голову негоцианту. Он считал себя преступником, совершившим преступление в мысли. Но тут он вспоминает сон, виденный им перед последним пробуждением и восклицает в слезах. О, право, я не виновен. Я не убил, мне вспоминались мои игры в пятнашки, снилось, что я бегаю взапуски с моими школьными товарищами. Не может быть, чтобы я отрезал голову негоцианту, если мне грезилась игра в пятнашки».

Нужно сказать, что драматизм рассказа у Бальзака все время поддерживается тем, что одним из присутствующих на банкете гостей, слушающих рассказ немца, является как раз тем человеком, который много лет тому назад внезапно разбогател, убив Валенфера. Этот богатый банкир не может скрыть своего волнения, слушая рассказ, но это обстоятельство не особенно поражает гостей, так как Тайефер был известен уже, как психически неуравновешенный, страдающий припадками человек. Рассказ кончается рассуждениями, напоминающими казуистику иезуитов. Один молодой человек, влюбленный в дочь Тайефера и собирающийся жениться на ней, знает о преступлении его отца и в компании приятелей ставит перед ними вопрос о моральной допустимости такого брака.

И Достоевский, и Бальзак относят свои соответствующие произведения к области **философской поэзии** — Достоевский мечтает о «русском Кондиде», замышляя «Братьев Карамазовых», Бальзак относит свой рассказ к серии „*etudes philosophiques*“. Обстановка убийства у обоих писателей передана с мельчайшими подробностями. У обоих художников разработан мотив **«виновен - невиновен»**. У обоих художников изображается убийство с целью грабежа, хотя у Достоевского мотив убийства гораздо более сложен, чем у Бальзака. Бальзак описывает переживание **«виновен - невиновен»** кратко, **статистически**, Достоевский трактует эту тему весьма подробно, **динамически**, раскрывая перед нами все психологические детали, развертывая сюжет полностью. Все остальное столь

несходно, что о подражании с точки зрения **объективных** литературных данных произведений едва - ли можно говорить, но мне думается, можно с **субъективно** психологической стороны, т. е. со стороны наших догадок о субъективном творческом процессе художника можно говорить о влиянии и влиянии непосредственном, ибо мы видели, что Достоевский читал «Красный Кабачек» Бальзака, и крайне мало вероятно, чтобы задумывая описание убийства и образ Ивана Карамазова, он не вспомнил о разработке мотива в «Красном Кабачке» у Бальзака.

IV.

Можно в заключение указать на два произведения европейской литературы, в которых сказывается несомненное влияние «Братьев Карамазовых», так как оба автора этих произведений, наверное знали роман Достоевского один во французском (сильно сокращенном) переводе, другой в немецком. Я имею в виду с одной стороны Бурже и его роман «Ученик» (1891), с другой Гауптмана и его рассказ: «Стрелочник Тиль».

В романе Бурже выведен ученый философ - позитивист Адриан Сикст (моделью для него был отчасти Ипполит Тэн). Философ этот имеет ученика Роберта Грелу, которому внушает мысль, что Бога нет, а, следовательно, и греха в безусловном смысле нет, и что научному исследователю - экспериментатору в известном смысле — «все позволено». Сикст отнюдь не толкает Грелу к совершению какого - либо преступления, и сам он вполне честный и безобидный человек, но он подрывает в Грелу веру в безусловность нравственного закона. Грелу, порешив вместе со своею возлюбленной покончить с собою, и убить ее, из трусости убив ее не убивает себя, и его в конце концов убивает Андре — брат убитой. У Бурже мы находим оба мотива Достоевского — «виновен - невиновен». Андре Сикст никого не убил, но на него, по мнению Бурже, падает косвенным образом вина за преступление Грелу — мотив «атеисту все позволено» и этот тезис подробно развит у Бурже.

«Стрелочник Тиль» Гауптмана, вдовец с четырехлетним сыном женился во второй раз. Мачеха возненавидела ребенка. Дом стрелочника находился недалеко от полотна и на обязанности мачехи было присматривать, чтобы ребенок не бегал к полотну, так как его легко мог бы раздавить поезд. Мачеха не исполняла надлежащим образом своей обязанности, тая в смутно сознательной форме надежду на возможность желанной катастрофы. И ребенок, действительно, погибает.

Проф. И. Лапшин.

О научных основах славянского единения *).

В новое время, начиная с эпохи просвещения, славянская взаимность была прежде всего вопросом науки и литературы. В большинстве случаев она была явлением чисто теоретическим и платоническим. У нее не было возможностей войти в практическую жизнь, так как этого не допускало политическое положение всех славянских народов, за исключением России. Но и там, где дело доходило в XIX столетии до практических политических сношений между славянскими народами, как, например, между поляками и русскими в русской империи, между сербами и болгарами, между малыми славянскими народами в габсбургской империи, особенно же в венском парламенте, оказывалось, что пересекающиеся взаимные интересы вызывали чаще славянские споры, чем славянскую взаимность.

Эти славянские споры определялись часто несерьезным и недостаточным знанием друг друга у славянских народов. Наивнейшим заветом эпохи просвещения, применяемым всегда Добровским, был принцип, что все славянские сношения должны быть основаны на точном, *научном*, взаимном познании славянства. Этот завет Добровского недостаточно и не всегда применяли все славяне. Несравненная заслуга эпохи романтической чувствительности заключается в том, что она способствовала развитию национальности у славянских народов, но в то же время она отодвинула на задний план точное, критическое, рационалистическое мышление. Эпоха, наставшая после романтизма, не обладала деятелями с такими великолепными взглядами и трудами, как в эпоху рационализма и романтизма, а потому уместен-

*) Настоящая статья с разрешения автора и издателя, взята из сборника «Славянская Взаимность», написанного ректором и профессором Братиславского Университета д-ром М. Вейнгартом. Сборник вышел в 1926 г. как второй том трудов Бр. Ун. в изд. Академии, под ред. проф. д-ра Р. Горна.

ная основа славянских чувств обмельчала, а в некоторых случаях стала прямо поверхностной. Лишь новое умственное течение, называемое то позитивизмом, то реализмом, возникшее в последние десятилетия XIX столетия, стремилось у различных славянских народов к новой, научно обоснованной славянской идее. Таким образом, для XIX столетия чрезвычайно важно поставить вопрос, как наука работала в новую эпоху над созданием теоретических основ славянской взаимности и что следует из результатов ее работы для оценки этих общих основ.

Теоретической основой славянской взаимности является совокупность познаний о том, как и на-сколько родственны между собою славяне, как и на-сколько они составляют одно целое, непохожее на остальные национальные группы, каковы признаки этого внутреннего сходства и внешнего самобытного отличия по сравнению с остальными группами. Иными словами, научной основой славянской взаимности является создание суждения о большем или меньшем славянском единении и его отчетливости.

На первый взгляд кажется, что в Чехии совершенно излишне писать, являются ли славяне единым целым, так как славянское сознание в науке, в поэзии, а до известной степени, и в политике и в остальных проявлениях общественной жизни принадлежит к характерным чертам новочешской культуры, унаследовавшей это от Добровского, Коллара и Шафаржика; наша романтическая славистика говорила сто лет тому назад о славянстве, как об едином народе: вспомним, хотя бы, проповедь Коллара «Добрые качества славянской нации» (Пешт, 1822 г.) или более поздний первый большой труд Шафаржика „Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten (Будин, 1826 г.).

Но этот, так сказать, символ веры единства славянства зиждется скорее на *чувстве*, чем на *разуме*. О едином, а в будущем великом славянстве умела выразительно петь наша поэзия школы Коллара и Чеха, славянское единение являлось и до сих пор является влиятельным элементом значительной части нашей политики. Но стоит лишь пуститься в розыски чисто умственных и фактических обоснований этой веры, как мы оказываемся неудовлетворенными, так как за возвышенными словами, которые стали уже прямо привычкой при упоминании о славянстве, мы редко находим трезвое и объективное содержание. «Научного исследования славянской идеи и в новое время страшно мало» — это жалоба Масарика, произнесенная в 1894 г. («Чешский вопрос», 2 изд., 153 стр.) действительно почти тридцать лет спустя. Особенно в наше, послевоенное время, в эпоху, когда все стремится к новым целям; мы можем услышать и прочесть в некоторых органах о будущем могуществе России и всего славянства точно такие же слова, как и в восторженных манифестах наших учителей. «Из лоно славян взойдет новый свет для всего мира»

писал 7-го мая 1815 г. Добровский (Ягич, „Briefwechsel zwischen Dobrovsky und Kapitar.“ (стр. 404); «что будет через сто лет с нами, славянами, что будет со всей Европой?» спрашивал в пророческом наитии, в 1824 г. Коллар. Эти и подобные заявления творцов нашего современного просвещения мы читаем вот уже столько лет с бьющимся сердцем и душевным волнением. Но когда и теперь повторяются, прямо уже по привычке, подобные фразы, то невольно нам приходит в голову мысль, что вместо непрерывного пророчества о будущем было бы приятнее видеть, уже сейчас могущественное славянское единение, а вместо гимнов мифологической богине Славии было бы лучше иметь *точное определение того*, в чем, действительно, заключается это единение, как оно в действительности проявило себя в прошлом и поскольку мы можем считаться с славянским единством в настоящем и в близком будущем. Иными словами: обычно забывают, что славянская идея вообще, а следовательно, ее исходный пункт — славянское единение — не является лишь политическим вопросом, но прежде всего *научным вопросом*, вопросом тщательного и холодного *анализа*, при котором, при современных условиях, «славянские восторги» могут скорее повредить, чем принести пользу.

И вот как раз очень характерно, что в новую эпоху мы не находим в науке о славянстве разбора *понятия славянского единения*. Скажу больше — славянством, как целым, интересуются, кажется, больше иностранцы, чем сами славяне. По этой причине я решил привести здесь несколько своих мыслей об этом вопросе. Само собою разумеется, что задачей этой короткой и общей статьи не может быть точная и определенная картина славянской взаимности; это, как мы увидим, является предметом, о котором должны бы были быть написаны огромные книги. Задачей этого этюда является лишь желание выдвинуть некоторые вопросы, о которых понемногу забывают не только в обществе, но, отчасти, и в науке и этим побудить к их новому исследованию.

Причин, почему славянское единение так мало проявляет себя, конечно, много и они глубоки. Однако, как одну из главных, я бы привел ту, что, собственно говоря, до сих пор славянское единение не достаточно научно определено и объяснено. Посмотрите только на те труды, которые от самого начала славистики, занимаются славянством, как целым. Если не принимать в соображение популярно-информационные книжки, а обратить внимание лишь на научные труды, то окажется, что со времени Шафаржика их уже и не так много: в лингвистике, начиная с самого Шафаржика — „Geschichte der slawischen Sprachen und Literatur nach allen Mundarten,“ (Прага, 1826 г., 2 изд., 1869 г.) и его же «Славянской этнографіи» (Прага, 1842 г., 2-е изд., 1843, 3-е изд. 1849 г.), упомянем словари Ф. Миклошича „Lexicon polako-

slovenico, greko-latinum“ (Вена, 1862 - 65) и „Etymologisches Wörterbuch d. sl. Sprache“ (Вена, 1886 г.) и недоконченный словарь Е. Бернека (Гейдельберг, 1908-1913 г.), также как и сравнительное языковедение Ф. Миклошича „Vergleichende grammatik der slavischen sprachen“ (4 тома, 2 изд. в Вене 1879 - 1883 г.) и Вондрака „Vergleichende slavische Grammatik“ (2 т. Геттинген, 1906 и 1908 г., 2 изд. I по 1924 г.), к этому можно присоединить Олафа Броха — „Slavische Fonetik“ (Гейдельберг, 1911 г.) и А. Мейе — „Le slave Commun“ (Париж, 1924 г.), Т. Флоринского — «Лекции по славянскому языкознанию» (2 т. Киев 1895 и 1897 г.) и его «Славянское племя» (Киев, 1970 г.) статьи В. Ягича — „Die slavischen Sprachen“ напечатанном в труде энциклопедического характера Kultur der Gegenwart (1 т. S: Die osteuropäischen Literaturen und die Slavischen Sprachen (Лейпциг - Берлин, 1908 г.).

В области истории литературы должны быть отмечены «История славянских литератур» Пыпина и Спасовича (есть чешский перевод Котика, 2 т., Прага, 1882 и 1883 г.), теперь она пополнена трудом чешского профессора Яна Махала — «Славянские литературы» (2 т., Прага, 1923 и 1925); кроме того существует огромная история славянской филологии Ягича, с массой неклассифицированного материала (Петербург, 1910 г.). В этнографии должен быть упомянут труд проф. Е. Л. Нидерле «Обозрение современного славянства» (Петербург, 1909 г.), чешская переработка вышла в Праге в 1909 г.; за этими последовали популярные книжки В. Дильса — „Die Slaven“ (1920 г. из серии Aus Natur und Geisteswelt и А. Дорошенко — «Славянский свет» (3 томика, Берлин, 1922 г.); наконец, — Лейхтеровский сборник — «Славянство», вышедший в 1912 г. и в котором были замечательные статьи Я. Бидло по истории славян и К. Кадлеца из области древней славянской истории. Но прежде всего должны быть названы и выше всего поставлены великоленные «Славянские древности» П. И. Шафаржика (Прага, 1837 г.), а после них одноименный труд Л. Нидерле, только что им законченный, плод самоотверженной и восторженной работы целой жизни, благодаря своей могучей концепции и идеальной преданности духу, напоминающей Добровского и Шафаржика: «Древности», дополненные лингвистическим обзором И. Япка — «О славянской доисторической эпохе» (Прага, 1912 г.); превосходят книгу Ю. Крека — „Einleitung in die slavische Literaturgeschichte“ (Грац, 1887 г.) — вот в общем все основные труды, которые еще и теперь имеют научную цену; мы видим, что в них первенствует археологические и этнографические понятия, потом идет филология, но нет исторического и географического элемента. До сих пор ни один труд не исчерпал всех сторон славянской жизни.

Если мы рассмотрим все эти научные исследования о славянстве, то к своему великому удивлению нигде не найдем *определения* понятия славянство. Правда, определение имеет лишь теоретическую ценность, но ведь в нем вкратце отражается вся сущность вопроса. И так, с какой точки зрения мы можем определить славянство, если для нас важно выявить его как *целое*, непохожее на все остальные человеческие группировки и при этом *единообразное*. Дает ли необходимые для нас доводы антропология или физическая география, или же антропогеография, или история во всем своем объеме, или история литературы, или, наконец, история искусств, или социология и психология. И вот приходится давать такой убогий ответ: кроме филологии, вернее, одной ее части — лингвистики — ни одна из поименованных наук не дала до сих пор *научного обоснования* славянского единства. Наука о славянских языках не могла определить славянское единство иначе как то, что славяне являются группой народов белого племени индоевропейской семьи, говорящих на языках, произошедших от одной индоевропейской диалектической группы сатем, называемой прославянской. Это определение не было бы вполне правильным в логическом отношении, но лишь оно до сих пор могло бы подать главное, до сих пор существующее и неопровержимое доказательство родства славян. Если бы, однако, нашлись люди, которым и этот взгляд на славянское единение показался слишком скептическим, то мы бы были принуждены припомнить одно более старое и, не по заслугам, забытое местное доказательство. Я подразумеваю чешского слависта профессора Варшавского Университета I. Первольфа (1841 - 1892), автора *единственной* до сих пор чешской истории славянской взаимности. Уже в предисловии к своему труду — «Славяне, их взаимные отношения и связи» (Варшава, I т., 1884 г., стр. III - V) он говорит следующее: «Славяне разошлись не менее, чем германские или романские народы. Трудно говорить о славянской национальности и о ее племенах, о славянском языке и его наречиях, когда в действительности *нет* единого славянского языка, этого главного представителя и опоры национального единения, если эти воображаемые славянские «племена» не понимают друг друга, если *нет* единой славянской литературы, *единой славянской культуры* (подчеркиваю я), не говоря уже о иных разногласиях в отношениях и условиях быта...». Первольф видел спасение от этого состояния в пропаганде славянской идеи.

Несмотря на всю огромную работу, сделанную в области сравнительного славянского языковедения Добровским, Шафаржиком, Миклошичем и Вондраком — эти имена обозначают лишь этапы, но не весь объем работы — взгляд на лингвистическое единство славянства до сих пор еще не единообразен и не проработан до конца. В таких спорных случаях бывают особо знаменательны го-

доса непредвзятых иностранцев. С точки зрения сравнительного языкознания особенно интересно заявление, сделанное в вступительной статье выдающегося *французского лингвиста*, а по смерти Бургмана, Дельбрюке и Шахматова быть может и лучшего европейского лингвиста. *А. Мейе* в новом органе для изучения славистики „*Revue des études slaves*“ (Париж, 1921 г. I год, стр. 7 - 14). Статья называется „*De l'unité slave*“ и касается, таким образом, непосредственно нашего предмета. Будет полезно указать на ее основные пункты.

Прежде всего Мейе отмечает вполне правильно, что европейские этнические объединения не являются расовыми, но *лишь лингвистическими* объединениями: таковыми являются германская, романская, а также и славянская группы. Однако, эта последняя теснее других, и это происходит по двум причинам: во-первых, первичное прославянское единение раздробилось в довольно позднюю эпоху на отдельные славянские народы (датой последней стадии эпохи объединения является всеславянское слово — *краль* — *король*, — возникшее из собственного имени Карла Великого); во вторых, после расщепления лингвистическое развитие у славян шло по сравнению с иными народами довольно медленно (главным доказательством является сохранение индо-европейской именной флексии почти в первичном размере, что не встречается в иных родственных языках, кроме как в арийской группе; с этим находится в связи первичность синтаксической структуры) *). Что касается новообразований, то они возникали в славянских языках *параллельно*. По этим причинам до сих пор в славянских языках имеется единое основание: *произношение, грамматика и обиходный запас слов*.

До сих пор выводы Мейе являются бесспорными и не представляют ничего нового, это лишь основные истины славянской науки о языке.

Однако Мейе, любитель контрастов и парадоксов**), утверждает далее, что те же условия, которые допустили более тесное лингвистическое славянское единение, были причинами и его *слабости*. По его словам, славяне, находясь на границе области греколатинской культуры, познакомились с ней поздно, уже после разложения первичного прославянского объединения и при том довольно поверхностно. А ввиду того, что современные европейские национальные культуры являются лишь наследницами античного греко-латинского образования, это означает, что славяне из своей праотчины не вынесли собственной длительной культуры.

*) Интересно отметить, что Мейе видит первичность славянского синтаксиса в польском, русском, сербско - хорватском языках, но не говорит при этом о чешском языке (стр. 9).

**) На 13 стр. он констатирует сам парадокс, на парадоксе он основал и свою лекцию о грамматическом роде в славянском языке.

Другое, всем известное обстоятельство, заключается в печальном разделении славянского мира на области римской и византийской культур, которые с течением времени все больше и больше удалялись одна от другой, в то время как языки германские и еще более языки романские поддавались лишь одному влиянию, т. е. влиянию римской культуры.

Односторонность развития особенно велика у романских языков, которые черпали всегда снова и снова из своего общего источника, из латинского языка и сохранили единообразный характер при обогащении своего словаря в области *абстракции*; т. е. в области, служащей *высшей культуре*. При этом Мейе сопоставляет романские и славянские языки (он берет лишь западороманские языки, а румынский язык не принимает в соображение): романские языки отличаются больше друг от друга в области фонетики и грамматического строения, но они ближе друг к другу во всем, что служит просвещению, особенно же в абстрактных словах. В противовес этому славянские языки ближе друг к другу в области грамматики и словаря обыкновенных конкретных понятий, более далеки в области культурных выражений. По Мейе следствием всего этого является то, что два человека романского племени понимают друг друга тем лучше, чем они образованнее и чем общее предмет их разговора... два славянина понимают друг друга тем лучше, чем о более низких предметах они говорят! (стр. 12). Почти то же самое когда-то сказал Крижанич...

Мейе объясняет это явление более подробно несколькими примерами из отдельных славянских языков: так *русский язык* первоначально был ближе к *югославянским*, но позднее *турецкое* влияние внесло в югославянские языки довольно много инородного элемента и этим удалило их от русского. *Чешский и польский* языки отдалились друг от друга в XIX столетии, главным образом потому, что поляки оставляли в своем языке иностранные слова, взятые по преимуществу из немецкого языка, в то время, как чехи славянизировали свой язык, заменяя почти все слова иностранного происхождения словами составными и производными. «И для того, кто знает другие славянские языки и для того, кто знает польский, чтение чешской газеты невозможно, если он не научится совершенно новому словарю, созданному обновителями чешского народа». (стр. 13). *Болгары* после освобождения пошли на выучку в русским, но, приняв много русских ученых слов, они удалились благодаря этому от своих соседей сербо - хорватов, которые не имеют этих слов.

Таким образом, все мировые события толкали славян и славянские языки к взаимному отдалению и каждый из славянских народов, начиная с IX века по Рождестве Христовом, развивался самостоятельно, не заботясь об остальных, каждый подпадал под иные влияния в зависимости от условий и времени. Несмотря на

свое близкое родство, славянские языки не служат, по мнению Мейе, никакому сближению народов, так как они не были и сейчас не являются орудием образования, которое бы имело иную основу, чем основа европейской образованности.

До сих пор все это было мнение Мейе. Теперь к выводам многоуважаемого языковеда я позволю себе сделать несколько замечаний.

Прежде всего необходимо отметить, что вопрос славянского единения далеко не так односторонен, чтобы его можно было решить лишь с лингвистической точки зрения. Если бы мы так делали, то повторили бы старую ошибку, встречающуюся так часто в славянской политике и науке, т. е., что понятия «славянства» и «нации» считались вполне соответствующими понятию языка. Это называется «филологическое воззрение»; но при этом обозначении по отношению к слову филология делает большую несправедливость. Все это является лишь следствием недостаточного внимания к методике и теории науки, невнимания обычного в славянской филологии, в чешской же особо, когда слово «филология» и «наука о языке» принимаются за синонимы, хотя в действительности, наука о языке означает, правда, основную часть, но все же *лишь часть* всей филологии, которая, если ее полно и правильно понимать, *выражает культуру народа во всех ее проявлениях*, происходящую, конечно, из языка и литературы, и касающуюся остальных областей лишь постольку, поскольку они содействуют объяснению языка и литературы. Таким образом, нам бы было желательно *действительное*, т. е. всестороннее филологическое понимание. Но, чтобы не возбуждать совершенно лишнего спора из-за слов, решим, что вопрос о славянском единстве является вопросом *социологическим* и следовательно не может быть разрешен при помощи односторонней науки о языке.

Все это касается лишь принципа. Но если даже с этим ограничением следовать за выводами Мейе, то приходишь к сознанию, что вся его конструкция, как вообще все общие конструкции великодушных форм, столь излюбленные французскими учеными и знакомые нам, главным образом, по трудам Дени, оказываются в конце концов весьма приблизительными. Они удивительно ясны в общем, но им недостает фактов, которые бы их подтверждали (в доказательство Мейе приводит лишь *три слова*: *kopiti* — копить, *kriz* — крест и *blagoslaviti* — благословлять); таким образом, она является априорной, абстрактной, дедуктивной, выкомбинированной при помощи или, так называемой, интуиции, или заранее принятых аксиом, во всяком случае *она не является синтезом*, созданным при помощи индукции.

С этим тесно связана черта, к которой приводит синтетиков и синематиков стремление к ясной логичности, черта, с которой мы чаще всего встречаемся опять таки в синтетических француз-

ских трудах: условия, причины, влияния слишком упрощаются, *сложность явлений*, которую особенно хорошо понимают и в которую так психологически вникают русские, упрощается или прямо отбрасывается; с этим методом, кроме того, бывает связана страсть к парадоксам.

Наконец, в третьих, дело заключается в том, до какой степени намерен лингвист без ущерба для научной точности признавать равноценность какого бы то ни было славянского народа с остальными западно-романскими народами, особенно же с французским. У многих *немецких* ученых нас оскорблял избыток эгоистического патриотизма, выражающимся в оскорбительном унижении соседей и протпвников; в прошлом мы помним в этом отношении особенно Момзена, теперь же это Бретгольц. Французское самомнение безконечно тоньше и не так опасно, так как не находится в непосредственном соседстве, но оно отнюдь не слабее немецкого и в своей основе точно так же, как и немецкое, поконтся на свойстве недооценивать иностранцев. Точно также и Мейе говорит, что древние славяне (и германцы) были *варварами*, которые учились у носителей греко-латинского просвещения (10) и что славянские языки не могли распространяться в краях с греко-латинской культурной традицией, а лишь в мало цивилизованных землях, что объясняется тем, что у славян не было собственного образования, принесенного из праславянской эпохи (11). В какую форму вылилось бы взятое с этой точки зрения суждение об *образованности культов*, о которых в статье Мейе совсем не говорится, если принять в соображение, что их диалекты совсем исчезли за исключением незначительных остатков, выразившихся лишь в нескольких словах. Но если мы даже примем это суждение о праславянской эпохе, если далее мы упомянем о различных неславянских влияниях, которые проявили себя в историческую эпоху у различных славянских народов, как, напримр, турецкое у сербов, то неужели все же можно так безоговорочно сказать, что у славян нет и никогда не было своей собственной культуры, которая бы их выделяла? С XVIII столетия духовная жизнь славян сравнялась в западноевропейском смысле; но где доказательства, что в этом всеевропейском характере не будут выступать некоторые специфически славянские черты. Наконец, вышеприведенный контраст, заключающийся в том, что два романца понимают друг друга тем лучше, чем они образованнее и чем о более общих (возвышенных) предметах они говорят, в то время, как два славянина понимают друг друга тем лучше, чем о более низких предметах говорят (12), очевидно противоречит сам себе; ведь высшее образование, если даже и не приносит более глубоких *практических* знаний языка, включает в себе бесспорно более зрелое лингвистическое *понимание*, которое, особенно в славянских языках, столь близких друг другу этимологическими основами, способствует пониманию содер-

жания и там, где слова звучат по разному; таким образом высшее образование не может иметь у славян иных последствий, чем у романцев.

После выраженных мною сомнений необходимо указать на один пункт, с которым нельзя не согласиться. Мейе подчеркнул общую бедность словесного запаса в области абстрактных понятий в древнем славянском языке. Этот факт ныне подтвержден подробным разбором, которому Ягич подверг язык древнеславянского перевода Апостола, т. е. той части Нового Завета, которая содержит деяния апостолов и их послания. (Смотри книгу Ягича — *Zum altkirchen slawischen apostolus* Вена, изд. Академии Наук, 1919-1920 г. 3 тома, всего 360 страниц.). Там указано, что древнеславянский перевод, труд кирилломефодиевской школы и эпохи, прекрасный в иных отношениях, с богатым и совершенным словарем в области конкретных понятий и обыденной жизни, но не имеющим, для выражения духовной жизни и его тонких оттенков богатства соответствующего греческому оригиналу. Это вполне естественное явление: в эпоху возникновения Нового Завета у греческого языка было уже тысячелетнее литературное развитие, в то время, как древнеславянский перевод является первым литературным славянским трудом. В виду того, что этот перевод возник в третьей четверти девятого столетия после Рождества Христова, он близок к концу праславянской эпохи и, следовательно, оценка его языка относится до известной степени и к ней.

Не соглашаясь с этим утверждением Мейе, мы должны сейчас же отметить следующее: а разве в это время, т. е. в первые столетия средневековья, была у какой-бы то ни было иной группы языков развита абстрактная часть словесного запаса? Быть может так было у германцев, или в конце концов кельтов? Наоборот, каждый этимологический словарь нас учит обратному: из книг, дающих лингвистическую реконструкцию индоевропейской культуры (как, например, Харта *Die Indogermanen* 2 т., Страсбург, 1906 г., или Фейста «*Kultur, Anbreitung und Herkunft der Indogermanen*», Берлин, 1913 г.), мы видим, что по тем же причинам всем индоевропейцам может быть причислен весьма скудный словесный запас из области отвлеченностей. Индоевропейскую словесную сокровищницу имели, конечно, и праславяне, а словесное праславянское богатство, главным образом, в области конкретных понятий, было по существу единообразно, как это доказывает лингвистический разбор славянских древностей, т. е. книга проф. Иосифа Янко — «О славянской доисторической эпохе» (Прага 1912 г.). И однако, уже в этой древней, довольно примитивной славянской сокровищнице мы находим ценные предпосылки для создания абстрактной терминологии; для этого достаточно просмотреть этимологические славянские словари Мильошича (Вена 1886 г.) или Бернека (са - толь Гейдельберг 1908 - 1913 г.). Я выпишу отно-

сящиеся к данному вопросу слова; по типографическим причинам я выпускаю еры и некоторые слова привожу не в древне славянском, а лишь в новочешском виде: ave, avite (чеш. *jeviti*); *bajati* (чеш. *bajiti*); *baviti*; *beseda*; *beda*; *bediti*; *bes*; *blazn*; *ben*. Сомнительно, чтобы это слово было взято из пранского языка, от скифов); *bo-jatise*, *bolg-bolga blah*, *blaho byti*, чешское *буду*; *sena*; *cas*; *cesv*; *cin ciniti*; *cudo* (во всех славянских языках кроме чешского; в словацком, однако, есть *судну* — дивный, было и в древне - чешском, срав. Гебауэр Старочешский словарь 1 147 стр.); *cuti* (чеш. *citi*); *ceti*, (*za-ceti* чеш. *zacati*); чеш. *cesti*; *cisti*; чеш. *davny*; *des*, *deti*; *delati*; чеш. *den*; *div*;—*doba* (*po-doba*); *dobr*, *doleti* (чеш. *odolati*); *dory* (чеш. *drah*, *drahy*); *duch*, *dusa*; *gadati*; *gnev*; *god*, *godina*, *goditi* (*se*); *gols* (чеш. *hlus*); *groza* (чеш. *hruza*); чеш. *hrd*; *choteti* (чеш. *chtiti*); *chvala*, *chvaliti*; *ime*; *seti* (чеш. *jmu*, *zajmu umd*) *imeti*; *ist* (чеш. *jisty*, *jistina*) прил. *jar* сильный, резкий; Яро - слав); *kloniti*, *klanatise*; *kleti* (чеш. *kliti*); *kon* (чеш. *zakon*, *kones*); *kriv* чеш. *krivy*, *krivda*; *laska*, *laskati*; *l'ub*, *l'ubiti*; *met* (чеш. — *panet*, *pomniti*); *mena*, *meniti*; *mera*; *mil* (чеш. *mily*, *milovati*); *mo(d)litise*, *mogi*— (чеш. *mohu*, *moli* существит. *mol*); *norv* (старо-чеш. *nrav*, *polor. mrav*); *obr* (*rob*, *robiti*, *robota*; *orv*—(чеш. *rovny*); чеш. *pre*, *pritise*; *peti*, *poj*; *pravo*; чеш. *pravda*; *prost*; *raet* (чеш. *rad*); *rek* (чеш. *rku*, *rici*); *red* (чеш. *rad*); *smur*—русск. хмурый, чешск. *po-chmurny*); *svet* (чеш. *svaty*); *sverep* (чеш. *sverepy*); *svoj*—чеш. *svuj*); *svobod*, *svoboda*; *tvoriti*; *vada*; *vold* (чеш. *vlasti*, существ. *vlast*); *zal*, *zeleti*; *ziv*, *ziviti*, *zivot*.

Из этого списка исключены: 1) слова, которые не являются чисто славянскими, а лишь взяты из иных языков в доисторическую или праславянскую, или же, наконец, в историческую эпохи, т. е. уже во время существования отдельных и разделенных славянских языков; 2) слова хотя и древнеславянского происхождения, распространенные по всей славянской территории, но зато не чисто абстрактные, т. е. такие, первоначальное значение, которых было абстрактно, а позднее, хотя бы и местно конкретизировалось. Сюда же не включены цифры, выражения обозначающие восприятия зрительные, слуховые, пространственные и вообще все абстракции (как например *jutro*), но лишь те, в которых мы можем найти предпосылку высшего абстрактного мышления, которое как раз важно для нас. Мы сделали умышленно это строгое ограничение, дабы было очевидно, что уже славянский праязык дал всем славянам наследие общих основ, на основании которых могла развиваться абстрактная терминология.

Мы можем признать вполне достаточным этот основной запас. Мы ведь должны всегда помнить, что абстракции во всех языках точно также и в латинском являются в большинстве случаев *это-*

порядными словами. Они возникают уже в позднейшей более зрелой стадии развития языка и при этом *корнесловным* т. е. сложения слов. Таким же путем создавались и славянские абстракции. Но тут то именно заключается ошибка, будто подобное словообразование отчуждает друг от друга славянские языки; ведь корнесловный принцип, т. е. корнетворческое присоединение и сама манера присоединения в общем одинакова во всех славянских языках; а поскольку суффиксы присоединялись к домашним корням и эта основа являлась в большинстве случаев общей для всех славянских языков. Благодаря этому славянские абстракции, созданные позднее, бывают ясны в смысле своего образования и представителю иного славянского народа, так как, конечно, абстрактно мыслящий славянин настолько знаком с структурой славянского языка, по крайней мере своего (а это вполне достаточно для этой цели), чтобы понять конструкцию слова, с которым встречается впервые. Сомнения могут быть иногда лишь при оттенках; но они не так велики, чтобы делали невозможными понимание целого текста, наоборот его помощью они то и выясняются. Ведь и в романских языках слова, возникшие этимологически из тех же основ, имеют иногда смысловые отклонения.

Но в славянских языках наряду с местными абстрактными выражениями, часто даже больше, чем они, употребляются иностранные слова, главным образом, латинские, греколатинские или же французские или немецкие, а они то по необходимости известны образованному и абстрактно мыслящему славянину. Поэтому, например, образованный чех, читая по польски, не может встретить затруднений в многочисленных польских терминах взятых из немецкого языка (*rachunek* ит. д.), так как он их знает сам; скорее наоборот, затруднения будут у поляка, читающего по чешски или у чеха, читающего славянские грамматические труды, так как славяне, кроме чехов, к сожалению, любят употреблять свою собственную, особую терминологию, вместо международной латинской.

Итак, хотя суждение Мейе о славянском словесном запасе в общем и правильно, но все же оно довольно обще и не вполне соответствует действительности. Кроме того мы должны помнить, что родство языков должно оцениваться, главным образом, не по словарю, а по фонетике и словообразованию. Близкое родство приносит уже само собою общие этимологические основы. Тожественный словообразовательный состав означает одинаковые формы мышления. Очевидное и ясное сходство славянских языков в этом отношении признал и Мейе. Таким образом, мы имеем право не принимать его взгляда, будто славянские языки доказывают слабость славянского единства. Этим мы, однако, не хотим сказать, что Мейе ошибается, сомневаясь в *действительной* силе славянского единства.

Другое заявление за последнее время было сделано *немецким* славистом Проф. П. Дильсом. Оно имеет меньшее значение, потому что не было высказано в научной книге, а лишь в популярной работе «Die Slaven» (Aus Natur und Geisteswelt. 740 стр. 1920 г.), а также еще и по иным причинам, но несмотря на это может интересовать нас, как мнение иностранного специалиста. Мнение Дильса о славянском единстве, конечно, близко к истине. Дильс констатирует в самом начале — и это с полным правом — что есть лишь одно бесспорное доказательство взаимного родства славянских народов — язык, и оно одно является порукой тому, что славяне близки друг другу и кровно; близость языков внушает славянам до известной степени чувство принадлежности к одному целому, чувство, которое иначе не имело бы основания (5 стр.). Это общее мнение Дильс высказывает более обширно и вполне правильно в заключительной главе (137 стр.): «История и культура вели славянские народы по довольно различным путям, так что бывает трудно воспринимать славянский мир, как единое целое. Несмотря на это, была существенная связь не только между непосредственными, но и между отдаленными соседями, и чувство родства у них никогда окончательно не исчезало; в некоторые эпохи оно влияло на духовную жизнь, а через нее и на политику. Написать историю этого славянского сознания — вещь нелегкая. Его важнейшим и, в корне взятом, единственным доказательством и был всегда общий язык; размеры славянского мира всегда измерялись лишь по нему. Измеряли славянский мир немцы, которые в X и XI столетии имели довольно правильное понятие о размерах славянства; и в славянских землях отдельные личности сознавали всегда родство славянских языков и чувствовали свою принадлежность к единому целому. Обмен духовными богатствами был славянам весьма облегчен сходством языков; в средние века еще больше, чем теперь: история славянского крещения, тесная связь старших югославянских литератур, влияние древне-славянских литератур на древнерусскую и древнечешскую на древнепольскую являются поэтому ранними и основательными доказательствами. Кроме того у славян в средние века появляется время от времени чувство, что у них есть один общий враг».

Если мы обратимся к иным научным дисциплинам, то прежде всего мы не должны ожидать доказательств славянского единения от *антропологии*, так как теперешние физические свойства славян, как известно, не привели бы к доказательству их единства: ни один славянский народ не дает в наше время единого антропологического типа, как вообще и ни один из европейских народов. Чем больше тот или иной край входил в политические, военные, экономические и культурные сношения с соседями, тем больше там было скрещений и слияний. Славянская

кровь смешивалась с кельтской, германской, чудской, греческой, аварской, финской, батийской, татарской, венгерской, турецкой, албанской, еврейской и еще иными. Если в настоящее время мы находим внутри отдельных славянских народов различные физические свойства, отличающие, например, среднечешский тип от югочешского, или, если мы видим большую разницу между северовеликоруссами из окрестностей Петрограда и южновеликоруссами или украинцами, то тем менее можно, конечно, встретить единый славянский тип. Но с другой стороны эту пестроту нельзя считать признаком раз'единенности славян. У германцев и романцев, а у германцев, особенно среди немцев, дело не обстоит много лучше. Следствием европейской (а также и американской) истории — является все усиливающийся обмен культурных и материальных богатств, который влечет за собою и обмен крови; ведь и мы сами пережили нечто подобное: великие войны, которые в передвижениях войск являются особым видом переселения народов, содействуют скрещиванию рас. Антропологические различия, отсутствие чистой расы имеют, таким образом, лишь теоретическое значение. К сожалению, из всего этого делаются обширные выводы, касающиеся психологии, или, если можно так выразиться, философии славянского духа. По поводу смешанной крови говорят, не без политического привкуса, о том, что у чехов немецкий характер, что у болгар много тюркотатарских черт, а у русских монгольских и финских свойств. Эти поспешные обобщения не обладают свойствами серьезных, научных утверждений, так как ни одно из них не обосновывается на эмпирических, последовательно изученных фактах.

Для антропологического изучения отдельных славянских народов было много сделано, например, у нас проф. Матицкой, а у славян Увеличем; имеются также прекрасные антропологические описания Подкарпатской Руси, Польши, Украины; при этом, однако, не достаточно применяется сравнительный метод и общественная точка зрения; собственно говоря, один лишь профессор Нидерле сравнивал антропологические областные описания с славянской точки зрения.

Гораздо меньше — даже почти что ничего не сделала для понимания славянского единства *география*: до сих пор нет описания славянской территории, как целого. Против этого можно было бы возразить, что славянская территория, как целое, фиктивна, а не реальна, как, например, Австралия. Но на это я отвечу, что ведь описывались и описываются территории отдельных *государств*, которые являются в большинстве случаев политическими, а не географическими единицами. Я не хочу даже указывать на территорию нашего государства, о котором профессор Дворский (журнал *Cesky stenor* 1918 г.:

Территории чехословацкого народа) доказывал, что оно является географическим целым, хотя нельзя ничего возразить против реального существования двух горных хребтов — Судетского и Карпатского; возьмем, например, современную Румынию, о которой едва ли можно утверждать, что она составляет географическое, единообразное целое, отличающееся от иных.

В современном развитии славянского сознания географический фактор сыграл важную роль всего лишь раз: я имею в виду географическое пространство, занимаемое славянами, которому поразились средневековые и даже древние писатели. Пространство, занимаемое в наше время славянами превосходит территорию германских и романских народов. Ведь уже одна русская империя занимала до 1917 г. более чем половину Европы, а кроме того ею были колонизированы огромные пространства в Азии. Эти огромные территориальные пространства приводили обычно в восторг славянски чувствующих людей, особенно в эпоху романтического пробуждения. Из карты, показывающей величину славянской территории, черпали веру, что славяне будут велики не только своими пространствами, но и значением и займут в мире место, соответствующее их географическим размерам; вспомним, как очаровательно описал одну такую сцену Иван Вазов в *Strycich*. Такие размышления — собственно говоря настоящих размышлений при этом не было — не вполне соответствовали действительности. Большие территориальные размеры являются, конечно, важным элементом в развитии народа, но, как показывают многие примеры, они не необходимы: остров Великобритании или же Голландия и Бельгия не отличаются размерами, но кроме иных благоприятных условий у них имеется необычайно счастливое положение, открывающее им океанское сообщение с целым миром. Древняя Греция была во много раз меньше Персии, однако, она ее поборола и культурно стала много выше.

Величина территории может, наоборот, иметь вредное влияние особенно на *сплоченность* и единство: чрезмерная растянутость ведет к разбросанности национальных и племенных частей по слишком большой территории и это затрудняет взаимную связь и возможную общую оборону. Чрезмерная территория легко не дооценивает *стремления к дифференциации, к сепаратизму*. Большая территория имеет свои выгодные стороны лишь в том случае, если она хорошо расположена по отношению к соседям, если она благоприятно оформлена и, наконец, если она достаточно густо населена. Все эти условия недостаточно выполнены в славянской территории. Последствия всего этого мы находим в малой взаимной связи славян, как это показывает история на сепаратистских стремлениях отдельных славянских

частей; не последнее место во всем этом занимает русско-украинский спор и чехословацкий раскол.

Кроме того, огромные размеры славянской территории приносят с собой необходимое просачивание инородных племен (немцев, венгров, албанцев, турок и т. д.) и, что еще важнее, различное физическое сложение отдельных стран. Это различные физические характер славянских земель действует своими различными влияниями на образование жизни в этих землях и этим, совместно с иными условиями, определяет историю соответствующих народов, участь их языков и развитие их культуры. На это соотношение славянской территории со славянской историей, особенно культурной, не обращается достаточно внимания. Особенно интересные выводы можно сделать из соотношений территории и судьбой соответствующего языка. Это, до сих пор неразработанный вопрос, я считаю весьма важной главой, которую необходимо включить в *лингвистическую географию*; в своих лекциях о славянских языках и о словацком в особенности, я пытался — пока лишь устно — ее наметить. К славянскому единству эта глава, конечно, не приведет.

Когда мы смотрим на карту славянства, то наряду с географическими размерами более всего бросается в глаза тесная *географическая связь* отдельных славянских народов. Первоначально славянская территория была непрерывной, но и теперь еще сильна связь между отдельными ее частями. Болгария почти на всем протяжении восточных границ соединена с сербохорватами, а последние связаны с словенцами. У чехословаков есть значительная часть общей границы с поляками, а на востоке с украинцами; у поляков вся восточная граница является общей с русскими племенами; на юге, около устья Дуная, последние сливаются снова с болгарами. Сильнее всего непосредственное соседство восточных и южных славян; совершенно не соединены западные и южные славяне; бывшая прежде связь лишь намечается западно — мадьярскими островками. В общем географическая связь славян значительнее, чем у германцев или романцев; у них многие отдельные народы раз'единены морем; особенно это заметно у романских народов, у которых более или менее связаны лишь Франция и Испания, в то время как Франция и Италия слабо, Испания и Италия совершенно не соединяются, а Румыния вполне отделена. Таким образом мы можем говорить об *единстве* славянской территории. Это единство было одной из причин, почему до сих пор осталось столь сильным родство отдельных языков, почему они гораздо ближе друг другу, чем современные романские и германские языки, почему они бываюТ часто столь тесно слиты, что трудно установить между ними границы.

Эта географическая связь является уже какой то опорой для

объединенного восприятия славянства; она не является, конечно, таковой сама по себе и непосредственно, так как непосредственно рядом могут находиться области двух различнейших народов, например, чехословаков и венгров, но зато косвенно, т. е. своими последствиями, проявляющимися в истории, особенно же в истории языка. Этой непрерывной связью — конечно кроме многих иных причин — можно объяснить то, что славянские языки сохранили до сих пор тесное родство и что вся славянская территория представляет, собственно говоря, огромный круг наречий, непрерывно и почти незаметно переходящих одно в другое.

Это обстоятельство, благоприятное для доказательства родственных славянских отношений, оказывается неблагоприятным на практике, в спорных вопросах о границах отдельных славянских языков и народов; к этой области относятся чешско-польский спор в Тешине, в Опаве и в северной Спише, словацко-карпатурсуский спор, украинско - великорусский, особенно же сербо - болгарский спор в Македонии.

Уже по этим общим фразам становится ясно, что более подробный географический, геоморфологический, метеорологический, фитогеографический и зоогеографический разбор, осуществленный при помощи сравнительного метода над всей славянской территорией, как целым, принес бы ценные познания о целостной славянской картине. Это естественно - научное описание показало бы в конце концов, что отдельные части славянской территории, несмотря на основное сходство, обладают важными отличиями в области геологического состава, состава почвы, в климате и растительности, так что здесь нет единого *географического* целого. Границы различных естественных областей удивительно совпадают с национальными границами, так что, повидимому, границы славянских языков создавались не раз под влиянием естественных условий. В противовес этому славянские территории не отличаются всегда в естественном отношении от чужого соседнего края; наоборот иногда славянский край в этом отношении сливается плотнее с чужезычным краем, чем с иным славянским.

Таким образом современная славянская территория не является особым географическим целым, единообразным внутри себя и отделенным естественными границами от других групп.

Подобные же явления мы наблюдаем и у германской и романской территорий. Вместо длинных описаний вспомним лишь, как отличаются в отношении природы, например, Бавария от Мекленбурга или Румыния от Португалии. Географическая картина не может, таким образом, поддерживать славянское единение, но не может быть и доказательством против.

Перейдем теперь к *археологии*.

Для славянского единства со времени Добровского и Суrowsкого, особенно же со времени романтически восторженной и идеализированной картины Шафаржика, данной им в «Славянских древностях» (Прага, 1837 г.) до неопределимого труда проф. Лубора Нидерле, было всегда ценным аргументом общее доисторическое происхождение всех славян, их совместный быт в праотчизне и схожая участь в начале истории. Гораздо труднее было уже найти общие черты праславянской культуры, особенно такие, которые можно было бы признать чисто славянскими. Так как в данном случае необходимо принимать в соображение, во - первых, культурные элементы, присущие всем примитивным народам, а не только славянам, а во - вторых, многие разнообразнейшие влияния, доказательством которых служат иностранные слова греко - латинского, германского, угро - финского и тюрко - татарского происхождения. Несмотря на это славянская доисторическая жизнь праславян является совместно с лингвистическим родством наиболее сильной теоретической основой славянской взаимности, как с точки зрения научной обработки, так и практического воздействия этого теоретического познания в жизни образованного славянского общества.

Обратимся теперь к *истории* и посмотрим, поскольку она может показать нам славян, как особое, единообразное и не похожее на остальных целое. Прежде всего мы, к своему удивлению, видим, что несмотря на огромную и разнообразнейшую специальную историческую литературу мы находим чрезвычайно мало трудов, в которых бы разбиралась в целом вся история славянских народов. Несмотря на то, что уже Добровский занимался вопросами славянской истории, несмотря на то, что различные славянские историки занимались историей нескольких славянских народов, особенно русские слависты А. С. Гильфердинг (1831 - 1872) и В. Ламанский (1832 - 1914 г.), тем не менее первое описание истории всех славянских народов в одной книге дал лишь чешский ученый, профессор русского университета в Варшаве Иосиф Первольф, в первой части своего обширного труда «Славяне, их взаимные отношения и связи» (3 части в 2 томах. Варшава 1886 - 1893 г.), названной *Очерк истории славян до XVIII века* (всего 206 стр.) Однако в данном труде не была осуществлена эта задача, так как в сущности это были краткие обзоры отдельных славянских народов, помещенные один за другим. Таким образом то был *параллельный*, а не *сравнительный* метод. Подобным же параллельным методом обрабатывали славянские языки Шафаржик и Миклошич, а славянские литературы Пыпин и Спасович. Иным способом составлялись обзоры истории «западных славян» (сравнить неудачный труд А. Шембера — «Западные славяне в доисторическую эпоху» Вена 1868 г. или М. К. Любовский — «История запад-

ных славян», Москва 1917 г.) или история *грекославянского* мира, т. е. южных и восточных православных славян, что было руководящим лозунгом уже упомянутого знаменитого славянофильского историка Ламанского *). Впервые в одно целое объединил славянское прошлое, поскольку мне известно, проф. *Ярослав Бидло* в статье «*Историческое развитие славянства*», помещенной в «*Славянстве*» Лейхтера, 1912 г. (стр. 3 - 131).

Это прямо бьющее в глаза отсутствие синтеза объясняется характером самого предмета. Существуют некоторые причины, мешающие создать целостное представление о славянской истории. Основной из них является то, что *в историческую эпоху славяне никогда не составляли одного политического целого*. О славянах, как целом, можно говорить лишь в доисторическую эпоху. Правда, несколько раз несколько славянских народов было объединено в единое политическое целое, но всегда это было лишь *несколько, а никогда не были все*, а потом и эти частичные союзы бывали лишь временными. Такие случаи, к сожалению, не означают еще единого исторического развития всего славянства. В большинстве случаев эти союзы основывались на династических интересах и на династической политике, иногда даже на инициативе сильной державной личности, по смерти которой и распадалась (Само, Симеон, Душан); внутренних, глубоко идущих народных движений было чрезвычайно мало. Так чешская история находится частично в иной сфере исторических интересов, чем польская, а эти обе в иной чем югославянская; но и эта последняя не развивается в одном направлении, вспомним хотя бы как различно развивалась история словенцев или хорватов и история болгар; о восточных славянах не приходится и говорить.

С географической и политико - исторической дифференциацией необходимо бывает связана также экономическая, социальная, церковная и вообще культурная дифференциация. Мы гораздо лучше знаем то, чем в этих областях славяне отличаются, чем то, что их объединяет. Понятие истории славян, как целого, встречает на своем пути тяжелые затруднения, как это видно из этюда проф. Бидло. Однако, всю славянскую историю можно представить себе, как целое, по крайней мере в следующих шести главных эпохах; 1) первоначальное создание славянских государств и народов (до конца XII столетия), 2) средневековый расцвет славянства (с конца XII до начала XV столетия, в России прерванный татарским нашествием); 3) внутренний кризис славянских государств, а на юге турецкое нашествие (с начала XV и до начала XVII столетия); 4) эпоха упадка (с нача-

*) О Ламанском существует на чешском языке исчерпывающая и прекрасная статья профессора Ю. И. Поливки, напечатанная в XXII т. чешской истории. Журн. 1916 г., стран. 98 - 116.

ла XVII и до 3 четверти XVIII столетия); 5) Эпоха возрождения (энциклопедизм и романтизм до половины XIX столетия); 6) новый расцвет славянских народов (от половины XIX столетия до 1914 г.). Эти шесть главных эпох, приводимых здесь по труду проф. Видло, можно действительно считать ключем к пониманию единства славянской истории. Их датирование, конечно, довольно обще и не совпадает всегда во всех славянских областях. В этом направлении славянская историография должна совершить свое дело. Здесь — *mutatis mutandis* — состояние, подобное тому, которое господствовало в национальной истории отдельных славянских народов в начале эпохи возрождения, до возникновения новой национальной истории, у русских до Карамзина, у нас до Палацкого и т. д. Долгое и богатое прошлое лежало в забвении; было необходимо произвести открытия. Эту работу над открытиями должна совершить славянская история при помощи сравнительного метода. Необходимо излагать истории отдельных славянских народов не параллельно, как это делал Первольф, а *синхронистически*; необходимо расследовать один и тот же вопрос или одну и ту же идею о всеславянской точке зрения, безразлично будет ли это государственное учреждение, или аграрное развитие, или социальные проблемы, или же стремление к церковным реформам, или же, наконец, религиозно - философское движение или юридические принципы. В этих двух последних областях, т. е. в истории славянского права и в религиозной истории церкви применялся, кажется, до сих пор больше всего требуемый метод, несмотря на то, что сравнительное изучение не касалось всегда всех славянских областей.

При этом программном требовании необходимо всегда помнить о двух вещах: во - первых, и в области отдельных славянских народов некоторые из этих вопросов совершенно не разработаны, так что сравнительное изучение может оказаться передравнением с несколькими неизвестными; эти затруднения (а они не являются единственными при таком методе работы; несистематизированность специальной литературы и недостаток библиографии мешают не менее) не должны, однако, отпугивать от изучения, так как только именно при помощи научной работы, быть может сперва весьма затруднительной, они могут быть отстранены. Во - вторых, мы не должны ожидать, что сравнительное изучение откроет перед нами совершенное, полное и всестороннее единство славянской истории, отличий всегда останется все же больше, чем сходства, это проистекает из уже изложенного характера предмета.

Мы можем упомянуть подобным же кратким образом и об остальных сторонах славянской жизни, особенно же об *истории славянской культуры*, в узком смысле слова, об истории литературы, науки, философии, изобразительных искусств и музыки.

Если мы будем во всем этом культурном богатстве искать целостную причину того, что было сделано славянством на этом поприще, — то мы ее не найдем. В наилучшем случае мы найдем лишь параллельное описание, как это было сделано в истории литературы известным трудом Пыпина и Спасовича, который, однако, не заключает в себе русской литературы и несмотря на свои достоинства сейчас уже устарел и неполон. Пыпин и Спасович с своей славянской точкой зрения находились в методологии истории литературы на том же уровне, как и Миклошич в своей сравнительной грамматике (оба эти труда приходится, кроме того, на одну и ту же эпоху); внимание исследователя охватывает правда всех славян, но лишь *параллельно*, вне настоящего сравнения. Таким образом и в истории литературы, науки, философии и искусства необходимо действовать: 1) *синхронистически*, т. е. исследовать тот же *период* во всех литературах и т. д.; 2) *идеографически*, т. е. сравнивать развитие той же *мысли* или того же идеологического движения, например, гуманизма, во всех славянских областях (в этом направлении было до сих пор более всего сделано для выяснения, энциклопедизма и романтизма, но почти ничего для реализма); 3) *эидографически*, т. е. сравнивать развитие одного и того же литературного или художественного рода во всех славянских областях, например, развитие эпоса, результаты и предпосылки жанровой живописи, развитие у славян оперы и т. д. Вспомогательным обзором такого рода являются теперь «Славянские литературы» Махала (Прага, 1922 и 1925 г.), где, особенно в первом томе, исследуется прекрасным сравнительным методом развитие международной средневековой литературы у славян, а во втором томе дана живая картина славянского романтизма, этого наиболее могучего, до сих пор, явления в славянской культурной истории, в котором более всего видно славянское единство. Зато у нас не сделана даже подготовительная работа к сравнительной истории славянской философии, славянской музыки, славянских изобразительных искусств.

С этой славянской сравнительной точки зрения больше всего до сих пор сделала, пожалуй, *этнография*, но далеко не на всем своем протяжении, но лишь в своей филологической части. Я не столько подразумеваю диалектологию, вопросы которой разрешаются, главным образом, с местной точки зрения, сколько *изучение материалов народных традиций*; в этой области плодом огромной сравнительной работы является часть „Anmerkungen zu Grimms Märchen“, сделанная проф. Поливкой. Здесь необходимо подчеркнуть, что *славянская история литературы*, несмотря на значительное количество изданных материалов (издания переписки славянских писателей, особенно же ученых, как, например, Добровского, Шафаржика, Ганки, Вука Стеф. Короджича и иных) и огромное количество специальных работ

о литературных влияниях, не дала даже отдаленной картины той области славянской взаимности, которая как раз господствовала в XIX столетии, т. е. литературной взаимности. С всеславянской, сравнительной точки зрения до сих пор еще не разработано развитие главных славянских движений XIX столетия, как - то австрославизма, иллиризма и славянофильства, несмотря на то, что об этих явлениях было уже написано значительное количество самостоятельных работ.

При таких капитальных пробелах в перечисленных областях не может уже поразить тот факт, что и активное выявление славянской близости, *славянская взаимность* не нашла со времени Первольфа, современного историка. В данном случае были, конечно, и внешние препятствия, главным образом, политические условия, в которых находилось большинство славян до 1918 г., но несмотря на это не ирония ли факт, что единственный более подробный труд, касающийся истории славянской взаимности от Первольфа до переворота, написал немец — Альфред Фишель „Der Panславизмус bis zum Weltkrieg, Ein geschichtlicher erblie“) Штуттгарт, Берлин, 1919 г., VI, 590 стр.), который вдохновляется не только объективной литературой, но и различными, политически окрашенными, изложениями, как, например, акты Крамаржевского процесса. Первыми признаками поворота в новую сторону является труд Милана Трелога *Slovenska genesansa* (Загреб, 1920), дающий целую картину славянского возрождения.

Теперь, когда мы видим, какие пробелы имеются в представлениях о славянстве, как целом, мы можем представить себе, насколько слабо обоснованы все существовавшие до сих пор попытки, особенно публицистические, обрисовки какой-то общей *славянской натуры*, или философского *определения смысла славянства* и его *миссии* в развитии человечества. Этот последний вопрос вообще метафизичен и выходит за пределы эмпирического изучения; он является предметом лишь субъективного мировоззрения, тем ответом, который дает сам себе человек. Этим я не хочу отрицать, что и такие априорные конструкции, хотя они и не имеют надежного научного фундамента, могут иметь огромное практическое значение для славянского общества, так как они могут быть поводом для возбуждения национальной силы. Так, например, бесспорно историческое значение русского славянофильства, особенно для политического освобождения сербов и болгар, несмотря на то, что мы не можем принять теоретические основы славянофильства, особенно его прямолинейное отделение России от Европы, и несмотря на то, что мы

хорошо видим инородные, гегелевские черты этой мнимо наиболее славянской теории.

Но и в психологическом, особенно социологическом вопросе славянского характера мы не стоим на более твердой почве и все бывшие до сих пор объяснения (я бы должен был при этом упомянуть не одно известное имя; наиболее поздняя работа подобного характера — это «Народная мудрость» Голечка — Прага 1921 г., не говоря уже о недавних брошюрах, излагающих чешский характер) опираются исключительно на субъективные впечатления, случайные сведения, на остроумные примеры (например, известный случай с кошками в «Чешском вопросе» Масарика 23 параграф). А ведь длительно — ценное обоснованное знание нам бы могло дать лишь последовательный разбор фактов, а он в свою очередь мог бы быть осуществлен лишь при помощи того сравнительного метода изучения всех сторон славянской жизни, на почти полное отсутствие которого мы выше указали. При этом я оставляю в стороне сомнения на счет того, в каком смысле можно говорить о характере или душе народа и даже народных групп; не говорю я и о том, что такой национальный характер или дух, поскольку вообще признается его существование, не является постоянной и неизменной величиной, но в течение столетий вполне естественно развивается, изменяется, поддается влияниям точно так же, как и характер отдельной личности.

После того, как мы высказались довольно скептически обо всех до сих пор существовавших предпосылках славянской взаимности, найдутся, пожалуй, люди, которые скажут, что быть может совершенно неуместно заниматься славянами, как единым целым, во всех перечисленных научных областях, что ведь при изучении романцев, германцев и иных национальных групп это тоже не идет далее лингвистики и что, конечно, вообще не имеется большого количества книг, изображающих и представляющих себе романский и германские миры, как особое, характерное целое. Более остро чувствуется еще латинское единство, но внутри германского мира можно говорить о большей или меньшей взаимности лишь между немецкой и скандинавской ветвями. Я думаю, что недостаточно оценить тот несомненный факт, что в самом возникновении колларовской славянской идеи заключалась логическая ошибка. То, что колларовское славянофильство было вдохновляемо просыпающимся немецким сознанием в папаленовскую эпоху, слишком хорошо всем известно. Но идея объединения одного народа, повторившаяся потом в Италии и у других народов, была применена на славянской почве в колларовском славянофильстве способом не вполне совпадающим, т. е. не по отношению только к одному народу или, по крайней мере, по отношению к родственным соседним племенам, например, к юго-

славянам (иллиризм Гая более позднее явление, находящееся под влиянием Коллара), но, как блестящий романтический жест по отношению ко всей огромной славянской территории. Благодаря этому сейчас же было упущено из виду, что эта огромная славянская область никогда не была и не могла быть единым целым в историческую эпоху, а благодаря своим размерам и протекающему из него разнообразию и не может быть объединенной. Кроме перенесения этой воспринятой идеи в более широкие масштабы перенесения, в котором мы как раз и видим логическую ошибку, было еще романтическое одностороннее и *филологическое* понимание народности и славянства с лингвистической стороны, которое в начале усиливало единое восприятие, но одновременно, во вред развитию целой идеи, отодвигало на задний план все остальные стороны. Этим я не хочу ничего сказать против программы Коллара о литературной взаимности, которую мы принимаем полностью еще и теперь. Этим я хочу припомнить лишь о реальных границах колларовского всеславянства.

Эти черты, характерные уже для начала славянского объединения, скажем прямо, черты поэтические и нереальные, совместно с затруднениями чисто практического характера способствовали тому, что всегда лишь меньшая часть интеллигенции, особенно же ученых, присоединялась к славянской идее и работала над общим сравнительным изучением славянства и его взаимности, в то время, как большинство интересовалось лишь вопросами своего народа. Известно, что в конце концов мы, чехи, больше всего интересовались славянской идеей, в то время, как у крупнейшего славянского народа за этой идеей не следили в соответствии с его размерами. Но и мы сами сделали чрезвычайно мало для познания России, у нас не хватило силы даже на чешскую научную историю того, что в России прекраснее всего — русской литературы. Кроме монографий мы можем указать, собственно говоря, лишь на два чешских больших труда о России: на глубокий разбор «России и Европы» Масариком и на «Русский кризис» Крамаржа. Но еще сравнительно меньший интерес был в России по отношению к нам. Вполне естественно, что большее внимание привлекали славяне, близкие русским благодаря православной вере — сербы и болгары *). И в современную нам эпоху дело обстоит не на много лучше: для современных взглядов как эмиграции, так и советских деятелей характерно решительное отрицание, которое выражено по отношению к славянской идее в интересной работе «Европа и человечество» Н. С. Трубецким (София, 1920 г., 82 стр.): «нет нужды расцен-

*) См. глубокие размышления проф. Ю. Поливки в его статье «Россия и *lux et oriente*», напечатанная в журнале «Чешская Ревю», а потом изданная отдельным оттиском.

ваться частным национализмом, или же такими частичными решениями, как *панславизм* или иные «пан-измы». Эти детали лишь затемняют сущность вопроса. Необходимо постоянно и твердо помнить, что противопоставление славян германцам или туранцев арийцам не дает настоящего разрешения проблемы и что истинный противовес лишь один: романо - германцы (к которым принадлежит, добавлю уже от себя, по предыдущему изложению Трубецкого, и та часть славян, которая приняла европейское, т. е. романо - германское и западное образование, т. е. главным образом западные славяне) и все остальные народы мира — Европа и Человечество».

В связи с этим создается теоретическое и политическое течение, называемое евразийством, причем оно развивается и в Советской России и в эмиграции, создавая единый русско-азиатский фронт против Европы. Собственно говоря, это pendant к славянофильству, только на место русско - славянского мира поставлен русско - азиатский.

Тем не менее затруднения или сомнения, которые стоят на пути славянской идеи и специально восприятия славянства, как целого в практической жизни, не должны мешать изучению славянства, как целого, ибо это является первостепенным научным вопросом и при этом потребностью нашего времени — и об этом надо неустанно напоминать. Однако, смещение интересов и стремлений практической и особенно политической жизни с этой гигантской теоретической проблемой лишь загрязняло ее чистое изучение. В ином отношении прекрасный и иногда в жизни народов необходимый славянский восторг и связанная с ним вера в непоколебимое единство и своеобразие славян, принесли научным романтикам больше вреда, чем пользы, поэтому то так необходимо снова вспомнить замечательные слова И. И. Срезневского, сказанные еще в 1848 г., о необходимости объективной и внешне холодной разсудочности в славянском вопросе (смотри Францев — «Письма к Ганке из славянских земель». Прага 1906 г. стр. 1061-2): «Нам нужен холод — я бы сказал разумность» — и слепое увлечение будет лишь вредить». Лишь совершенно *непредвзятое* сравнительное изучение всего славянства во всех его проявлениях, подробное и *вполне реальное* изучение, освобожденное от каких - бы то ни было априорных предпосылок могло бы принести действительный для всех ответ на научный вопрос о славянском единстве.

Проф. М. Вейнгарт

С чешского перевела
Н. Мельникова - Папаушек.

Европейские и Американские писатели о подавлении свободы в России.

Недавно в Америке вышла в свет на английском языке потрясающая книга: сборник писем заключенных в советских тюрьмах революционеров*).

Письма эти собрал американский журналист Исаак Дон Левин, ездивший в советскую Россию и одно время дававший даже сочувственные большевикам корреспонденции.

Нью-Йоркский «Международный Комитет» состоит из ряда виднейших общественных и политических деятелей, писателей и ученых С. А. Соединенных Штатов, между которыми находится и Евгений Дебс, знаменитый вождь американского социалистического движения, сидевший во время войны в тюрьме за свою пацифистскую пропаганду.

Книга состоит исключительно из подлинных документов, относящихся к большевицкой тюрьме и ссылке, писем и заявлений заключенных, официальных актов Чеки и Г. П. У., полицейских вопросов листов, декретов и инструкций Сов. власти и т. п.

*) «Письма из русских тюрем», изданные «Международным Комитетом для защиты политических заключенных» (Letters from Russian Prisons, Albert and Charles Boni, New-York 1925. Адресъ Комитета: 80, East 11-th Street, New York city)

В числе документов имеется известное письмо В. Г. Короленко Горькому о его зяте - меньшевике, протест анархистов (Шапиро, Беркман и Эмма Гольдман) и ответ на него Троцкого, письмо А. Гоца Фиммену и т. д.

Объемистый (316 стр.), прекрасно изданный том снабжен большим количеством иллюстраций—портретов заключенных революционеров, факсимиле их писем и чекистских документов.

Прежде чем выпустить в свет эту черную книгу большевика издатели послали ее оттиски двадцати двум всемирно известным писателям и ученым, с просьбой дать их отзыв. Ответы напечатаны после предисловия председателя Комитета Р. Балдина. Мы воспроизводим их ниже.

Как увидит читатель, некоторые из этих лучших представителей европейской и американской интеллигенции до сих пор имеют весьма наивное представление о большевиках.

Это неудивительно.

Не так то легко левому, прогрессивному европейцу или американцу понять, что *революционеры* т. е., люди, к которым они а priori привыкли относиться сочувственно, считают такие вещи, как "честь", "совесть", "гуманность" и даже "свободу" никому не нужной ветошью, буржуазным вздором — "дохлой собакой", по выражению Бухарина.

Политическая и социальная философия ленинизма так чужда современному культурному сознанию, что даже европейские коммунисты и те ее не понимают — откуда постоянные недоразумения между ними и Москвой.

Можно, конечно, вместе со Шницлером или Ромэн Ролланом признать, что не одни большевики отличаются цинизмом, жестокостью и лживостью (или, если угодно, "практичностью" по выражению Б.Русселя), а также и буржуазные (вслед за феодалными) профессионалы политики.

Можно даже сказать, что большевики всему этому учились до известной степени в буржуазии.

Но главный их учитель — самодержавие.

Непонимание большевизма Европой в значительной мере происходит от незнания или недостаточного знания российского абсолютизма и того громадного вреда, который принес всей русской духовной культуре этот доживший до второго десяти-

летия 20-го века чудовищный, насквозь прогнивший режим полицейского гнета и бесправия, непохожий ни на один из существовавших в Европе.

Лишь в моральной атмосфере самодержавия, сочетавшего первобытное азиатское варварство с утонченной, высокоразвитой техникой угнетения, могла возникнуть революционная доктрина, представляющая собой странную смесь марксизма с полицейщиной, передовых стремлений современности с азиатским перевоплощением средневековой инквизиции.

Дело не только в тюрьмах.

Конечно, правы Эптон Синклер и Ромэн Роллан: в других странах тоже существуют тюрьмы, а в некоторых из них с политическими заключенными обращаются, может быть, не лучше, чем в Советской России.

То, что отличает большевицкую "советскую систему" от других современных политических режимов, это — лежащая в ее основе своеобразная каторжная философия, неожиданная вера бывших тюремных сидельцев в спасительную силу "изоляции" и истребления идейных и политических противников.

Достаточно вспомнить, с какой маниакальной настойчивостью Ленин вдавливал в головы своих учеников необходимость "бережного (!) содержания в тюрьмах" меньшевиков и эсеров, и даже расстрела их — в случае "политического оказательства".

В Советской России тюрьмы — естественное место для социалистов, позволяющих себе устно или печатно критиковать правительство и политическую систему, при помощи которой оно держится, не говоря уже о тех, кто пытается объединить единомышленников для изменения этой системы, хотя бы мирными путями, в интересах трудящихся.

В этом отношении разница громадная между Калифорнией и Советской Россией, что бы там ни говорил Эптон Синклер.

Нигде, кроме католических догматов средневековья, философии абсолютизма и, пожалуй, итальянского фашизма, нельзя найти такого *принципиального отрицания свободы*, какое лежит в основе большевицкого понимания "социалистического" строительства.

Мы знаем, что на это отвечают Бухарин, Троцкий и К-о. К их софизмам мы вернемся в другой раз.

Пока же мы рады дать возможность нашим читателям ознакомиться с мнениями выдающихся представителей европейской и американской мысли — тех самых, которых г. Луначарский пытается записать в "попутчики".

В этих кратких откликах отразился духовный строй настолько чуждый всей философии большевизма, что нельзя серьезно говорить о возможности какой бы то ни было "большевизации" их авторов.

В. Сухомлин.

ОТКЛИКИ

АРНОЛЬД БЕННЕТ, английский романист:

Хотя я и не становлюсь на сторону какой-либо из различных революционных партий в России и вместе с тем не склонен считать советское правительство хуже всех других, я тем не менее убежден, что во имя развития в России духовной культуры было бы разумно предоставить интеллигенции, которая не считает для себя возможным работать совместно с коммунистической партией, больше свободы.

При отсутствии свободы критики ни одно правительство не может избежать ошибок. И до тех пор, пока суровые преследования продолжают, Запад останется при убеждении, что советская власть чувствует свое положение непрочным.

Пока будет продолжаться царство террора, каким оно изображено в настоящей книге, совместная работа с прогрессивными элементами Запада будет затруднена — особенно принимая во внимание тот факт, что многие, если не большинство, жертв были такими же искренними сторонниками октябрьской революции, как и сами коммунисты.

Г. Н. БРЭЛЬСФОРД, один из вождей английской независимой рабочей партии, редактор социалистического еженедельника "Нью Лидер":

При вооруженной интервенции и блокаде еще можно было оправдывать в качестве военной необходимости подавление свободы в России. С окончанием гражданской войны и признанием советского правительства де юре большинством великих держав, никто из друзей русского народа не сможет продолжать защищать эту точку зрения.

Подавление свободы слова, печати и союзов в России рабочим правительством роковым образом вредит его будущему и мешает принять советскую систему другим народам.

Постоянное подавление свобод является причиной бесконечных жестокостей и причиной гибели благороднейших жизней — оно также означает быстрое разложение интеллектуальной и моральной жизни народа. Люди не могут думать там, где они не могут свободно дебатировать.

8 апреля 1925 г.

ГЕОРГ БРАНДЕС, Копенгаген, 27 января 1925:

М. Г., не приходит дня, когда бы я не получил пятидесяти писем с требованием ответа. Поймите меня. Мое время очень занято. Каждый день 60-70 человек по почте или лично обращаются ко мне, настаивая на том, чтобы я уделил им свое время. Можно с ума сойти. Но все-таки я вам отвечаю.

Читая книгу г-жи Эммы Гольдман и письма русских заключенных, без удивления, но с глубоким негодованием я констатирую, что русская революция не дала никаких улучшений. Жестокости и презрение к правам и к свободе остались неизменны. Понадобилось целое столетие, чтобы сломать царский производ. Наконец, это свершилось — и одно насилие заменило другое, такое же глупое и подлое, но в тысячу раз более лицемерное.

Удастся ли вам что-либо сделать? Пусть ответят на это сами русские — люди ума и большого сердца.

КНУТ ГАМСУН:

Читая эти письма пленников, поражаешься не столько жестокости и ужасам, сколько непреклонной вере, сохраняющейся в человеческом сердце несмотря ни на что. Только эта вера дает силы и надежду.

Русская революция, как и каждое народное движение навстречу свободе, родилась на почве сознания справедливости, охватившего широкие народные массы.

Если в груди современных правителей России сохранилась хотя бы искра этого огня — а мы хотим верить в это, они не могут допустить, чтобы условия жизни развивались в том направлении, как это описано в настоящих письмах, и чтобы истреблены были последние основы гуманности у революции.

Если дружественное отношение западно - европейской интеллигенции имеет какую - нибудь цену в Москве, эти тысячи арестованных идеалистов должны быть немедленно освобождены, а их энергия и их знания должны быть использованы для общего блага.

Характерная для царизма система административной ссылки, являвшаяся клеймом позора для старого режима в глазах цивилизованного мира, должна быть уничтожена. При существующем ныне революционном правительстве каждый гражданин должен иметь право на беспристрастный суд.

Пусть опубликование настоящих писем пробудит совесть у вождей советской власти и даст им необходимое мужество, чтобы показать, что справедливость не умерла в России.

ГЕРГАРД ГАУПТМАН:

Дорогой г. Дон Левин, нетерпимость к чужому мнению несовместима с прогрессом.

В истории католической церкви был долгий период, когда еретиков заковывали в цепи и сжигали у позорного столба. Слабым утешением для человечества является указание, что тогда люди пользовались материальным благополучием.

Угнетение мысли страшнее всего. Преследование независимой мысли, цепи и тюрьма за выражение мнения оскорбляют землю и небо.

Убийство души есть худший вид убийства.

Что можем мы дать птице, привыкшей к свободному полету, после того, как обрежем ей крылья? Спросите ее, как сможем мы вернуть ей счастье? Она ответит: «лучше сверните мне шею».

Работа мысли может быть опасна лишь стоячему болоту догматизма, который свои идеи принимает за абсолютную истину.

Это самоубийство и разложение. Это смерть.

Государство, правители которого превратились в рабов абсолюта, не имеет кормчего — его место занято бездушным механизмом. И горе тому государству, которое отдало власть в такие руки — оно превратится в пустыню вместо того, чтобы, подобно зреющему полю, во много крат увеличить свое благосостояние.

Я ограничусь этими общими соображениями, не будучи в состоянии судить, насколько они могут быть пригодны для вашей книги.

Рапалло, 7 марта 1925 года.

СВЕН ГЕДИН: Стокгольм, 23 марта 1925 года.

М. Г., перегруженный работой, я еще не успел использовать присланный вами материал.

Но как человек науки, как друг России и русского народа, я рад выразить свою надежду на то, что русская интеллигенция, томящаяся сейчас в тюрьме и ссылке, вернет себе свою свободу и получит возможность доказать, что без здоровой научной деятельности русский народ не сумеет обеспечить себе будущего.

Во имя человечности я надеюсь, что советское правительство сделает все возможное и поможет страдающим и всем тем, кто заслуживает лучшего будущего.

БЕРНАРД КЕЛЛЕРМАН: Берлин, 16 января 1925 года.

Дорогой г. Левин, трудно сомневаться в подлинности документов, которые вы собираетесь опубликовать. Вы поднимаете занавес над русскими тюрьмами, где гибнут несчастные люди

— не реакционеры и не контр - революционеры, а социалисты и революционеры, заплатившие в царских тюрьмах уже дань за то, что боролись за идеалы прогресса и социализма. И как бы там ни было, но мы не можем не признать, что царские тюрьмы и обращение с политическими противниками при царском режиме были более гуманными, чем в России современной. Для примера стоит хотя бы прочитать сообщение о пребывании Ленина в сибирской ссылке.

Если на земле есть место, где человеческие права — безразлично, имеем ли мы дело с уголовными преступниками или "только" с политическими противниками — попираются ногами, обязанность каждого, кто верит в справедливость и человеческое достоинство, настойчиво и убедительно указывать на это место пальцем, пока оно не исчезнет с лица земли. Вы, г. Левин, делаете это. Ваша заслуга заключается в том, что вы, не взирая ни на кого, привлекаете внимание мира к положению политических заключенных в России.

Трудно поверить, чтобы русское правительство, ссылающееся в своей деятельности на человеческое достоинство и на гуманность, знало правду о положении в тюрьмах и о страданиях политических заключенных. Возможно, что ему бессовестно лгут и его обманывают его комиссары.

Вы достигнете, г. Левин, своей цели, если русское правительство, возмущенное этими разоблачениями, пошлет неподкупных комиссаров для исследования положения политических заключенных. И тогда с некоторой долей вероятности можно надеяться, что будут сделаны шаги для немедленного улучшения их участи.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЕФ: Мербажжа (Швеция), 4 февраля 1925 г.

Пусть тем, кто публикует эти письма, удастся облегчить участь несчастных русских революционеров, которые томятся в тюрьмах и ссылке.

ГАРОЛЬД ЛАСКИ, профессор лондонского университета:

С глубоким волнением прочитал я документы, собранные в этой книге.

Социалистическое движение дает вождям русской революции, которой они отдали годы своей жизни, право на свободу, ради которой они так беззаветно боролись.

Отказ советского правительства дать русским социалистам возможность участвовать в творческой жизни, социалистам запада должен казаться позорящим эту власть клеймом и будет в величайшей степени препятствовать восстановлению добрых отношений.

Немало имеется сейчас людей в Англии, которые приветствовали в свое время революцию и которые теперь полагают, что ее цели осквернены жестокими преследованиями людей, чья борьба за идеалы вне каких бы то ни было сомнений. Каждый русский коммунист, очутившись на западе, убедится, что успехи европейского социализма сделаются возможнее, если с заключенными в русских тюрьмах социалистами будут обращаться с большим благородством и большей справедливостью.

ТОМАС МАН, Мюнхен, 27 февраля 1925 года:

М. Г., я чрезвычайно признателен вам за присылку "Писем из большевицких тюрем и ссылки". Я внимательно изучил эти документы и впечатление от них было тем страшнее, что они представляются бесспорно подлинными.

Вы не хотите вмешательства политики в эту область — я разделяю ваши чувства. Но невольно возникает вопрос: изменилось ли что к лучшему в России, если вообще что — нибудь изменилось, по сравнению с прошлым — с того момента, как создано было это атеистическое государство, которое называется коммунистическим?

В одном из писем я читал, что из помещения, которое раньше было занято церковью, были удалены все религиозные изображения и символы, а их место заняли портреты Ленина, Троцкого и Маркса.

Не знаю, как чувствовали себя при этом Ленин и Троцкий, но не сомневаюсь, что Маркс перевернулся бы в гробу, если бы это до него дошло.

Желаю вам всяческого успеха в вашем гуманном начинании, если оно приведет к смягчению методов управления русско-

го правительства и разрешаю вам использовать настоящие строки по вашему желанию.

МОРИС МЕТЕРЛИНК, 11 марта 1925 года:

Мне кажется, что нигде борьба между зверем и духом не принимала таких патетических форм, как в этих пьесах сосланных в Сибирь русских интеллигентов. Из глубин своего ада они осмеливаются бросать вызовы демонам, которые их окружают, причем в виде оружия имеют лишь голодовки, хотя сами едва имеют чем утолить свой голод. Один за другим они умирают спокойно, героически, не обманывая себя напрасными надеждами и тем хотя бы немного облегчить участь тех, которые быть может, последуют за ними. При этом они добровольно налагают на себя такие мучения, что производят впечатление даже на своих тюремщиков, в которых едва ли осталась хотя бы какая-нибудь человеческая черта. Эта драма сейчас разыгрывается на другом конце земли, а цивилизованный мир так устал напрасно протестовать против гнусностей советского правительства, что уже больше не в силах поднять своего голоса...

КАРИН МИХАЭЛИС, датская писательница:

С того момента, как я прочитала эти письма — мужчин и женщин, гибнущих в русских большевицких тюрьмах, днем и ночью меня преследует страшное ощущение собственной вины. Да, я виновна, потому что не поднимаю голоса и не делаю попыток освободить этих мучеников...

Я получила эту книгу в полдень, когда солнце сияло на безоблачном небе. Стоя у рояли, я вскрыла пакет, чтобы лишь мельком взглянуть на книжку. Читать мне мешала предстоявшая мне серьезная работа. Но мне попали на глаза несколько строк, которые заставили меня прочитать всю страницу. Я продолжала читать стоя. И я читала, пока не закатилось солнце. Читала, пока в темноте не слились строчки. Комната показалась мне черной, как могила. Мои глаза горели, сердце стучало, как молоток, слезы душили меня. И когда пришла ночь, я не могла заснуть. А когда наступило утро, я не видела и не почувствовала солнца.

Стыжусь признаться — сколько раз мне приходила в голову мысль, лучше бы я не видела этой книги. А теперь, теперь я хочу, чтобы каждый прочитал эту книгу, перечитал ее снова. Пусть каждый, как и я, забудет, что такое отдых, что такое радость, пока хоть чем-нибудь не поможет своим братьям и сестрам.

Пусть не говорят, что это невозможно. Пусть не говорят, что это вмешательство в дела чужого государства. Можно, должно поднять свой голос.

ИЗРАЭЛЬ ЗАНГВИЛЬ, английский романист, 31 января 1925 года:

Я прочитал письма заключенных и ссыльных и был поражен как невероятным героизмом этих мучеников, так, с другой стороны, невероятной жестокостью и глупостью большевицкого правительства.

Сомневаюсь, чтобы при существующей сейчас путанице в европейских делах голос англичанина мог повлиять на правителей России. Но, конечно, худшей пропагандой для их дела является тот факт, что повсюду рабочие, которых они хотят объединить, узнают, что при их режиме так же мало милосердия, гуманности и свободы мнения, как и при царском режиме и что те, кто в борьбе за Россию рискуют своей жизнью и своим счастьем, подвергаются таким же преследованиям, каким они подвергались со стороны тех, с кем они сами боролись и кого они же сами свергали.

Единственную свою надежду я возлагаю на то, что заключенные так широко применяют голодовки, как средство борьбы со своими притеснителями. Ибо голодовка есть прежде всего средство моральной борьбы и может быть направлена лишь против тех, у кого моральное чувство еще живо. Значит должна у них существовать какая-то вера в своих притеснителей, должно у них существовать какое-то ощущение братской связи — и именно к этому чувству я беру на себя смелость апеллировать.

Быть может истина не известна настоящим руководителям правительства и эта книга поможет уничтожить отвратительную жестокость.

Но если советское правительство будет настаивать на своих методах управления, оно, несомненно, потеряет всякое влияние вне России и среди тех, кто сочувствует социальным опытам, оно разрушит последнюю надежду на связь с западной культурой.

Отмечаю факт, что часть заключенных еврей — это показывает, насколько ошибочно отождествлять евреев с большевиками.

РОМЭН РОЛЛАН, Вильнев , 2 февраля 1925 года:

М. Г., возвращаю вам заказной почтой документы, которые вы мне переслали.

Это позор! Руки сжимаются от гнева и отвращения. Но почти то же самое происходит в польских тюрьмах; в Калифорнии, где мучают рабочих, принадлежащих к Международной Организации Промышленных Рабочих; в Югославии; в английских тюрьмах Андаманских островов, куда бросают индийских патриотов. Каждую неделю доносятся до меня такие крики горя и обвинения из разных стран мира.

Я не буду писать предисловия, о котором вы просите. Оно могло бы послужить орудием против одной партии в руках других партий, которая несколько не лучше и не хуже ее.*)

Я не обвиняю систему, я обвиняю человека. Неизвестно, что сильнее в нем — жестокость или глупость. Но последняя, быть может, страшнее. Вы можете защититься против жестокости — вы, быть может, даже сумеете убедить себя, что вы ее одолели. Но против глупости вы беззащитны.

БЕРТРАН РУССЕЛЬ, английский ученый и философ, 6 февраля 1925 года:

Я искренне надеюсь, что опубликование этих документов поможет установлению дружественных отношений между совет-

*) *Примечание издателя:* В обращенном к Р. Роллану письме, сопровождавшем посланные документы было сказано, что "желательны несколько строк вместо предисловия" — независимо от их характера или содержания.

ским правительством и правительствами западно - европейских держав.

Введенные в заблуждение социалистами запада, государственные люди Великобритании, Франции и Америки смотрят на современных правителей России, как на идеалистов и потому считают их опасными.

Когда они прочитают эту книгу, они убедятся в своей ошибке.

• Современные властители России, как и повсюду, люди практические и сами мучают идеалистов, чтобы сохранить свою власть.

Непонятно, почему империалисты запада должны ссориться с этими империалистами северо-востока и почему на западе друзья свободы должны оказывать им поддержку, пока они практикуют такое обращение со своими политическими противниками.

ЭПТОН СИНКЛЕР, американский романист, Нью-Йорк, 29-го июня 1925 года:

Дорогой г. Левин, я успел взглянуть на документы об обращении с политическими заключенными, которые вы мне переслали и был очень удивлен, когда узнал, что их положение почти не отличается от положения политических заключенных Калифорнии, гражданином которой я являюсь. Я имел возможность посетить заключенных, находящихся в тюрьмах Калифорнии и познакомиться с условиями их жизни и вы поймете, что у меня больше побуждений выступить с активной помощью для этих последних, чем для тех, о положении которых я знаю лишь из сторонних источников.

Я признаю за государством право защищать себя против тех, которые в борьбе с ним прибегают к мерам насилия; именно такие политические преступления были совершены в России, напр., попытка убийства Ленина. Подобных преступлений не было за последние годы в Соединенных Штатах и подобное обвинение не было предъявлено ни к одному из политических заключенных Калифорнии. В этом отношении Калифорния, в

смысле культурного уровня, повидимому, сильно отстала от русского правительства.

Что касается обращения с политическими заключенными, то я против всякой излишней жестокости, поскольку она не диктуется необходимостью. Я протестовал против жестокостей, примененных в Калифорнии к тем, кто был заключен в тюрьму за убеждения. Протест мой не дал результатов и потому, быть может, целесообразно обратить свое внимание на Россию — быть может, там я буду иметь больший успех.

Мои товарищам в России, как социалист социалистам, я скажу, что с чисто практической точки зрения гуманность по отношению к политическим заключенным даст больше, чем израсходованные на них рубли и я выражаю надежду, что русское правительство — правительство рабочего класса — окажется на большей высоте, чем то капиталистическое государство, в котором живу я.

Г. Г. УЭЛС, Лондон, 5 апреля 1925 года:

Дорогой г. Левин, сожалею, что не в состоянии судить о достоверности присланных вами писем и не понимаю, почему вам так необходим мой комментарий к этой книге.

Подавление политической оппозиции при помощи силы — если только она сама не прибегает к силе — со стороны правительства является преступлением.

Большевицкое правительство в этом отношении кажется мне еще более глупым и реакционным, чем большинство остальных правительств — за исключением, быть может, фашистских авантюристов, которые сейчас завладели Италией, а что касается русских тюрем, то они всегда были и остаются отвратительными.

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН:

Тот, кто прочитал эти письма и живет при организованном правительстве, не думает, что окружающие его лучше или вообще отличаются от тех, кто живет при режиме террора в России. С ужасом вы будете взирать на эту трагедию террора. Один уби-

вает другого из страха быть убитым в свою очередь. При этом убивают и истязают лучших, наиболее альтруистически настроенных—и так не в одной лишь России—потому что их боятся, как возможную политическую силу.

Все добросовестные люди должны быть обязаны издателю настоящих документов. Их опубликование должно оказать влияние на изменение этого страшного положения. Существующая в России власть должна будет изменить методы своего управления после появления этой книги. Если она претендует сохранить свое положение среди культурных народов.

Она потеряет последние остатки симпатий, которыми пользуется в настоящее время, если не сделает широкого и смелого жеста, освободив заключенных и тем не докажет, что не нуждается ради осуществления своих политических целей в кровавом терроре.

КАРЕЛ ЧАПЕК, чешский романист и драматург:

М. Г. — Я тщательно прочитал документы, которые вы послали мне, а также другие источники, относящиеся к правовым условиям в советской России. Я не могу подвергнуть сомнению эти свидетельства, но не решаюсь судить о вопросах, стоящих вне моей компетенции.

Однако, я могу позволить себе одну просьбу. Обращаясь с этой просьбой, я не совершаю несправедливости ни по отношению к жертвам, ни по отношению к преследователям.

Я отдаю себе отчет в том, что весь свет в большей или меньшей степени виновен в наступлении таких обстоятельств, при которых человеческая жизнь, право и человечность имеют так мало веса для представителей нового русского абсолютизма.

Мы пережили войну, во время которой погибли миллионы неповинных жизней, и десять или сто и даже тысяча новых жертв кажутся лишь лишней каплей крови в том море страданий, через которое мы прошли.

Пора вернуть себе веру в человечество; пора начать рассматривать людей, как человеческие существа, а не как врагов. Страшна не сама смерть; ежедневно тысячи людей умирают от

рака или туберкулеза, не возбуждая в нас сомнений в ценности человеческой жизни. Страшны ненависть и несправедливость.

Вы, организующие и осуществляющие террор против человеческих душ, верите ли вы в душу, в совесть, во все, что есть доброго и прекрасного в роде человеческого? Если вы во все это не верите, то вы не имеете права управлять людьми; если же вы верите в нравственный порядок и несмотря на это, продолжаете действовать теми способами, которые описаны в веских и полных отчаяния показаниях этих замученных людей, тогда горе вам. Ибо вы изменили делу человека в его исторической борьбе против грубого атавизма.

Вы говорите, что мировая буржуазия восстала против вас. Однако, против вас восстала более могущественная сила — мировая совесть. Совесть же есть и становится все более и более важным политическим и международным фактором: вы погубили ваше собственное дело, лишив себя этого союзника.

Я не могу судить, но могу позволить себе одну просьбу. Я прошу пощадить человеческие жизни.

АРТУР ШНИЦЛЕР, Вена, 14 апреля 1925 года:

Дорогой г. Левин, документы из русских тюрем наполнили мое сердце горечью и отвращением, но, к сожалению, я не могу сказать, что они меня удивили. Теперь, когда террор признан одним из законных элементов политики, не только объектами управления, но и самими правителями, нет такой несправедливости, такой подлости и такого варварства, которое не было бы трусливо признано политически необходимыми.

Вы, дорогой г. Левин, хотите воззвать к большевикам, чтобы они с большим вниманием относились к своим политическим противникам и просите меня присоединиться к этому призыву. Самый факт, что такой призыв стал необходимым, дает мало надежд на его действительность. И если тем не менее это случится даже в минимальной степени, не следует воображать, будто наш призыв тронул сердца тюремщиков: для тех, кто занимается политикой, гуманность есть лишь залог в игре, но не моральная необходимость.

Настоящее письмо вы, конечно, можете использовать, по вашему желанию.

Национализация и диктатура

В статье «Ответ А. В. Пешехонову», помещенной в предыдущей книжке «Воли России», выясняя положение госпромышленности и ее влияние на все народное хозяйство России, мы пришли к весьма печальным выводам.

С точки зрения как экономической, так и социальной госпромышленность, хотя и восстановленная почти в довоенных размерах, дает отрицательные результаты и ложится давящей тяжестью на все население страны.

Принцип национализации нам не менее дорог, чем А. В. Пешехонову, однако, мы никак не можем согласиться с ним в том, что, даже в большевистских руках, он блестяще себя оправдал.

В чем же причина этого явления?

Главный и всеопределяющий дефект советского национализированного производства, так сказать, корень зла — заключается в чрезвычайной дороговизне создаваемых им материальных благ. Здесь его слабое, незащищенное место и сюда и направлены преимущественно удары его критиков. Спорить против этого отнюдь не приходится. Мы тут имеем дело с точно установленным фактом, который, в конце концов, не отрицают и сами большевики, а нельзя же быть *plus royaliste, qua le roi lui même*.

Но критики, исповедующие «религию капитала» или принадлежащие к лагерю «неофитов буржуазной идеологии», устанавливая факт, или, вернее, просто ссылаясь на него, совершенно не дают себе труда выяснить, *чем он вызывается?*

Для них как бы само собой разумеется — это одна из тех антибольшевистских аксиом, о которых мы упоминали в предыдущей статье — что раз госпромышленность производит дорого, то вина за это падает на национализацию, при всяком политическом режиме будто бы противоречащей в российских условиях экономической целесообразности. Они поэтому, исходя из все той же аксиомы — не только, ведь, критикуют большевистское государственное хозяйство, но и для будущей демократической России выдвигают программу полной денационализации, долженствующей

расчистить путь, укатанный революцией, для триумфального шествия частного капитала.

Между тем, прежде чем так решительно ставить крест на национализации, следовало бы критически разобрать причины основного дефекта госпромышленности — дороговизны производства — а не оперировать недоказанными истинами. Только тогда можно было бы установить в чем зло — в самом ли «принципе» или в обстоятельствах, к нему отношения не имеющих. Только тогда получилась бы картина, близкая к действительности, и только здесь разгадка всей «загадки». Вне этого, вопрос, приобретший такое огромное во всех смыслах значение, остается по существу совершенно неосвещенным и мы продолжаем блуждать в потемках. И, несмотря, на весь апломб противников национализации их аргументация не имеет под собой твердого фундамента фактов и логики.

Производство материальных благ в госпромышленности отличается необычайной дороговизной. Почему?

Первая, бросающаяся в глаза, причина, которая видна даже слепому — это низкое строение капиталов госпромышленности или, иными словами, чрезвычайно низкая техническая база на которой она держится.

В смысле техники, то есть, машин, материалов и методов производства, ими определяемых, русские промышленные предприятия отстали от века, можно сказать, на целую историческую дистанцию. Уже и довоенная русская промышленность страдала значительной технической отсталостью по сравнению с западом, но тогда все же, хоть и с опозданием, она так или иначе усваивала новейшие открытия и усовершенствования в области производственной техники. С начала войны и по сей день русская промышленность не только не двигалась вперед в этом отношении, но, наоборот, сильно откатилась назад. Война, потребовавшая непомерно напряженной индустриальной продукции в условиях фактической блокады страны, потрепала и распатала ее остов, а военный коммунизм обрек ее на полный паралич и расхищение и чуть было совсем не уничтожил. Теперь если большевики и восстановили ее в той или иной мере, то лишь за счет старого технического капитала, отнюдь не обновленного. Между тем за это же время на западе прогресс техники совершался в гигантских размерах, в то время как в России все усилия были направлены лишь на то, чтобы использовать старые машины и обветшалое оборудование.

Чтобы дать представление о том, насколько русская промышленность отстала от западной, нет необходимости приводить сложные статистические таблицы. Для этого достаточен один факт, о котором сообщил Куйбышев на собрании актива московской организации ВКП.

«Наши ВСНХ органы, работающие за границей, рассказывал он, при заказах на оборудование встречаются с большими затруднениями. Посылаются отсюда крупнейшие специалисты и знатоки своего дела, оказывается они отстали от заграничной техники. Заграничная техника далеко шагнула вперед. Бывает так, что лучшие специалисты не могут составить спецификации заказа или иного оборудования».

Куйбышев поэтому усиленно рекомендовал весьма и весьма учитывать нашу техническую отсталость.

Да, нынешняя советская промышленность колоссально отстала от западной, но она является сильно отсталой технически и по сравнению с той промышленностью, которая существовала в России в частно - капиталистических формах до войны. Ведь не следует забывать, что нормальные экономические отношения между Россией и западом прервались еще в 14 году и что в течение 12 лет в Россию, пережившую войну, революцию, коммунистические эксперименты, блокаду и голод, промышленное оборудование почти не ввозилось. За весь этот долгий период Россия пользовалась лишь теми техническими ресурсами, которые были в наличии еще до войны. Оборудование промышленности за все это время изнашивалось и портилось и то, что осталось от него, и составляет главную техническую базу госпромышленности. Эта база не может поэтому не быть ниже той, которая существовала в довоенный период.

Нет ничего удивительного в том, что при таком убогом уровне техники и производительность не может быть высокой.

Но к этому надо прибавить еще и другой фактор, действующий в том же направлении — крайнюю недостаточность оборотных капиталов в советских индустриальных предприятиях. Тут тоже нет никакой надобности в освещении вопроса специальными цифровыми данными, — речь идет о факте общеизвестном, никем решительно не оспариваемом, — сами большевики достаточно о нем кричат.

Но кому же, хоть мало мальски интересующемуся экономическими вопросами, неизвестно, что недостаточность оборотных капиталов является тяжелыми путями для любой промышленности, что она парализует ее движение и неизменно приводит в первую голову к росту издержек производства, а тем самым к росту себестоимости.

Крайне низкий технический уровень, крайне незначительные оборотные средства, вот две причины, могущие объяснить не только то, что производство, например, тракторов в России обходится в 5 - 6 раз дороже, чем за границей, но и нынешнее ненормальное соотношение промышленных и сельско - хозяйственных цен. По сравнению с 1913 г. цены на фабричные изделия

стали теперь приблизительно на 50% выше цен на продукты земледелия. Но в 1913 г. русская промышленность обладала гораздо большим основным капиталом и гораздо более значительными оборотными средствами. Она могла поэтому лучше и быстрее работать и давать более дешевую продукцию. Внутренний мотор ее, приводивший ее в движение и определявший ритм последнего, был на много мощнее теперешнего. В какой бы форме ни была восстановлена русская промышленность, даже при неограниченном господстве частной инициативы, указанные условия, если бы их не удалась устранить, все равно определяли бы ее убыточность.

Но и это еще не все. Техническая отсталость и недостаток оборотных средств сами по себе.

Помимо их госпромышленность раз'едается еще язвой чудовищных накладных расходов, нигде ни в какой иной промышленности неслыханных. Об этом мы опять узнаем от самих большевиков, об этом буквально вопиют ответственные руководители советского государственного хозяйства. Чудовищные размеры накладных расходов являются одной из важнейших причин, обуславливающих дороговизну изделий госпромышленности. Если в прошлом году все усилия большевиков, направленные на снижение себестоимости дали обратные результаты, то, главным образом, по причине роста этих поистине роковых расходов.

«Себестоимость, говорит Куйбышев, во многих случаях росла благодаря чрезмерному неестественному росту накладных расходов». По словам Куйбышева, зло это настолько глубоко и распространено, что достаточно немного покопаться в любом тресте, чтобы найти громадные суммы, которые легко могут быть сэкономлены. А что же говорить о суммах, которые могут быть сэкономлены при известных усилиях?

Все попытки промышленного накопления большевиков при данном уровне производства в конечном счете встречают сильнейшее препятствие в неестественно громадных накладных расходах, которыми проедается то, что удается накопить путем повышения производительности труда, улучшения технических условий работы и т. д. Большевицкая экономическая литература изобилует детальными данными по этому большому вопросу советского госхозяйства.

Но есть ли надобность в их цитировании? Наличие указанного зла никем ведь тоже не оспаривается, точно также как и признается всеми громадность его размеров.

Итак, резюмируя кратко, можно сказать, что существеннейшими отличительными чертами госпромышленности являются, с одной стороны, крайняя недостаточность его основного и оборотного капитала— с другой же, неестественно высокие накладные

расходы. Сочетание этих двух факторов определяет в конечном счете коренной ее дефект — чрезмерную дороговизну создаваемых ею материальных благ.

Какое отношение имеют указанные выше причины убыточности госпромышленности для страны к национализации? В какой мере их можно приписать ей?

Начнем с капиталов. Можно ли утверждать, что низкий технический уровень промышленности и недостаточность ее оборотных средств обусловлены тем, что она существует в национализованной форме? Мы думаем, что такое утверждение было бы неверно.

Капитал русской промышленности фактически уменьшился еще во время войны, — военный коммунизм разгромил и пустил по ветру огромную часть его. Но военный коммунизм с национализацией, как таковой, ничего не имеет общего по существу и приписывать ей губительные последствия ленинских экспериментов «якобинизма на границе Европы и Азии» (так характеризовал в 1917 году Ленин большевизм) отнюдь не приходится.

Оппоненты А. В. Пешехонова, отвечая на его статьи, совершенно напрасно пытались перенести спор на военный коммунизм, в то время как речь идет совершенно об ином.

Но так или иначе, когда начался нэп и большевики, отказавшись от своей первоначальной дикой утопии, приступили к восстановлению разгромленной их предыдущими опытами промышленности, переведя ее на хозяйственный расчет, пришлось, как правильно указывает А. В. Пешехонов, начинать почти с ничего. Как же поступила большевистская власть? Она возложила целиком на лишенное ресурсов государство разоренной страны, не имевшее шансов располагать в близком будущем большими свободными капиталами, всю тяжесть задачи восстановления и содержания промышленности. Эта задача государству была и остается не по силам. Для ее правильного разрешения в соответствии с интересами народного хозяйства требуются такие громадные суммы, которые превышают его возможности.

Если и сейчас технический базис госпромышленности чрезвычайно низок, а оборотные средства ее незначительны, то это обусловлено тем, что советское государство не обладает достаточными ресурсами, чтобы поднять в этом отношении промышленное производство хотя бы до уровня довоенного времени.

Главная причина убыточности госпромышленности заключается именно в том, что большевики дали универсальное применение принципу национализации, распространив его сразу на всю индустрию, за исключением кустарей, не будучи в состоянии финансировать в нужной мере из государственных средств такую грандиозную «реформу».

Но сам по себе принцип национализации отнюдь не предопределяет такой универсальности. Можно было бы, вовсе не нарушая его, свободно ограничиться национализированием важнейших крупных и наиболее сконцентрированных отраслей производства, иными словами, соразмерить охват национализации с силами государства. Возможность влияния государственной власти на хозяйственную жизнь тем самым была бы достаточно обеспечена и «мост к социализму», о котором говорит А. В. Пешехонов получился бы, пожалуй, гораздо более прочный, чем теперь. Во всяком случае не пришлось бы ухлопывать народные средства на содержание—исключительно ради догмы—целого ряда определенно убыточных предприятий. Вместе с тем, национализированные отрасли промышленности, более обильно снабженные капиталами, могли бы добиться лучших, чем теперь успехов в смысле повышения своей производительности. Если большевики поступили наоборот, то не потому, что этого требовал принцип национализации, а потому, что это определялось их программой нэпа, продиктованного своеобразными соображениями большевистской идеологии. И еще по той причине, что во имя сохранения своей диктатуры они считают нужным сохранить за советским государством все «командные высоты» экономики. Однако, идеология большевизма и большевистская диктатура сама по себе, а национализация сама по себе. И сваливать на последнюю вину за них тоже было бы прегрешением против объективной истины.

Большевики свою универсальной национализацией взвалили на плечи государства непосильную для него задачу и тем самым одновременно ограничили те источники, которые могли бы питать восстанавливаемую русскую промышленность. Но этого мало. Всей своей внутренней и внешней политикой они лишили то же государство, на которое ими возложены такие «бремена тяжелые», всякой возможности получать финансовые ресурсы извне, пользоваться помощью мирового кредита. Они поставили в этом отношении Россию в совершенно исключительное тяжкое положение.

Ни одна из стран, пострадавших от войны, не восстановила своего хозяйства, не наладила сколько нибудь нормальной экономической жизни без поддержки иностранного капитала. Одна Россия, которой военная гроза причинила больше всего бедствий, которая прошла через невообразимые муки и несколько лет подряд охвачена была пламенем революции и гражданской войны, должна осуществить какой-то совершенно невиданный подвиг — восстанавливаться собственными силами.

И здесь опять таки национализация абсолютно не причем. Внешние займы можно получать и при наличии национализированной промышленности и даже именно для этой промышленно-

сти. Предлагали их ведь несколько раз большевикам, на известных только условиях. Но ни в Генуе, ни в Гааге, ни в переговорах по этому вопросу с отдельными государствами не требовали от большевистского правительства предварительной отмены национализации. От него требовали только принципиального признания внешних долгов России (на фактическое большевики всегда соглашались) и вознаграждения иностранным подданным, имущество которых подверглось в России конфискации. И если Москва до сих пор эти требования отвергает, то опять таки по соображениям к национализации и к принципу ее никакого отношения не имеющим. Известно также, что одно время в западном капиталистическом мире обнаруживалась сильная тяга к получению концессий в России, несмотря на наличие национализированной промышленности. И если эта тяга прекратилась, то в силу причин иного порядка, — не советская национализация, а советский режим отпугнул капиталистов запада.

Правда, А. В. Пешехонов полагает, что вообще расчеты на иностранное золото надо бросить. По его мнению, при нынешнем международном экономическом и финансовом положении Европы вряд ли можно было бы достать капиталы за границей — каков бы ни был режим в России — в виду их будто бы ограниченности, с одной стороны, и наличия многочисленных, представляющих больше, чем Россия, гарантий, претендентов.

А. В. Пешехонов ссылается на пример Германии, которой, несмотря на капиталистический строй и парламентаризм, с большим трудом и лишь после принятия ею плана Дауса удалось получить более или менее значительный внешний заем. А. В. Пешехонов здесь глубоко ошибается.

Он упускает из виду, что, например, Соединенные Штаты Америки, как раз в непосредственный после войны период, ссудили своим европейским союзникам огромные капиталы на нужды восстановления, — благодаря этому отчасти они и сумели быстро стать на ноги. Те американские круги, которые с особенной непримиримостью высказываются против применения союзной солидарности в вопросе о долгах, аргументируют именно тем, что суммы, из которых составились эти долги, вовсе не были потрачены на ведение войны, ибо союзники большую часть их получили уже после ее окончания.

В послевоенный период к великим европейским державам притекло еще не мало капиталов по каналу внешних займов, — об этом свидетельствует уже сам по себе рост их внешнего долга за этот период. Средние и малые державы тоже усиленно черпали из этого источника, заключая займы непосредственно в Америке или у своих крупных европейских союзников. Польша, Чехословакия, Югославия, Румыния занимали в довольно больших размерах за границей. Помимо государственных займов про-

мышленность и торговля европейских стран пользовались и продолжают пользоваться большими денежными кредитами — через посредство американских банков — и товарными кредитами за океаном. Те же американские банки финансируют ряд европейских промышленных предприятий, выпуская их акции в Америке. Даже Германия — еще задолго до плана Дауса — пользовалась такими кредитами, иначе ей сейчас же после войны пришлось бы совсем худо.

Наконец, кто же не знает, что за последнее десятилетие американские, а отчасти и английские капиталы текли довольно широкой струей в центральную и восточную Европу, финансируя новые крупные предприятия, эксплуатацию природных богатств и т. д.

Если Германия не могла получить большого международного займа до плана Дауса, то вовсе не потому, чтобы на мировом денежном рынке не было свободных капиталов. Тут была причина политическая — неразрешенность репарационного вопроса, — оставлявшая бывшую империю Гогенцоллернов под дамокловым мечом союзных оккупаций, репрессий и экономических катастроф. Как только репарационный вопрос был разрешен мирным соглашением, Германия получила заем. И если условия этого займа оказались — в смысле гарантий — весьма тяжкими, то, главным образом, ввиду того, что заем этот согласно плану Дауса связан с выплатой репарационной суммы.

И если бы нужны были еще какие нибудь доказательства, то достаточно было бы напомнить хотя бы тот факт, что в свое время рабочее правительство Англии гарантировало большевикам заем в 40 миллионов английских фунтов. Правда, этот акт Макдональда и послужил главной причиной его падения. Большевики английского золота так таки и не получили. Но что же, разве лондонское Сити не в состоянии было собрать для них сорок миллионов? Такая операция вполне была ему по силам. Оно только не хотело давать большевикам деньги на тех условиях, которые под давлением левого крыла своей партии согласился принять Макдональд. Известная деятельность Коминтерна тут, конечно, тоже сыграла немаловажную роль. Но во всяком случае о национализации вопрос ни разу не подымался. Не она, а политика большевиков препятствует заключению русских займов за границей и притоку иностранных капиталов в ипий форме. Именно она лишает русскую промышленность — каковы бы ни были ее формы — того «элексира», который мог бы оживить ее, возбудить ее жизнедеятельность. И эта политика является одною из косвенных причин убыточности госпромышленности, которая вместо того, чтобы мощно содействовать хозяйственному прогрессу страны, лишь высасывает из нее ее жизненные соки.

Та же большевистская политика еще в ином отношении гу-

бительно на ней отражается. Большевики обрекли промышленность на питание только внутренними ресурсами. Но вместе с тем они препятствуют созданию в стране такой массы богатств, которая соответствовала бы ее потенциальным возможностям. Во имя своей нелепой индустриализации они в действительности иссушают тот единственный источник, из которого могла бы черпать индустрия.

Своею политикой использования всех импортных возможностей только для промышленности большевики фактически никакой индустриализации не осуществляют. Этим жестоким для всех остальных отраслей народного хозяйства методом им удалось лишь вчерне восстановить промышленность в размерах, более или менее приближающихся к довоенным. Но даже такое восстановление куплено ценой беспощадного подавления жизненных потребностей земледельца, осужденного на прозябание в то время, когда перед нами имеются грандиозные перспективы роста. Если бы русское земледелие не было отгорожено высокой стеной Внешторга от мировой экономической стихии, если бы оно могло въ обмен за свои продукты и в форме товарных кредитов получать из заграницы нужные ему орудия и изделия, то создание материальных ресурсов в нем огромно бы увеличилось и оно в состоянии было бы давать промышленности, и с меньшими для себя жертвами, гораздо больше того, что из него «изымают» теперь.

Почему же опять таки большевики поступают наоборот? — Почему вместо того, чтобы строить индустрию на основе быстро растущего земледелия, они добиваются наперекор логике российских условий, чтобы темп промышленного развития в стране, где на земледелии держится вся экономика и где промышленность зависит от внутреннего рынка, опережал темп развития сельского хозяйства? Требуют ли этого интересы национализации? Конечно, ни в каком случае. Для национализированной промышленности важно раньше всего, чтобы в нее притекало побольше капиталов и чтобы расширялся ее внутренний рынок, — а большевистская индустриализация на деле идет в разрез с тем и другим.

Но этого требуют интересы диктатуры, в первую голову против крестьянства направленной, и которой черезчур быстрое экономическое усиление деревни несет смертельную опасность. Для национализации вовсе не страшна нынешняя «диспропорция» между промышленностью и сельским хозяйством, но большевики то убеждены, что лишь преодолев ее, они сохраняют свое властвование. Здесь мы имеем дело с соображениями, абсолютно чуждыми экономике, а продиктованными чистой политикой. Именно во имя своих политических целей большевики стремятся к такой «индустриализации», при которой устранилась бы воз-

возможность соответственного роста и сельского хозяйства, а вес и значение последнего в общей экономике страны *попирались бы*.

Но при такой политике и при отсутствии притока золота извне не могут расти и капиталы промышленности в такой мере, чтобы обеспечить ее нормальное функционирование. Вины национализации тут никакой нет.

Так обстоит дело с капиталом.

Не лучше и с накладными расходами.

Неестественный рост накладных расходов госпромышленности есть прямой результат того чудовищного бюрократизма, который буквально раз'едает ее живые ткани. Куйбышев, — а ему ведь и книги в руки — объясняет его откровенно «разбуханием аппаратов, неумением хозяйствовать, неумением торговать». Сам глава совнаркома Рыков дает более подробную, но еще более мрачную характеристику бюрократического извращения советского хозяйственного аппарата.

«Отличительной чертой всего того организационного уклада, который сложился за истекшие годы (в промышленности), говорит он, является, во - первых, то, что он не имел своей непосредственной задачей индустриализацию страны, и, во - вторых, (*мы все это призывали и признаем*) заражен болезнью бюрократизма. Эта болезнь становится еще более опасной в тот период, когда в гораздо более сложной обстановке мы должны будем затрачивать огромные средства на индустриализацию страны».

Оказывается, по словам Рыкова, что даже управленческий аппарат организован так замечательно, что неизвестно точно, «кто за что отвечает, какая инстанция окончательно решает, какие плановые вопросы и в каком порядке должны прорабатываться». Ну, а что же говорить уже о низовых аппаратах госпромышленности. Прибавьте к этому режим бесправия, всевластие ГПУ, вмешивающееся в работу промышленности, контролирующее спецов, их распоряжения и т. д. Картина получится полная.

Рыков, описывая в своей речи систему бюрократизма и полицейского засилия, царящих в госпромышленности, задал с'езду следующий риторический вопрос: «Можно ли при такой системе быть уверенным, что 1.050 миллионов будут целесообразно истрачены на расширение основного капитала? *По моему нельзя*».

Чубарь (с места): «Миллиард на ревизию, а пятьдесят миллионов на строительство».

Этот вопрос и этот ответ двух «вождей республики» сами по себе могут быть достаточными для того, чтобы дать представление о бюрократической болезни — этой отличительной черте организационного уклада, о которой говорил глава съезного совнаркома.

Уже упомянутый Чубарь (представитель Украины) дал ряд других штрихов, дополняющих картину. От него мы узнаем, что «громоздкий аппарат» советского хозяйства тормозит решение вопросов, обезличивает местные организации, снимает с них ответственность, порождает *потребительско - заявочную психологию*, «когда вырабатываются кадры толкачей и устанавливаются самые недопустимые приемы»...

А. В. Пешехонов говорит о том, что национализированная промышленность требует от ее руководителей и участников особой соответствующей психологии, которая вырабатывается лишь постепенно. Судя по заявлениям самих большевиков и, главное, по результатам, трудно согласиться с тем, что в этом отношении достигнуты сколько нибудь серьезные успехи. И как могло бы быть иначе при том общем режиме произвола и безответственности и принудительного «безмолвия» народа, который существует в СССР. Бюрократизм — неизбежный спутник всякой диктатуры, а тем более такой, как большевистская. Она сама его порождает и служит его рассадником, пропитывая им сверху до низу все аппараты управления, как политического, так и хозяйственного.

Национализированная промышленность, где стимул личного интереса не оказывает своего влияния, конечно, представляет почву, на которой очень быстро могут возрасти махровые цветы «бюрократических извращений». В эту точку, ведь, бьют постоянно ее противники. Противоядием против этого является лишь общественный контроль, широкая гласность, наличие независимых профессиональных и экономических организаций, строй свободы и права. Только при таких условиях и мыслимо создание психологической атмосферы соответствующей и духу и задачам национализации. При режиме диктатуры, плодящей бюрократизм по всей стране, последний роковым образом должен свить себе особенно прочное гнездо — в силу характера его — в государственном хозяйстве.

Национализация и диктатура в сущности вещи трудно совместимые. Национализация является ведь в действительности детищем демократии, которую диктатура отрицает. Она — продолжение в области социально - экономической основной демократической идеи. Природа ее не терпит бесправия, которое для нее смертельно. Это нежное растение, оно может зеленеть и наливаться соками лишь под солнцем свободы. Как же может национализация обнаружить свои положительные стороны в условиях большевистского абсолютизма? И как, с другой стороны, такой абсолютизм может не влиять на нее в смысле искажения и извращения?

Что бюрократизм в госпромышленности порожден, главным образом, системой диктатуры и бесправия, ясно для всякого,

кто следил за процессом ее возникновения. Рыков, например, видит источник бюрократической заразы в том, что «наша система управления хозяйством» возникла в период гражданской войны и растущего разрушения. С течением времени эта система была в значительной степени усовершенствована, но «она и в настоящее время покоится на такой централизации, которая исходит из недоверия к каждому ниже стоящему звену». Ну, а что касается других ораторов, говоривших о том же на XV съезде, то ими указывалось на то, что «протекционизм и кумовство представляют собой часть общей тлетворной язвы бюрократизма, разлагающего весь наш аппарат», и приводились для иллюстрации красноречивые примеры.

Протекционизм и кумовство, принимающие такие страшные размеры, возможны, конечно, лишь при монопольном властвовании «единственной партии».

Если подвести под всем сказанным черту, то заключение будет простое. Главные дефекты госпромышленности обусловлены в конечном счете общей и экономической политикой большевиков, определяемой не интересами страны и народного хозяйства, а исключительно интересами диктатуры и большевизма, а также и в не меньшей мере всем строем бесправия, царящим в России. Не в принципе национализации тут дело, а в «принципе» большевистского абсолютизма, который губительно влияет на первый и парализует его творческое начало.

Сторонники реставрации в России частного капитализма ссылаются на то, что восстановление промышленности в национализированной форме потребовало от государства затраты громадных капиталов и теперь еще поглощает большие народные средства. Частный же капитализм, по их мнению, не только осуществил бы эту задачу без тяжелых жертв для страны, но вместе с тем повел бы ее на путь быстрого обогащения.

Подтверждается ли, однако, такой оптимизм опытом недавнего периода капиталистического развития России?

В России капитализм возник, складывался и развивался почти на наших глазах, — от его настоящего рождения до гибели прошло ведь всего около полувека. Но особенную веру в чудодейственность частного предпринимательства его краткая история вызвать не могла. Давно ли чумазый пронеслся, как степной пожар по русской земле, грабя и хищничая без меры и ничего почти не создавая? Давно ли русская интеллигенция устами Салтыкова — Щедрина возвещала его появление знаменитыми словами: «придет чумазый, придет с ног до головы наглый, с цепкими руками, с несытой утробой, придет и слопают».

Здесь не место — и нет в этом необходимости — излагать историю русского капитализма, достаточно лишь напомнить ее

две главные фазы. Сначала безудержный разгул Колупаевых и Разуваевых, расхищавших народные богатства, но настоящего капиталистического хозяйства организовать не сумевших. Затем, ввиду этой их неспособности, выступление на сцену самодержавия для искусственного насаждения капитализма при помощи методов, которые большевики у него в значительной мере скопировали и которые почему-то людьми с короткой памятью приписываются теперь национализации, как таковой. В чем заключались тогда эти методы? В том же приблизительно, что и ныне: затраты государством колоссальных сумм на промышленное строительство (в 90 годах только самодержавие затратило на эту цель более 2 миллиардов рублей, собранных путем налогов и внешних займов); жирные субсидии; весьма убыточные для страны, но выгодные для промышленников громадные государственные заказы *); долгосрочные и дешевые ссуды; охранительные пошлины. К этому, как одну из главных покровительственных мер, надо прибавить то, о чем упоминает А. В. Пешехонов, и что почему-то скандализировало некоторых республиканско-демократических экономистов — подавление нагайками рабочего движения для обеспечения низкого уровня заработной платы.

В работе С. Зака «Промышленный капитализм в России», вышедшей еще в 1908 году, мы находим, например, такую правильную характеристику этого капитализма: «Обильно снабженный денежными ресурсами, которыми правительство осыпало его с небывалой щедростью, *защищаемый и покровительствуемый правительством в деле овладения внутренним рынком*, искусственно расширявшийся тем же правительством, поставленный в наивыгоднейшее положение по отношению к рабочему вопросу — таковы те условия, в которых развивался в России промышленный капитализм».

Выходит, как будто, что создание промышленности в России на основе хваленого, магических свойствами обладающего, частного капитализма совершалось приблизительно тем же путем, что и создание госпромышленности большевиками. Те же методы, те же средства, с той только разницей, что финансовых ресурсов у самодержавия было больше, чем у коммунистов, и что страна не была разрушена. И ни в чем тут магические свойства экономического индивидуализма не проявились и не избавили страну от тягчайших жертв.

Хотя и обильно снабжаемый денежными ресурсами заботливым самодержавием, русский капитализм до конца дней своих так и не превратился в совершенно самостоятельную, независя-

*) Металлургическая промышленность, например, разрослась исключительно благодаря государственным заказам.

щую от правительства силу — он мог существовать лишь под его крылом, следовательно за счет страны. Выросший не снизу, а искусственно насаждаемый сверху, не сумевший стать организующим центром всего народного хозяйства и действительно поднять на более высокую ступень производительные силы страны в целом — ведь земледелие, позвоночный столб российской экономики, продолжало оставаться на низком техническом уровне — он, в конце концов, ложится тяжестью на трудовые массы. Именно эти особенности его и приводили к тому, что темные, хищнические, разрушительные тенденции преобладали в нем, как указано в программе партии социалистов - революционеров, над творческими, исторически - прогрессивными. Это обстоятельство служило исходной точкой для народнического, эсэровского течения в определении самого характера русской революции. И тот факт, что масса русской интеллигенции шла как раз за эс - эрами, отрицавшими прогрессивную роль капитализма в России и противопоставлявшими ему способность к самостоятельному хозяйственному творчеству «русских трудовых масс, как пролетаризованных, так и не пролетаризованных», является ярким доказательством того, что вера нынешних неофитов буржуазной идеологии была чужда этой интеллигенции. Иначе оно и быть не могло. Ведь действительность была на лицо и она говорила уму красноречивее всяких доктринерских утверждений, хотя бы и оснащенных арсеналом псевдо - научных доводов.

В нормальных условиях, при наличии у государств больших денежных ресурсов, при устойчивом состоянии мирового хозяйства в русском капитализме, несмотря на очень дорогую цену, в которую он обошелся стране, хищнические - разрушительные тенденции все же преобладали над творческими исторически - прогрессивными. Какие же «тенденции» проявил бы он в России, хозяйственно разрушенной войной и коммунизмом, среди Европы, потерявшей свое бывшее экономическое равновесие? Судить не трудно.

Создание промышленности в России при самодержавном режиме совершалось при сильном содействии государства капиталами и «покровительством». Иначе оно и быть не могло, ибо при экономической структуре России и ее исторических особенностях частный капитализм не мог развить в самом себе достаточные для этого творческие силы.

Само собой разумеется, что и восстановление русской промышленности, после коммунистических опытов, еще менее — в виду тех же причин — возможно было бы осуществить иным путем.

В какой бы форме она ни восстанавливалась, государство все равно должно было бы давать ей капиталы и поддержку, а население приносить жертвы. А раз так, раз государство должно

было играть такую роль в ее восстановлении и тратить на это народные средства, то почему же надо было бы отдать предпочтение частному капитализму и делать ему такие подарки? Когда самодержавие так поступало, то это было понятно. Но у последовательных демократов и социалистов предполагается иной подход к вопросу. Больше того, раз национализированная промышленность, обогатившая Россию в такую страшно дорогую цену, уже существует, то где же основания, которые диктовали бы необходимость ее полной денационализации. Мы думаем, что жертвы, которые были принесены для ее создания, огромно превысили достигнутые результаты. Мы радикально отвергаем те методы, при помощи которых большевики ее строили. Но она так яли иначе теперь на лицо. И для всякого, кому дорог принцип национализации, речь может идти не просто об ее упразднении росчерком пера, а об отсечении того, что ее уродует и мертвит, о создании условий, которые открыли бы перед ней перспективы развития в соответствии с интересами народного хозяйства.

Россия как никак совершила великую революцию — это часто, к сожалению, забывают неопиты — революцию, которая в области земельной привела к уничтожению нетрудового землевладения и к огосударствлению земли. Отсюда само собой вытекает объективная необходимость осуществления и в области индустрии — в пределах возможного — той трудовой идеи, которой запечатлена глубоко русская революция. Иначе получилось бы, что город, шедший в авангарде революционной армии, в смысле социальных достижений, оказался бы далеко позади деревни, которую он увлекал в бой. Исторически и логически здесь создалось бы через чур кричащее противоречие. Социализация земли в деревне и неограниченно господствующий частный капитал в городе — «две вещи несовместимые».

Денационализаторы, воспевающие частный капитал, хотят упразднения вместе с большевистской диктатурой и национализации промышленности. Для них одно связано с другим и оба акта должны, так сказать, совпасть во времени. Это, по существу, большевизм навыворот, такой же разрушительный по своим последствиям. Если бы их «программа» когданибудь осуществилась, то Россия, по всей вероятности, снова пережила бы экономическую катастрофу, как после ленинского радикального уничтожения одним махом частно-капиталистической системы.

Как ни относиться к советскому государственному хозяйству, оно все же представляет собою уже сформировавшийся организм, складывавшийся в течении ряда лет, занимающий крупнейшее место в экономике страны, которую он так или иначе с собой связал, и *заменивший прежние хозяйственные формы, которых сейчас уже нет.*

Его немедленное и полное упразднение неизбежно вызвало

бы сильнейшие пертурбации и может быть и парализование общественной механики, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если ленинские опыты сбросили Россию в яму глубочайшей разрухи, то это произошло не только вследствие их противоречия реальным условиям жизни. Причина тому раньше всего была в том, что Ленин сразу разрушил наличный экономический строй вместо того, чтобы воздвигать мост между старым и новым. Непрерывность основных хозяйственных функций, обеспечивающих жизнь общества, оказалась, таким образом, нарушенной, образовалась пропасть, которую нельзя было засыпать бумажными декретами, наступил паралич производства.

Программа денационализации на тормозах, но ставящая себе конечной целью полную реставрацию капиталистического строя, тоже не может быть, на наш взгляд, программой русского социализма. Партия социалистов - революционеров еще в 17-ом году высказывалась за национализацию некоторых крупных отраслей промышленности, исходя из соображений экономической целесообразности и непосредственных интересов населения. И то обстоятельство, что большевики, обманув других и самих себя миражом «локомотива, несущегося на всех парах к социализму», национализировали все сплошь, без разбора, ничего в этом отношении не меняет.

Мы знаем, что и на западе социалистические партии передовых стран выдвигают в своих программах национализаторские меры, и если им до сих пор ничего не удалось осуществить из этих мер, то только потому, что соотношение политических сил не позволяет им взять в свои руки дело общественного переустройства.

«Экономисты гермафродиты», по выражению А. В. Пешехона, критикующие советскую экономику одновременно с точки зрения капитализма и с точки зрения социализма, обычно аргументируют против национализации... Марксом. Согласно марксизму, утверждают они, переход к высшим социальным формам может совершиться лишь в результате бурного роста производительных сил, между тем сейчас, после войны, человечество находится в полосе экономического кризиса. Но это, конечно, чистейший софизм. После Маркса много воды утекло, хозяйственная деятельность наполнилась новым содержанием и изменила свои формы.

Национализаторские меры отстаиваются сейчас социалистами, как единственное действительное средство, способное вывести экономику передовых стран из тупика кризисов и противоречий, которые расшатывают ее жизненную основу. И не только социалистами. Разве не глубоко знаменательно, что, например, в Англии королевские комиссии, дважды обследовавшие в тече-

нии пяти лет угольную промышленность, дважды высказались за те или иные формы ее национализации, как лекарство от подтачивающей ее хронической болезни.

Что касается России, то аргумент об ее экономической отсталости тоже бьет мимо цели. Дело не в отсталости, а в том, чтобы было, что национализировать. Когда говорят об отсталости, то подразумевается под этим лишь отсутствие такой промышленности, на которую могла бы распространиться национализация.

Но Россия, столь богатая внутренними парадоксами, является и здесь на первый взгляд парадоксальное зрелище — при весьма низком общем хозяйственном уровне — наличие ряда крупных и сильно сконцентрированных промышленных отраслей, которые по своим размерам, характеру и внутренней структуре обладают основными данными, необходимыми для распространения на них, без насилия над экономическими законами, национализаторских мер.

Подход социалистов к этому вопросу не может быть, конечно, таким, как у идеологов капитализма, — шатания мысли здесь вызваны проникновением буржуазной идеологии в социалистические ряды в результате умственной смуты, порожденной переживаемой эпохой. Социалисты, поскольку они получают достаточное влияние на ход законодательства, не могут исходить из преимуществ экономического индивидуализма над огосударствленными формами хозяйства — или они перестают быть социалистами — сохранив лишь этикетку на бутылке и вылив ее содержание. Для них национализация, даже не осуществляющая еще обобществления производства — высшей, конечной цели — чрезвычайно ценна в силу ряда весьма существенных моментов ее. Она позволяет положить начало зачаткам плана в народном хозяйстве и подготовить его постепенное развитие; благодаря ей доходы от отраслей промышленности, на которые она распространяется, вместо того, чтобы отчуждаться в пользу частных владельцев, поступают в кассу государства; ею в условиях народо-властия создается возможность влиять на экономику во имя интересов трудовых масс и парализовать хищнические тенденции «частников»; вместе с тем ослабляется также сила давления эксплуататорских классов на жизнь страны и направление ее политики. Всеми этими своими сторонами национализация даже в первичной форме своей может служить все расширяющимся — по мере ее собственного расширения — мостом в будущее, мостом для перехода к более совершенной организации общества — к социализму. Для социалистов, приходящих к власти или завоевывающих решающее влияние на законодательство, тут может быть, помимо учета морального фактора — уровень сознательности рабочих масс — только один ограничительный принцип: материальные возможности государства,

или, если можно так выразиться, размеры его подъемной силы. Национализация, чтобы не выродиться во вредный для всего общественного организма эксперимент, должна по охвату своему быть соразмерной государственным ресурсам и трезво учитываемым потенциальным возможностям в этом смысле, но не более того. Иначе она рискует лечь давящей тяжестью на бюджет страны, на ее хозяйство и закрыть перед огосударствленными отраслями всякий путь развития.

Если подойти с этой реальной, определяемой условиями действительности, меркой к нынешнему государственному хозяйству в СССР, то не представляет сомнений, что значительную, вероятно большую часть его, охватывающую помимо транспорта, так называемые, ключевые и наиболее сконцентрированные области производства, можно было бы, не погрешая против требований экономической целесообразности, оставить под режимом национализации. Причем, само собой разумеется, денационализация должна была бы коснуться именно тех отраслей промышленности и торговли, которые отличаются неисправимой дефицитностью, давая тем самым косвенное свидетельство о том, что они еще не созрели для огосударствления. Такой мерой национализированному хозяйству не только не было бы нанесено никакого удара, но наоборот был бы подведен под него гораздо более крепкий фундамент. Его размеры уменьшились бы, но за то усилилась бы его жизнеспособность и увеличились бы шансы на его здоровое развитие и неизбежное расширение в будущем. И благодаря всему этому ее направляющее влияние на всю экономику страны в конечном счете возросло бы. Что же касается денационализированных в виду их незрелости отраслей и предприятий, то поставленные в иные условия, более соответствующие их потребностям и достигнутому ими уровню, они бы легко оздоровились и гораздо скорее созревали бы для включения их в нужный момент в сферу государственного хозяйства.

Вот почему, наряду с сохранением в руках государства важнейших стратегических позиций национальной промышленности, интересы хозяйственного прогресса России требуют также наряду с этим раскрепощения частной инициативы. Поскольку государство, опираясь на свои собственные ресурсы, не в состоянии обеспечить нормального роста всем национализированным отраслям, поскольку у него не хватает для этого сил, оно должно ограничить охват своего хозяйствования и открыть сюда доступ другим элементам. При указанных условиях раскрепощение частной инициативы ни с какой точки зрения не опасно. При наличии социализации земли, сохранения в крупных размерах государственного хозяйства, дающего возможность воздействовать на хозяйственную жизнь и направлять ее, при наличии мощной кооперации, при наличии власти, стоящей на

страже интересов трудового населения, частная инициатива может оказаться плодотворной и принести большую пользу делу экономического восстановления страны.

К. Каутский в своей «программе пролетарской революции», набрасывая план социализаторских мероприятий социализма, когда он придет к власти, оставляет даже в первичном социалистическом обществе значительное место частной инициативе. Его рассуждения по этому поводу чрезвычайно интересны и ценны.

«Социализация, говорит он, должна начаться с тех отраслей, которые в такой мере превратились в частную монополию, что стали полными хозяевами рынка. Чем больше таких отраслей, как, например, уголь, железо, железные дороги, будет национализировано и, следовательно, спаяно хозяйственным единством — разумеется, с широким самоуправлением отдельных частей — тем больше будет их господствующее влияние на рынок, их определяющее воздействие на производство других отраслей, их содействие упрочению нормального хода хозяйственной жизни... В конце концов, социализация станет возможной и в таких отраслях, которые ныне кажутся для нее совершенно недоступными. Но она станет возможной в них лишь после того, как *долгий процесс развития создаст необходимые для этого условия.*

Начать этот процесс с нужного конца есть первейшая практическая задача социалистических партий, ставших у власти. Было бы роковой ошибкой, если бы они вздумали начать социализацию со всех концов и во всех углах народного хозяйства одновременно».

Каутский говорит уже о полном осуществлении социализма и имеет в виду такие высоко развитые страны, как Англия и Германия — и тем не менее по вполне реальным основаниям не выкидывает сразу частную инициативу из хозяйственной жизни, даже из промышленности. Как же можно отрицать, что подавление ее в России, которой еще далеко до социализма и в смысле высоты развития и до «Англии и Германии», не задерживает творческого роста российской экономики.

Ограничение области хозяйствования государства вовсе не означает, конечно, что вся та часть поля деятельности, которая была им очищена полностью и целиком захватывается частной инициативой. Помимо государственного имеются ведь еще и другие коллективные формы хозяйства, как кооперативные и муниципальные. Кооперативы и муниципалитеты тоже могут взять на свои плечи часть тяжести, которую сбросит с себя государство, и соревновать с частной инициативой. Но для этого, само собой разумеется, необходима по отношению к ним не нынешняя политика власти, лишившая их всякой самостоятельно-

сти, заразившая их тяжелой болезнью разлагающего бюрократизма. Необходимо поощрение и поддержка, не подавляющая, как теперь, их живую внутреннюю силу, а наоборот способствующие ее росту. Для этого нужны и иные политические условия.

Разумное ограничение размеров государственного хозяйства, раскрепощение общественных экономических организаций и частной инициативы само по себе, конечно, еще недостаточно, чтобы Россия могла окончательно выбраться из той тяжелой разрухи, из которой она невероятными усилиями выкарабкалась лишь наполовину. Нужно, чтобы страна могла свободно создавать богатства и направлять его по тем руслам, которые определяются жизненными потребностями ее хозяйства. Без отказа от бессмысленной самоблокады земледелия ничего в этом отношении не будет достигнуто. Без форсирования сельско - хозяйственного вывоза на почве быстрого восстановления земледельческого производства, поощряемого всеми мерами, страна не залечит своих ран, которые пока только еще затянулись, и у национализированной промышленности, даже ограниченной в размерах, не будет будущего.

Для тех, кому действительно дорог принцип национализации, надо начать именно с этого. Тем самым было бы смягчено и созданное большевиками противоречие интересов между деревней и городом, угрожающее социальному прогрессу в целом, а не только отдельным его формам.

Отказ от самоблокады земледелия есть одно из основных условий, могущих наряду с быстрым восстановлением хозяйства обеспечить этот прогресс; вторым таким условием является привлечение в страну ресурсов извне, чтобы оживить одновременно и промышленность и земледелие — эти два, по существу, сообщающихся сосуда.

Тут сразу вплотную встает вопрос о политике диктатуры и о правовом строе. Но в них то и суть всей проблемы.

Диктаториальный режим большевизма несовместим не только с той хозяйственной программой, которую мы намечаем, но и с условиями необходимыми для ее осуществления.

Правовой строй нужен не только для привлечения ресурсов из внешнего мира, он нужен для самой национализации, которая нуждается в нем гораздо сильнее, чем частная инициатива. Он нужен для того, чтобы лучи свободы и гласности убили микробы бюрократизма, которые ее раз'едают, чтобы работники государственного хозяйства чувствовали себя не под'яремыми служащими, над которыми всевластны коммунисты и ГПУ, а вольными строителями будущего. Только тогда у них мог бы появиться энтузиазм, без которого ни одно великое дело не создавалось. Он нужен для того также — и в первую очередь, чтобы громадная, но скованная энергия народных масс, совершивших

величайшую революцию, могла найти выход и свободно проявить себя на всех поприщах.

Правовой народный строй один лишь мог бы обеспечить хозяйственную политику, соответствующую интересам страны, а не диктуемую чуждыми жизни соображениями большевистской доктрины.

Но здесь то мы и упираемся в тупик диктатуры — в нее упирается и национализация и все прочие проблемы русской жизни, которые большевизм бессилён разрешить и лишь накапливает на горе стране и самому себе.

Пока большевики — несмотря на все свои метаморфозы — сохраняя власть, остаются верны своей теории диктаторского социализма, русская революция не может получить завершения, отвечающего ее содержанию.

Тут спор идет не между коммунизмом и капитализмом, а между большевистской диктатурой и трудовой, социальной демократией.

Русская история создала все предпосылки для последней, но она вместе с тем удобрила почву для взростания красного абсолютизма, преграждающего ей дорогу. Это, пожалуй, одно из самых чудовищных и наиболее трагических ее противоречий.

Ясно одно — выход для России — выход для смелого движения вперед — только в его устранении.

Е. Сталинский.

Политические заметки.

Программа и тактика. Задачи социалистического движения в деревне.

«Нельзя из тактических целей создавать новые иллюзии. Рабочие должны учиться хозяйственному реализму. В России отсутствуют все условия, необходимые для социалистического строительства, которое, к тому же, невозможно «в одной стране». Восстановление частно - хозяйственного капитализма неизбежно, оно уже происходит. С точки зрения народного хозяйства, интересов рабочих и потребителей, всего общества, оно — прогрессивное явление. Нужно ему содействовать. В этом ближайшая задача. Социалистические преобразования — дело будущего.

«Все разговоры о «трудовой демократии», о возможности «сохранить кое-какие социалистические элементы» и т. д. вредны, во-первых, потому, что никаких «социалистических элементов» в советском хозяйстве нет, во-вторых, потому, что *они вообще ненужны* России, которая в настоящий момент нуждается в одном — в восстановлении чистого, беспримесного капитализма, хотя бы он принял *«страшные, хищнические формы»*, как это предвидит один из его апологетов Загорский, выступавший на собеседовании в редакции «Дней».

Таковы возражения, которые обычно делают те, кто сомневается в возможности пробудить в пролетариате волю к политической борьбе перспективой передачи фабрик, заводов, а также всех национальных богатств (недра, водная энергия, леса и даже сельско - хозяйственные земли) частным капиталистам и власти — буржуазным партиям, хотя бы со всеми демократическими гарантиями.

Мы тоже думаем, что иллюзии в политике вредны. Именно поэтому мы старались в предыдущих заметках возможно беспристрастнее анализировать классовые отношения в СССР и по-

ставить возможно отчетливее проблему классовой борьбы при диктатуре коммунистической партии в стране со смешанным — и совершенно своеобразным — хозяйственным строем.

Хозяйственный реализм необходим. Утопии вредны. Все это так. Но составными элементами хозяйственного реализма является также и *учитывание фактически сложившихся* (в результате десятилетних исканий, ошибок, стихийных процессов и «плановых» опытов) *отношений и новой психологии рабочего класса.*

На это уже указывал в своих интересных статьях, помещенных в «Воле России» за 1921 год, один из виднейших практиков российской хозяйственной демократии, писавший под псевдонимом Моисеева.

Социалистический опыт был начат в России слишком рано. Он проводился (и проводится до сих пор) методами ошибочными, негодными, не ведущими к цели. Он дал отрицательные результаты.

Но он тем не менее произвел определенный переворот в отношении собственности. *С этим переворотом начинают уже считаться и бывшие собственники промышленных предприятий.* Весьма характерны заявления, сделанные в этом смысле на парижском экономическом совещании Торгово - Промышленного союза представителями меньшинства.

Проф. Пиленко, например, доказывал в своей речи (повторяя аргументы, приводившиеся много раньше его в социалистической печати) невозможность огульного возвращения предприятий прежним владельцам, ибо советское правительство затратило на них десятки миллионов народных денег и в ряде случаев заново оборудовало их по европейскому образцу, как это имеет место, например, в нефтяной промышленности. Но и сторонники восстановления уничтоженных революцией прав бывших собственников понимают уже, повидимому, что государство приобрело за это время некоторое верховное право распоряжения основным капиталом страны и национальными богатствами и что его интересам должны быть подчинены частные интересы торгово - промышленного класса.

Характерны в этом смысле заявления, сделанные одним из участников совещания сотруднику «Последних Новостей»:

«Пусть государство оставит себе то, что считает нужным, ту же часть, которую оно решит денационализировать, оно должно будет передать не непосредственно прежним собственникам, а через «торгово - промышленный трест», который уже от себя войдет в соглашение с собственниками и сам будет руководить полученными предприятиями. Мы готовы будем в этом случае передать государству не только ту часть наших доходов, которую оно себе выговорит, как бы велика эта часть

ни была, но готовы оказать государству непосредственную денежную помощь под залог отданных нам промышленных предприятий».

Мы понимаем, конечно, что к этим заявлениям бывших промышленников нужно относиться с осторожностью, и не верим ни в их безкорыстие, ни в их преданность интересам государства. Но каковы бы ни были их мотивы, в только что приведенных словах ярого сторонника «денационализации» заключается не больше и не меньше, как признание (пусть вынужденное и не полное) *принципа национализации*, признание за государством «приобретенных прав» на бывшую частную собственность.

**

Одной из основных обязанностей государства, в котором трудовым классам населения должна (с нашей точки зрения) принадлежать решающая роль, будет *помешать широкому разлыву хищнической капиталистической стихии, с которой так легко мирится правый меньшевик Загорский*.

Государство должно ввести эту стихию в твердые рамки.

Мы не видим никакой необходимости быть в этом отношении меньшими «реалистами», большими буржуазными утопистами, чем главари эмигрантского торгово - промышленного союза.

Пролетариат должен, конечно, иметь мужество посмотреть в глаза действительности и понять, что для развития производительных сил страны, для ее хозяйственного возрождения необходимо использовать частную инициативу, привлечь частные капиталы, освободить государство от некоторых, непосильных для него, функций.

Но он одновременно заинтересован в том, чтобы все необходимые и возможные в этом отношении реформы вели народное хозяйство не «назад к капитализму», а вперед, в направлении его классовых, вернее общетрудовых целей.

Он в этом тем более заинтересован, что простое и полное развязывание «капиталистической стихии» (которое почему - то часто смешивают теперь с «раскрепощением труда и хозяйства») может привести вовсе не к демократизации государственного строя, как думают некоторые, а к фашистской диктатуре, гораздо более соответствующей «хищническому» духу молодого капитализма.

Поэтому перед социалистической демократией стоит весьма важная и сложная проблема, которую сформулировал цитированный мною т. Мойсеев шесть лет тому назад в «Воле России».

Необходимо найти, писал он, «жизненный компромисс между революционной психологией народа, между укрепившимися и прочно застывшими революционными идеями и новообразованиями и так необходимой свободой *личной и общественной инициа-*

тивы, без коей не только экономическое возрождение страны, а и самая экономическая жизнь становится невозможной».

«Колоссальными затратами, какие были произведены казной как в большевистской, так и в прежней меньшевистской России, государство стало участником в очень значительной мере, а в целом ряде случаев полным собственником частно - владельческих предприятий. Отказаться от этого, отчуждив обратно все произведенные государством за время революции на фабрики и заводы затраты, государство экономически и психологически не может».

«Задание заключается в том, чтобы внести в обширное фабричное, заводское государственное и общественное хозяйство все те элементы делового успеха, какие имеются у частного хозяйства».

Говорят: советское народное хозяйство является таким скоплением экономических уродств, что никакие реформы делу не помогут; в нем нет никаких прогрессивных и «социалистических элементов»; есть просто казенное хозяйство, безобразно ведущееся, нужна поэтому не реформа, а «революция», крутой и окончательный поворот к капитализму.

В доказательство приводят речи Каменева, Зиновьева, Сокольников и других, из которых видно, что никакого социализма в России нет, а есть государственный капитализм.

Ошибка этого рассуждения заключается в том, что оно исходит из противопоставления фактического положения в Советской России идеальному общественному строю, конечной цели социалистического движения. Мы не закрываем глаз на уродства советской экономики и указывали на них в прошлой статье. Но мы вместе с тем знаем, что никакими самыми рациональными методами нельзя в такой короткий срок осуществить социализм не только в России, но и в самой развитой промышленной стране. Поэтому для нас особенного значения утверждение, что «это — не социализм», не имеет. Нас интересует другой вопрос: *как от этого строя так или иначе существующего идти к социализму*, нашей конечной цели?

Реалистический подход к проблеме социальной революции требует от нас известной постепенности в мероприятиях, имеющих целью устранение частного капитала и переход различных отраслей народного хозяйства в государственное и общественное заведывание.

Поскольку мимо нашей воли и вопреки рациональным планам социализации произошел в стихийном порядке колоссальный переворот в отношениях собственности, мы вынуждены считаться с ним, как с фактом и попытаться извлечь из него максимальную пользу для социалистического движения. Мы прекрасно понимаем, что советская хозяйственная система — не социализм, что в ней нет даже «социалистических секторов», как это утверждают боль-

шевики, что в частности госпромышленность не есть «социалистическая промышленность» ни по внутренней структуре отдельных предприятий, ни по методам управления, ни по характеру ее связей с рынком.

Мы согласны, что госфабрики и заводы — обычные «казенные предприятия, к тому же безобразно ведущиеся», и что пресловутая «плановость» на деле является своеобразной бюрократической анархией, порождающей кризисы с такой неизбежностью, как и обычная анархия капиталистической стихии.

Но вот небольшой пример из европейской практики.

Во Франции недавно возник проект передачи спичечной монополии одной шведской частно - капиталистической фирме. Рабочие, занятые в спичечной промышленности, самым решительным образом восстали против этого. Синдикаты, входящие в С. Ж. Т., примыкающие к Амстердамскому интернационалу, оказались в этом вопросе единодушными с синдикатами «московской ориентации». Социалисты и коммунисты одинаково настаивают на том, чтобы спичечные фабрики остались в руках государства, хотя власть не принадлежит еще во Франции представителям пролетариата. Объясняется это тем, что 1) при демократическом строе интересы рабочих лучше защищены в государственных предприятиях, 2) что государство получает от спичечного производства 200 миллионов франков в год и 3) что общий интерес рабочего движения требует не сокращения, а расширения общественного и государственного хозяйства.

Между тем ясно ведь, что спичечная монополия — «не социализм».

Точно также и в России пролетариат заинтересован в сохранении национализации земли, недр, лесов, водной энергии и в оставлении безубыточных предприятий в руках у государства, которое должно быть перестроено на демократических началах.

Управление этими предприятиями должно быть тоже реорганизовано таким образом, чтобы начала индустриальной демократии совмещались в них с «элементами делового успеха».

Но наряду с этим интересы пролетариата несколько не противоречат раскрепощению частной инициативы. Ей может быть открыт свободный доступ во все те хозяйственные области, которые не под силу государству. Ей должна быть предоставлена возможность конкурировать и с государственными предприятиями — за исключением тех отраслей, которые могут быть объявлены государственными монополиями.

Частная инициатива и личная заинтересованность могут быть привлечены для разработки принадлежащих государству естественных богатств и для успешного использования национализированных предприятий: для этого сотрудничества могут быть най-

дены — и существуют уже в ряде стран — различные, гибкие и удобные формы.

Из всего этого *социализма* не получится, но нынешний хозяйственный строй может быть в случае успеха реформирован в интересах не частных капиталистов, а широких масс населения.

**

Когда буржуазные экономисты рекомендуют нам «хозяйственный реализм», они имеют в виду обычно бесспорно громадное значение частной инициативы и личного интереса, как стимулов хозяйственной деятельности.

Но было бы весьма нереалистично закрывать глаза 1) на силу «совершившегося факта» (*fait accompli*), не менее важную, однако, в экономической истории, чем в политической, 2) на изменения, произведенные революцией в психологии трудовых классов и, наконец, 3) на громадное значение *общественной инициативы*, особенно в России.

Когда они на основании краха коммунистического опыта заключают о полной безнадежности какого бы то ни было «социалистического строительства» в России, это совершенно понятно.

Менее понятно, когда те же выводы делают некоторые социалисты, готовые положиться на волю буржуазной стихии и предоставить всецело частному капиталу дело восстановления и развития промышленности и даже земледелия.

Конечно «капиталистическая стихия» наживы, погоня за личной выгодой, обогащением, стихия эгоистического индивидуализма, животной борьбы за существование широко разливается под эгидой коммунистической партии, захлестывает ее самое, принимая в условиях диктатуры и бесправия населения чрезвычайно уродливые формы.

Верно и то, что двадцать миллионов мелких частных хозяйств в земледелии и полтора миллиона хозяев и хозяйчиков в городах представляют собой среду, в которой могут развиваться и отчасти уже развиваются капиталистические отношения.

Нетрудно, однако, заметить, что разлив примитивного буржуазного хищничества, проникающего во все поры яко бы «пролетарской» диктатуры, есть, с одной стороны, результат насильственного отстранения культурных и идейных общественных слоев (в том числе *чисто рабочей и крестьянской интеллигенции*) от государственной работы, а, с другой, — естественный продукт разрушения старого государства, распада старых общественных связей и неизбежно наступающего в этих случаях временного социального хаоса.

Не менее очевидно также наличие в современной русской действительности других сил, действующих в направлении противоположном стяжательской, хищнической стихии.

Такой силой является все та же, тысячу раз оклеветанная, интеллигенция, которая возвращается к общественной работе, не смотря на тягчайшие испытания. Но особенно важное значение имеет, разумеется, та *общественно - трудовая стихия*, которая сталкивается в русской деревне с индивидуально - собственническими стремлениями, являясь одновременно могучим фактором хозяйственного прогресса и залогом победы трудовой социальной демократии.

Когда ортодоксальные марксисты - меньшевики упорно игнорируют общинно - кооперативные тенденции сельско - хозяйственного развития — это не удивительно.

Но поистине необъяснимо, когда некоторые социалисты - пародники в своем «отталкивании» от большевистских попыток строительства социализма («в одной стране» или в нескольких безразлично) не хотят видеть в русской экономической действительности ничего другого, кроме борьбы хозяйственного индивидуализма с казенным насильственным коллективизмом.

**

Все историческое оправдание, так называемого, «народнического социализма — в возможностях некапиталистической эволюции сельского хозяйства, массового сознательного творчества общественно-трудовых хозяйственных форм в земледелии и в связанных непосредственно с ним отраслях промышленности.

Законы сельско - хозяйственного развития независят от политических режимов, которые могут затруднять или облегчать их действие, но не в состоянии их отменить. Даже в западно - европейских высоко - индустриализованных странах, при политическом господстве буржуазии, всемогущий, достигший гигантского развития капитализм не в силах перемолоть в пролетариат основную крестьянскую массу.

Это признают теперь и марксисты, за исключением особенно упрямых доктринеров.

Вот, что говорит, например, социал - демократ Вл. Войтинский в своей интересной статистической работе о «Пролетариате и крестьянстве», напечатанной во французском переводе в «La Nouvelle Revue socialiste» (кн. 11 - 12 за 1916 г.).

«Опыт нескольких десятилетий показывает, что сельско - хозяйственные рабочие в массе своей так тесно связаны с крестьянами собственниками, что почти невозможно отделить» их от их социальной среды и противопоставить, как пролетарскую группу, категории хозяев».

И далее:

«Нет никакого сомнения в том, что крестьянское хозяйство в

широком смысле этого слова не есть анахронизм, остаток отжившего социального строя, как, например, мастерская ремесленника или маленькая лавка, поместья английских лэндлордов, венгерских магнатов или прусских юнкеров. Крестьянское хозяйство является господствующей формой сельско - хозяйственных предприятий, столь же типичной для современности, как гигантская фабрика в промышленности»...

«Опыт последних лет показывает, что крестьянское хозяйство при благоприятных условиях способно к прогрессу в направлении интенсификации обработки земли, улучшения техники и лучшего использования благодаря общественной организации на основе кооперативных товариществ».

«Рабочее движение должно считаться с этим фактом», говорит Войтинский, который понимает, что, до тех пор пока крестьянство будет враждебно городскому пролетариату, этот последний будет отделен и от сельско - хозяйственного пролетариата», и что перед «рабочими партиями передовых стран крестьянский вопрос встал не случайно», а *«в силу исторической необходимости, выдвигающей перед рабочим движением гигантские задачи, разрешить которые пролетариат одними своими силами не в состоянии»*.

Приведем еще одно свидетельство.

Итальянский социалист Олиндо Горни, знаток аграрной проблемы, начал печатать в органе Интернационала Профессиональных союзов «Le Mouvement syndical International» (octobre - décembre 1926) серию статей, посвященных «Проблемам сельско - хозяйственного труда».

В главе, посвященной мелкому крестьянству, он приходит к следующим выводам:

«Мнение, будто мелкое хозяйство есть отсталая форма предприятия, осужденная на исчезновение, допустимая лишь в виде исключения, развитию которой, не следует содействовать, не оправдывается действительностью. Масса мелких хозяев играет теперь и будет еще очень долго играть весьма важную роль в земледелии. Нельзя относиться к ней безразлично. А так как она нуждается в организации для защиты своих интересов и для согласования их с интересами рабочих и потребителей, нужно впрячься в эту работу».

«Мелкое крестьянство имеет больше общих черт с рабочим классом, чем с крупными сельскими хозяевами. Их интересы явно противоречат интересам крупных собственников, коммерсантов и посредников. Они могут быть, следовательно, допущены в наши рабочие организации. Но их объединение должно иметь особые формы и цели для действительной защиты их интересов и для установления связи между производителями и потребителями».

Если, как мы это думаем, общее развитие народного хозяйства идет по направлению к социализму, ясно, что мелкое и среднее крестьянство, не исчезающее, не смотря на былые предсказания марксизма, должно найти свой собственный путь к этой общей всем трудящимся цели, свои собственные формы общественной организации хозяйства.

С другой стороны, вполне возможно, что и в общую конструкцию социализма, в хозяйственную программу «социальной революции» (до сих пор лишь схематически, в общих чертах намечаемую почти всеми социалистическими партиями) придется внести некоторые, так сказать, *крестьянские черты*, приспособить их к трудовой крестьянской психологии, согласовать с крестьянскими интересами.

**

Если так обстоит дело в странах развитого промышленного капитализма, то какие могут быть у эсеров сомнения относительно задач социалистического движения в российской деревне?

Эти задачи громадны и осуществления их нельзя откладывать из - за тех или иных необходимостей политической борьбы. Более того — лишь взявшись вплотную за их осуществление, за практическое применение наших взглядов на сельско - хозяйственную эволюцию, можно создать условия для политической победы.

Партия с. - р. выдвинула свой план *социализации земли и аграрно - кооперативного социализма* двадцать шесть лет тому назад, когда Ленин предлагал еще свои юмористические «отрезки», объявляя войну общине, предсказал исчезновение мелкого крестьянства и высмеивал кооперацию.

Теперь, когда класс помещиков исчез, когда земля перешла в руки трудового крестьянства на основании закона, правда, несовершенного, но воспринявшего основные положения *нашей программы*, когда крестьяне *заставили* большевиков отказаться от идиотской политики раскулачивания, посевкомов, насильственной коллективизации и прочих прелестей немедленного (якобы вынужденного, «военного») коммунизма, *) больше, чем когда либо

*) Один из коммунистических авторов г. Терлецкий признавал в № 3-4 журнала *Большевик* за 1925 г.:

В 1918 году «мы выдвигали в первую очередь всяческую поддержку коммун и артелей, полагая, что таким путем мы быстро перейдем к крупному социалистическому земледелию».

«Коллективизация в годы военного коммунизма являлась определенной попыткой, одной из форм перехода к немедленной организации крупного социалистического хозяйства».

Но особенно любопытно следующее признание:

«По отношению к основной середняцкой массе она проходила **большой частью под определенным давлением, при помощи соответствующих административных мероприятий и пр.**».

Съ другой стороны, «сам» нынешний обер - теоретик большевизма Бухарин хотя и повторяет из упрямства, что в 1918 - 1921 годах

перед партией социалистов - революционеров стоит ее основная, историческая задача — *кооперативно - социалистическое строительство в земледелии.*

При этом вопрос о «строительстве социализма в одной стране» особого решающего значения не имеет. Крестьянский социализм по самому существу своему эволюционен.*). Ясно, что передовые, инициативные слои крестьянства не могут ждать, пока в европейских государствах власть перейдет в руки социалистов, для того, чтобы начать строить все виды кооперации, охватывая ими возможно более широкие массы мелких хозяев, втягивая в процесс обобществления одну за другой различные отрасли сельско - хозяйственной деятельности....

Все указания на отсталость, низкий культурный уровень русского крестьянства не могут быть аргументом против этого *социалистического строительства.*

Часто для того, чтобы доказать неосновательность большевистских надежд на социалистическую «переделку» России, приводят примеры крестьянской темноты, суеверий, невежества.

«Какой социализм возможен, говорят при этом, в стране, где местами еще не изжиты полужыческие нравы».

По сколько речь идет о «немедленном социализме», об утопической надежде, могшей возникнуть лишь у весьма наивных доктринеров или невежественных людей, создать «в полгода» идеальное социалистическое общество, это, конечно, верно.

Но если посмотреть на дело серьезно, то прежде всего возни-

«мы действовали так, как нужно и можно было действовать», вынужден, однако, признать, что эти действия вытекали из ошибочных представлений и привели к карикатуре на социализм.

В статье «О новой экономической политике и наших задачах» («Большевик», № 8 за 1925 г.) он писал:

«В системе военного коммунизма, рассматриваемой с точки зрения ее экономической сущности, несомненно есть кое - что похожее на карикатуру на социализм».

И далее:

«Наши прежние представления заключались в том, что мы считали возможным почти сразу достигнуть планового хозяйства».

«Можно сказать, что если наше прежнее представление о развитии социалистического строя заключалось в том, что немедленно после диктатуры мы уничтожаем рынок и тем самым сразу уничтожается капиталистическое хозяйство и сразу проводится плановое хозяйство, — то тут мы ошиблись.»

Остается совершенно непонятным, почему в 1918 - 1921 году «нужно было» ошибаться, доведя до катастрофы промышленность и сельское хозяйство и вызвав кровопролитную гражданскую войну с крестьянством.

*) «Обобществление сельского хозяйства в России является не внезапной социальной революцией, а постепенной и заключающей длинный эволюционный исторический процесс социальной реформацией».

К. Кочаровский — Обобществление сельского хозяйства. Записки Института Изучения России. Т. II, стр. 173.

кает вопрос, почему борьба с остатками темноты и невежества более возможна при частной собственности на землю и капитализме (то есть, фактически при росте ростовщичества и кулачества), чем при сохранении социализации земли, развитии кооперации и коллективных форм земледелия?

Катастрофическое положение дела народного просвещения при большевиках; новое огрубение нравов в результате гражданской войны; развитие хулиганства, как социального продукта произвола, бесправия и задержки культурного развития; местами, может быть, возрождение средневековья — все это аргументы против политической системы большевизма, против административных нравов ВКП, против ее социальной педагогики, но отнюдь не против аграрно - кооперативного социализма.

Сельско - хозяйственное производство не может быть приостановлено на том основании, что правительство никуда не годится и что необходима политическая борьба. Раз это так, то нет ровно никаких оснований отказываться и от работы по объединению мелких производителей в области обмена, переработки продуктов и самого сельско - хозяйственного производства. Тем более, что это кооперативное строительство открывает вместе с тем возможность поднятия культурного уровня отсталых слоев деревни, распространения грамотности и сельско - хозяйственных знаний *).

Эсеры вкладывались в эту хозяйственную и культурную работу при самодержавии. С не меньшей энергией, не меньшим воодушевлением они должны вести ее и теперь, когда их основные взгляды на судьбу русского крестьянства полностью оправдываются один за другим.

Правильность этих взглядов вынуждены, по существу, признать и большевики, которые прибегают для прикрытия своего теоретического отступления к двум одинаково наивным приемам: один заключается в приписывании Ленину авторского права на

*.) Некоторые большевики понимают уже это значение кооперации. Так, М. Кантор писал в журнале **Большевик** (кн. 5 - 6 за 1925 г.): «Старая кооперация развила колоссальную культурную работу, в которой принимали участие квалифицированные инструктора, раз'езжавшие по всей стране. Выпускались специальные популярные журналы для разных категорий читателей, создавались библиотеки, работала теоретическая мысль.

Между тем у нас еще по сей день спорят о том, должна ли кооперативные организации вести культурно - просветительную работу, не будет ли здесь, упаси боже, дублирования с издательским и всякими другими органами, претендующими на монопольное удовлетворение всех культурных потребностей нашей еще совершенно необслуженной, некультурной страны».

Споры идут потому, что ВКП боится упустить из своих рук монополию «по переделке» крестьянских голов. Но удержать эту монополию ей все равно не удастся, несмотря на все запреты.

теорию некапиталистической эволюции земледелия и аграрно-кооперативного социализма (на основании его известной предсмертной статьи), которую якобы мы у него теперь заимствуем; другой — в извращении «народнических» взглядов, в приписывании нам в прошлом фантастических планов и теорий. И тот и другой прием нас мало трогают, и в этой статье мы на них особенно останавливаться не будем.

Но мы считаем необходимым привести несколько примеров, показывающих, какие широкие бреши жизнь пробила в большевистской доктрине, ибо *эти бреши могут и должны быть использованы нашими практическими работниками* для завоевания прочных позиций в деревне и для расширения нашей работы по строительству в ней трудовой демократии.

В. В. Сухомлин.

(Продолжение следует)

Исправляем опечатку, допущенную в прошлом номере. Вместо *В. Н. Сухомлин*, нужно читать *В. В. Сухомлин*.

Кооперация в Советской России.

I.

Судьба городской кооперации (под которой мы условно будем понимать общегражданскую потребительскую кооперацию городскую и сельскую, рабочую, транспортную и жилищную) связана теснейшим образом с судьбами революции. Уже война и первые месяцы мартовской революции обозначили то направление кооперативного развития, которое после октябрьского переворота получило свое крайнее выражение в этатизации кооперации. Примерно, с 1916 года на страницах «Союза Потребителей» стали появляться статьи, в которых намечалось новое течение в кооперативной мысли, предлагавшее слияние кооперации с государством в целях превращения ее в органы государственного распределения. Однако, как первая ласточка не делает весны, так и эти статьи, время от времени появлявшиеся в течение 1916-17 г., не изменили в общем позиции русской кооперации. Даже после октябрьского переворота кооперация пытается удержаться в старых формах и с тем же идеологическим содержанием. Но эти попытки оказались тщетными. Декретом от 12.IV. 1918 г. и в особенности декретом от 20.III.1919 г. кооперация из учреждения частного-правового становилась учреждением государственным. Все население страны включалось в ее состав в качестве членов, кроме лиц лишенных по Советской конституции избирательного права. Она становилась единым распределительным органом государства, при этом устанавливалась обязательная схема кооперативного строительства по триаде: Центросоюз, губернский союз и единое потребительное

общество (ЕПО). Кооперация во многих отношениях становилась в подчиненное положение к Наркомпроду.

Таким образом, кооперация была избрана Соввластью в качестве организационной формы, которая должна была выполнять функцию распределения оскудевших запасов продовольствия и заготовления их для красной армии и голодающих городов. Потребкооперация стала «распределительной лавкой» воюющей революции и вместе с органами Наркомпрода орудием собирания, с помощью пушек и штыков, продовольственных излишков у крестьян. Это последнее обстоятельство оставило печальную память и наложило неизгладимую печать на дальнейшие судьбы потребкооперации. Сделавшись орудием коммунистической политики и распределителем оскудевающих запасов, фактически «продразверстки» все забирая у населения и ничего ему не давая, потребкооперация позднее должна была принять на себя всю силу недовольства крестьянства, особенно ярко и остро проявившемуся к концу гражданской войны. Как общее правило, можно сказать, что там, где возникало восстание, там кооперативы уничтожались наравне с другими коммунистическими организациями. И не удивительно. К этому времени аппарат потребкооперации стал в худшем смысле слова бюрократическим, с назначенными, вопреки воле избирателей, правлениями, с огромным штатом служащих и 50 тысячами совершенно пустых магазинов. Конечно, в этом была не столько вина, сколько беда потребкооперации, так как в дальнейшем ей пришлось преодолевать прежде всего огромное недоверие к себе населения, окончательно не изжитое и по настоящее время. Последнее тем более питало недоверие к потребкооперации, что даже после провозглашения НЭПа потребкооперация была связанной с самым ненавистным после Чеки учреждением — Наркомпродом. Только, примерно, с 1923 года наметился перелом в отношении населения к потребкооперации, что почти немедленно же оказалось на ее организованности и финансовом положении. Население не только города, но и деревни начинает проявлять интерес к ее делам, а действенные элементы принимаются за активное строительство, поддерживаемое материально и морально компартией, Соввластью и хозорганами республики. Размах этого активизма совпадает с моментом отмены кооперативного начала открытия кооперативов, осуществления добровольности членства и отмены папаченства коммунистов в исполнительные органы кооперации. Одним словом, самодеятельность населения в связи с реформой потребкооперации в 1924 году, которая знаменовала: устранение из кооперативов мертвых душ, отказ от интеграла *),

*) Интеграл — борьба за множественность функций у потребкооперации.

перестройку системы союзов (создание райсоюзов) и размежевание функций среди разных видов кооперации, наконец, поставила на ноги потребкооперацию. Разумеется, это не значит, что реформа устранила дефекты и сотни болячек, которые наживались еще с начала войны и дали такой махровый цвет в период войны, гражданской, когда каждый коммунист был «властью на местах», властью самодовлеющей, неограниченной, когда социальные и государственные связи были в состоянии полного распада.

Еще и по сие время, преимущественно в провинции, на потребкооперации лежит печать бюрократизма, еще и по сие время там пребывают «на насиженных местах» со времен продразверстки аппаратчики, не умеющие ни торговать, ни понять конструктивной роли кооперации в системе экономического и социального строительства. Протесты векселей, открытые кражи, пьянство, недостачи, просчеты, чрезмерная усушка и утечка товаров, не по средствам благотворительность, о которой речь будет ниже — все это плевелы, взошедшие на почве гражданской войны, все это дань коррупции нравов, причинно связанной с войной и революцией. За 6 месяцев прошлого года, по сведениям «Кооперативного Пути» по кооперативной сети Московской губернии было возбуждено 1.288 дел только о растратах. И если в общем и целом потребкооперация имеет весьма внушительные достижения, то это в значительной степени зависит не от самой кооперации и ее низовой сети, которая всюду и везде должна быть фундаментом, а от напряженной деятельности кооперативных центров и политики Соввласти при общем экономическом и культурном подъеме страны. Соввласть оказала значительную поддержку кооперации кредитами во время ее кризиса в 1923 году. Был сделан нажим на частную торговлю и повышены ставки обложения частных. Наконец, общая ориентация в экономике и политике Соввласти на кооперацию сыграла положительную роль в деле укрепления большого сотнями болячек кооперативного организма.

II.

Союзный аппарат потребкооперации на I. X. 1924 г. насчитывала 250 организаций, а на I. III. 1925 г. их цифра поднялась до 257. Тут происходил в течение года сложный и многоликий процесс перестройки; было ликвидировано 26 карликовых райсоюзов и вновь было организовано 33 укрупненных. Из этого примера явствует, что поверхностное наблюдение еще не дает ясного представления об истинном положении вещей и может ввести и вводит в заблуждение. Особенно легко заблудиться в лабиринте пере-

строек 1923-4 г., когда Советская Россия переживала кризис сбыта, знаменитые «ножницы», имела незаконченную денежную реформу, сжатие банковского и товарного кредита, наконец, зондирование окончательных и твердых путей в экономическом строительстве. При такой сложной и изменчивой ситуации, естественно что и кооперация должна была энергично перестраиваться, чтобы создать эластичную и дешевую систему товаропроводящих каналов, в целях конкуррирования как с государственной, так и частной торговлей.

К сожалению, мы лишены возможности проследить шаг за шагом в динамике кооперативной сети потребительской и других видов городской кооперации на протяжении хотя бы последних лет. Мы ограничимся только некоторыми сравнительными данными, преимущественно же сосредоточим наше внимание на сведениях, относящихся к нынешнему году.

О числе членов, числе товариществ и магазинов при них по общегражданской потребительской кооперации городской и сельской, кооперации рабочей и транспортной дает представление следующая таблица, относящаяся ко всему Союзу С. С. Р.

Дата	Членов	Товариществ	Лавок
1/X 1924 г.	7.104.831	22.641	37.069
1/7 1925 г.	9.182.524	25.355	48.673
1/7 1926 г.	10.163.109	26.457	53.466

Как видно из таблицы, все три показателя, нарастающие, правда с различной напряженностью, свидетельствуют не об ее разложении и смерти, а наоборот, красноречиво говорят о ее успехах. Приведенные данные в такой общей форме обезличивают чрезвычайно пеструю по районам и областям организационную трансформацию городской кооперации, нивелируя все количественные изменения. Однако, этих общих данных достаточно, чтобы совершенно безошибочно судить об организационном ее росте. Естественно, при этом возникает вопрос, достаточна ли эта сеть? — Есть основание полагать, что в ближайшем будущем кооперативная сеть будет продолжать расти, конечно, с несколько замедленным темпом. Имеются по С. С. С. Р. районы, где сеть достигла своего максимума — это преимущественно некоторые губернии Европ. России и в частности Украины, — но зато немало и таких областей, которые буквально представляют собою кооперативную пустыню: таковы наши окраины: Дальний Восток и Закавказье, таковы национальные республики, как Киргизская и т. п.

Вся низовая сеть городской кооперации об'единена в союзы и центры. Как уже было отмечено, на 1. 7. 1925 г. насчитывалось 257, из них: райсоюзов — 213, губсоюзов — 12, автономных,

областных и национальных — 21, краевых кооперативных центров союзных республик — 11. Среди этих цифр бросается в глаза ничтожное число губсоюзов, как организаций по общему признанию советской кооперативной прессы, мало жизненных, что стоит в связи как с административной перекройкой прежней России, так и с построением сети госторговли (отделения трестов, синдикатов, губторги, крайторги и т. п.). В союзном строительстве проявляется определенная тенденция к укрупнению, к чему часто толкают финансовые затруднения губсоюзов и райсоюзов. В соответствии с последним процессом растет значение и роль областных и краевых союзных организаций.

Вся система союзов и первичной сети потребкооперации, кроме кооперации жилищной, о которой речь особо, об'единяется Центросоюзом и Церабсекцией (центром рабочей кооперации) и с Транспосекцией (центром транспортной потребкооперации).

Центром для жилищной кооперации является Центрожилсоюз, который в настоящее время по С. С. С. Р. об'единяет 1.459 жилищно-строительных кооперативов со 180.000 членов. За последние только 2 года жилищная кооперация выстроила около 10.000 квартир, в которых размещено 40.000 человек.

В Центрожилсоюз входят также 31.000 жилищно-арендных товариществ в ведении которых находится 60.000 строений, где размещено 3 мил. жильцов. Почти на все 100% кооперативы последнего типа владеют в свое время национализированными домами, преимущественно, в больших городских центрах. В последнее время многие из них приступили к возведению новых построек, получивши на льготных условиях долгосрочный кредит от правительства, которое, в связи с острым жилищным кризисом, форсирует работу жилищной кооперации обоих видов. («Торговые Извест.», ном. 72, 1926.).

Операции. Огромный рост оборотов городской кооперации свидетельствует также о больших успехах ее, однако, в то же время в этом росте таится много опасного, чреватого своими последствиями. В этом отношении в совкооперации много нездорового и ненормального, в чем мы убедимся позднее, когда будем делать обзор ее финансового положения. Здесь нам лишь можно отметить, что, в соответствии с ростом обществ, числа членов, и лавок растут и обороты кооперации, обгоняя, опережая рост средств и являя тем возможности предвидеть и учитывать ближайшие возможности и перспективы. У кооперации мало оборотных средств да и те, которыми она располагает мало ликвидны, будучи увязаны в имущество, дебиторские счета и т. д.

По данным А. Фишгендлера, валовые обороты по продаже потребкооперации по С. С. С. Р. за последние 2 года выразились следующими цифрами в миллионах рублей:

Звенья системы	1923—24 г.		1924—25 г.	
	в рублях	в %	в рублях	в %
Центросоюз с Церабсекцией . . .	194,4 м.	100	244,	125,5
Его отделения и конторы	126,	—	34,4	43,2
Области, союзы и красные центры	70,	—	177,8	254
Губ-рай-союзы и автономн. рес- публик. союзы	465,	—	912,6	196,2
Транспосекция без низовой сети . .	115,6	—	174,2	34,2
Городские и рабчие кооперативы	649,1	—	1.075,0	165,6
Военные потреб. об-ва	21,5	—	сведен. нет	
Сельские общества	409,1	—	839,	205,2
Всего	2.050,8	100%	3.504,6	170,9%

Рассматривая приведенные цифры, видим, что по всем звеньям имеется на лицо неизменно увеличение оборотов, которое по всей системе поднялось на 70,9% *), а по сельским кооперативам, которых большинство, процент достигает 205,2%. При оценке оборотов надлежит принять во внимание, что за истекший операционный год госторговля сделала попытку связаться с низовой кооперацией непосредственно, минуя союзы, как принято выражаться, серединные звенья кооперативной системы. Это, как будет указано ниже, породило острую дискуссию в советской прессе и не могло не отразиться самым отрицательным образом на успехах кооперативной торговли.

За 6 месяцев 1926 г. обороты кооперации обнаружили бурный рост. По данным председателя Центросоюза, Любимова, к 1.7., с. г. обороты кооперации по всем видам городских товариществ составили 3.500.000.000 рублей, т. е. почти сравнялись с оборотами за 1924-5 г. При том же темпе оборотов во 2-м полугодии можно ожидать годового итога в 6 миллиардов руб., что составит, примерно, 30 % торгового оборота всего Союза, тогда как в 24-25 г. он составлял 24,7%, а в 23-24 только 14,5%. Колоссальные цифры оборотов городской кооперации, принимая во внимание ее финансовую слабость, возможны, благодаря быстрой оборачиваемости товаров, в особенности товаров ходовых, в которых постоянно ощущается недостаток предложения сравнительно со спросом на них. Так, например, бакалея оборачивается в течение года 10 раз, мануфактура — 5 раз, галантерея — 4 и т. л. В общем по вычислению статистиков в потребкооперацию надо вложить около 150-200 миллионов рублей, чтобы устранить постоянную угрозу протеста векселей, ликвидации, банкротств, что-

*) По новейшим данным со включением оборотов низовой сети потребкооперации транспортной и военной обороты за 24 - 25 годы составляют сумму 3.900.000.000 или 181% по отношению к предшествующему году.

бы создать нормальные и совершенно здоровые условия для ведения торговых операций.

Финансы. Правильная постановка кооперативных финансов, под которыми мы будем понимать чужие и свои средства, есть основная и первоочередная задача как отдельного товарищества, так и всей кооперативной системы в целом. Там, где с финансами дело обстоит неблагоприятно, можно безошибочно предсказать смерть предприятия. Обычно, все бедствия всюду и везде происходят, именно, в силу несоответствия операционных планов с финансовыми возможностями данного предприятия. Последнее явление в Совкооперации составляет почти всеобщую принадлежность и, в особенности, оно распространено в низовой сельской кооперации. Мало того, всякий раз, как только финансовые затруднения возникают и первичные кооперативы и союзы идут в сторону наименьшего сопротивления — отыскивая новые кредитные источники и тем, по существу, ухудшая положение и без того критическое. В результате постоянной нехватки оборотных средств городская кооперация всегда находится под постоянной угрозой дефектов в работе, и непримиримые критики советской кооперации в этом пункте правы больше, чем в каком-нибудь ином. Для истекшего года характерными явлениями были: большое количество протестованных векселей, их пролонгация и банкротство ряда сильнейших городских кооперативов, как, например, в Грозном, не говоря уже о тихой смерти мелких товариществ.

Что касается протеста векселей, то по данным Госбанка, проводимых Фишгендлером, в январе 1925 г. было протестовано векселей на сумму 11,6 мил. руб., в феврале — 15,3 мил. руб. Последующие месяцы дали цифры понижающиеся. Отметим кстати, что в это же время шли протесты и у частных предприятных госторговли.

Констатируя неизменный рост капиталов городской кооперации и не останавливаясь на их движении в предшествующие годы, отметим их состояние для данного момента. Как общее замечание, надлежит сказать, что задолженность напр., потребкооперации и абсолютно и относительно возрастает. Так, на I. X. 1925 г. чужие средства, по данным Гладышева, составляли 935,8 мил. руб., а к I. I. 1926 г. они поднялись до 1.169.1 мил. руб., тогда как свои средства возросли за тот же промежуток времени с 295,8 м. р. до 343.8 мил. Отношение своих средств к чужим на те же сроки соответственно было: в первом случае, 1 : 1,3 и во втором, как 1 : 1, 4.

Нижеприводимая таблица дает представление о соотношении своих и чужих средств по разным звеньям системы за тот же промежуток времени, равно, как и общие итоги ресурсов потребкооперации на I. I. 1926 г. по С. С. С. Р.

	По балансам на:				Отношение своих средств к заемн.	
	I. X. 1926		I. I. 1926		I. X. 1926	I. I. 1926
	свои	чужие	свои	чужие	свои	чужие
Центры потреб. кооперации . . .	40,3 м. р.	155,3 м. р.	47,7 м. р.	189,5 м. р.	1:3,8	1:4,2
Союзы	99,9 "	386,9 "	111,1 "	510,8 "	1:3,9	1:4,6
Низовая сеть . . .	155,6 "	393,6 "	188,1 "	468,8 "	1:2,6	1:2,5
Итого:	295,8 м. р.	935,8 м. р.	343,9 м. р.	1.169,1 м. р.	1:3,1	1:3,4

Из приведенной таблицы мы видим, что в то время, как чужие средства возросли на 24,9%, свои увеличились только на 16,3%. Здесь мы не можем входить в детальное рассмотрение балансов даже потребкооперации, но считаем существенным еще раз подчеркнуть, что рост своих средств не поспевает ни за ростом чужих, ни тем паче за ростом торговых оборотов.

Чтобы достигнуть в этом отношении гармонии, чтобы согласовать эти три показателя, потребкооперация принуждена отказываться от содержания целого ряда малорентабельных производственных предприятий с тем, чтобы средства неликвидные, вложенные в недвижимость, перевести в форму ликвидную (деньги, ценные бумаги), и тем самым усилить свои оборотные средства. Напряжение финансов потребкооперации обусловлено не только абсолютным недостатком своих средств, но и их малой подвижностью, невозможностью значительных сумм пустить в оборот. Мы говорим о расбухании дебиторских счетов в балансах, в особенности у низовой сети и рабочих товариществ. Это — злокачественная язва советской кооперации, борьба с которой потребует много времени и сил. По балансам указанных кооперативов около 30% (а это составляет сумму свыше 100 м. руб.) средств увязли в этих дебиторских счетах. Кто же эти дебиторы? Кто составляет исключение из общего правила, что потребкооперация торгует за наличный расчет? — Оказывается, что этими должниками являются члены правлений, приказчики, члены ревизионных комиссий, общественные организации, как комсомол, комячейка, народный дом и т. п. — то кооперативное окружение, которое за годы гражданской войны привыкло смотреть на кооператив, как на дойную корову и теперь по привычке продолжающее ее доить. В «Кооперативном Пути» Н. Сфворцов, на основании протокольных записей, перечисляет 50 найменованных расходов, не имеющих никакого отношения к кооперации. Почти каждый из перечисленных расходов является типичным в том смысле, что он находит повторение в целом ряде протоколов союзных организаций. Вот номенклатура некоторых из этих любопытных расходов:

1. Дому Крестьянина 535 рублей, 2. На борьбу с волками 50 руб., 3. Отделению Совета Физкультуры 20 р., 4. ВИК'у на ки-

нематограф для волости 50 руб., 8. На покупку барабана для подшефной волости (сумма не показана), 13. Школьному кооперативу 25 р., 15. На памятник жертвам революции 100 р., 30. Три билета для полета на самолете «Промбанк», 36. На 8-летие милиции, 49. Подарокъ уезному с'езду советов и т. д. и т. д. Все подобного рода явления вызвали необходимость положить предел; борьба приняла решительный характер, как по линии кооперативной, так и со стороны правительства.

Июня 11-го с. г. ЦИК'ом С. С. С. Р. был принят закон о режиме экономии в государственном и кооперативном хозяйственном аппарате с решительным пресечением злоупотреблений, бесхозяйственности, расточительности и небрежности в расходовании средств. Основным направлением в проведении режима экономии должно быть: а) упрощение и рационализация структуры учреждений, б) сокращение штатов, в) сокращение сверхурочных работ, командировок, в частности заграничных, г) упорядочение товаропроводящей сети. На руководителей возложена ответственность в проведении режима экономии с применением, в случае неисполнения закона, санкций административного и уголовного характера («Кооперативная Жизнь», ном. 34). С своей стороны, Центросоюз вошел с ходатайством в Совнарком об издании закона, воспрепятствующего производить среди кооперативных организаций сбор пожертвований на нужды, не имеющие к ней отношения, или участвовать в расходах коммунальных, как исправление дорог и им подобных.

Само собою разумеется, невозможно оздоровить одними указанными мерами финансы кооперации надолго и всерьез без создания прочной базы собственных кооперативных средств, длительно вложенных в дело.

У советской кооперации есть три пути, три источника накопления капиталов: вклады, прибыли и паи. Однако, первый путь — привлечение вкладов — уже практиковался и не дал ожидаемого эффекта. Кроме того, и по принципиальным, чисто теоретическим соображениям, этот путь должен быть отвергнут. Значит, остается два источника: прибыли и паи. Что касается прибылей, то истекший год дал блестящие результаты, оставившие в каналах кооперации около 100 милл. рубл., которые в процессе операций растеклись по разным отраслям кооперативного хозяйства, оздоровив и укрепив последнее. Что же касается паев, то до последнего времени дело обстояло совершенно неблагополучно. Есть множество кооперативов, где паи внесены членами лишь в размере 10-15% их общей суммы, что при максимальной ставке пая в 5 руб. дает ничтожные собственные средства. Если в дореволюционное время паи составляли 15 - 20 руб., а их ценность была, по крайней мере, в 2 раза выше, легко видеть отсюда, сколь плачевны ресурсы первичной ячейки. Еще в прошлом году общая сумма паевых взносов по всей системе потребкооперации едва достигала 50%.

Другими словами, при 10 миллионах членов, кооперации причитается получить около 25 мил. руб. — цифра вполне почтенная, чтобы о ней позаботиться к истребованию. Поднятая в конце прошлого года кампания по истребованию и увеличению паев, дала результаты положительные: на 1. 1. 1925 г. паевой капитал составлял 22 мил. руб., а на 1/7. 1926 г. он уже равнялся 35 мил. рублей.

В финансовом отношении вся потребкооперация опирается на Всеобщий Кооперативный банк (Всекобанк) в Москве, Московский Народный Банк Лимитед в Лондоне и Транзитный Банк в Риге.

III.

Наш предшествующий беглый обзор позволяет видеть в каких тяжелых условиях городской кооперации приходится бороться за свое существование, какое огромное количество очередных вопросов она должна разрешить, что бы идти нога в ногу с общим темпом развития народного хозяйства Советской России. В настоящее время четыре проблемы перед советской кооперацией стоят наиболее остро. Это: 1. Проблема внутреннего кооперативного строительства, и связи с международным кооперативным рынком. 2. Проблема генеральных договоров кооперации с госпромышленностью. 3. Взаимоотношения кооперации с государством и 4. Планирование кооперативного хозяйства.

Общий вывод, который сам собою напрашивается из предшествующего изложения, гласит, что городская кооперация СССР становится с каждым днем все более устойчивой и крепкой и имеет множество шансов, чтобы развиваться в ближайшем будущем даже при тех условиях экономических, правовых, бытовых и культурных, характеристику которых мы старались подробно дать выше. Надо отметить, что в этом же направлении — усиления и укрепления системы городской кооперации действует ныне ряд других факторов. Помимо роста числа членов из года в год оборотов, роста паевых капиталов, оздоровления балансов центральных кооперативных организаций и устойчивости банков, на которые опирается система городской кооперации, в настоящее время достигнута, как увидим ниже, значительная экономия в расходах, наконец снижены накладки на цены товаров. По данным «Известий ЦИК-а» (№ 78. 1926 г.), если цены на 1/X 1925 г. принять за 100, то на 1/X 1926 г. они выразятся следующими цифрами по разным инстанциям товаропроводящих путей кооперации. У Центросоюза цены понизились до 92,02%, губсоюзов и райсоюзов до 90%, городских потребительных обществ (ПО) до 91,8% у сельских ПО до 89,8%. В общем и целом снижение цен колеб-

летя между 8 — 10%. Успех несомненно значительный в деле прочного кооперативного строительства. К числу достижений за истекший год надо еще отнести успехи в области укрепления райсоюзов и увязка кооперации с заграничными общим и кооперативными рынками. Русская кооперация все чаще и больше экспортирует свои товары за границу, восстанавливая утраченные связи, отвоевывая занятые другими странами рынки сбыта.

Первым обществом оптовых операций, с которым Центросоюз вступил в коммерческие связи, было Английское. За 1924 - 25 г. оборот с ним выразился в суммы около 7 милл. рубл. Работа с английской кооперацией считается самой крупной, но не исключительной. Работа ведется с немецким, австрийским и чехословацким обществами оптовых операций, но с последними двумя она затрудняется обстоятельствами, связанными с задержкой юридического признания Советского правительства со стороны Франции и Чехословакии. С выходом на международный кооперативный рынок нашей кооперации предстоит широкое поле деятельности. Уже и сейчас закрепление этих связей выражается в создании акционерного хлебоэкспортного общества «*Руссо Брите*», в открытии советской кооперации кредитов и т. п. В данный момент Центросоюз ведет переговоры с Англ. Об. Опт. Закупок о поставке для России чая и об открытии ему кредитов для чайных операций в сумме 500.000 фун. стерлингов.

Что касается снижения цен на товары, то к сказанному выше надо добавить, что по сколько проблема торговых расходов - накладных и организационных — зависит от высоты налога, кредитования, различных сборов и т. п., постольку возможности ее решения для советской кооперации весьма ограничены. Так, по данным К. Петунина («Кооперативный Путь, № — 42) торгово - организационные расходы Центросоюза, зависящие от него, составляют 2,59% к его торговому обороту, а расходы и убытки, причины которых лежат вне Центросоюза (налоги, торг. сборы, неплатежи, убытки от поставок по лимитным ценам), составляют 2,63%. Таким образом, экономическая рационализация, максимальное сокращение расходов по кооперации вполне достижимо только при условии, что и в других областях хозяйственной деятельности СССР будет устанавливаться режим строжайшей экономии и лояльное отношение госпромышленности к кооперации. В этом отношении знаменательным с точки зрения соотношения и взаимной борьбы действующих в России социальных сил представляется поход против серединных звеньев кооперации, предпринятый советскими торговопромышленными кругами на страницах «Торгово - Промышленной Газеты».

Одним из достижений потребкооперации является система генеральных договоров, заключенных ею с госпромышленностью. Осенью прош. года Центросоюз заключил договоры на поставку

ему и другим кооперативным союзам определенного количества товаров от предприятий госпромышленности. Так, напр., Всесоюзный Текстильный Синдикат (ВТС) обязался поставлять ежемесячно 682 вагонов мануфактуры, Сахаротрест — 4.892 ваг. сахару и т. п. Одним словом, были выработаны, к обоюдной выгоде договаривающихся сторон, нормы поставок и цен на товары госпромышленности. Все казалось бы шло хорошо. Увы, не прошло и установленного срока со времени заключения гендоговоров, как разразилась ожесточенная дискуссия по вопросу об этих самых договорах, продолжающаяся и по сие время. Началась она с пустяков, с вопроса о том, какое количество мануфактуры ВТС должен отпустить в адрес кооперации в третьем квартале? — Вскоре, однако, обнаружилось, что суть дела не в количестве отпускаемой мануфактуры, а в качестве и существе тех организаций, которым производится отпуск, т. е. кооперации. ВТС на страницах «Торг. - Пром. Газеты» заявил, что необходимо избавиться от кооперативных союзов, как лишних звеньев товаропроводящей сети, ибо последние с успехом могут быть заменены отделениями синдикатов, вообще, госрозницей, которая к тому же продает товары по ценам более низким, чем кооперация. ВТС, как важнейший синдикат, своей попыткой срыва гендоговоров с Центросоюзом, если бы она удалась, нанес бы кооперации смертельную рану, потому что мануфактура в оборотах союзной системы составляет от 30 до 50%. Таким образом, силы, развязанные НЭП-ом делают попытку, впрочем, тщетную, убрать с пути мешающую их развитию кооперацию, а «Торгово - Пром. Газета», за кулисами которой стоят напманы, трубит поход против последней.

В передовице № 126 той же газеты, ныне покойный, Ф. Держинский спрашивал: каким образом в деревне более, чем на 50% мануфактурой торгует частник? — К сожалению, он повидимому либо плохо знал дела собственного ведомства, либо лицемерил.

Комиссия по борьбе со спекуляцией, образованная самим же Держинским при ВСНХ, опубликовала в «Известиях ВЦИК-а» в № 252 материалы, которые характеризуют борьбу Госпромышленности с кооперацией. Так, наприм., Московский отдел госпредприятия «Красный Восток» продал частным лицам суровья 96,15%, а кооперации только 2,83%. Ярославский хлопчато-бумажный трест всю вату продал частникам и сверх того 52% готовых изделий. («Кооперат. Жизнь» № 39, 1926 г.). Фактов подобного рода множество. Насколько ненормальны и до сих пор взаимоотношения кооперации с госпромышленностью, видно из того, что первая принуждена обращаться к суду, чтобы понудить вторую выполнять гендоговоры. Еще недавно Центросоюз предъявил Продасилкату в судебном порядке иск в возмещение всех убытков, причиненных потребкооперации недобросовестным исполнением гендоговора на поставку оконного стекла и стеклянных изделий. Ска-

занного достаточно, чтобы видеть как велико число и как разнообразны препятствия, лежащие на пути развития советской кооперации.

Проблема генеральных договоров, из - за которых началась тяжба кооперации с госпромышленностью, упирается в проблему взаимоотношения кооперации с государством. Тут возникает вопрос: чем является совкооперация, системой учреждений частно - правовых, действующих также, как это имело место в дореволюционное время, или же она живет и развивается на иной почве, имеет иные свойства?

По уставу кооператив или союз есть юридическое лицо, которому обеспечивается полная самостоятельность в области гражданских правоотношений, в области гражданского оборота, т. е. ему принадлежит право приобретать и отчуждать имущество, вступать в обязательства, получать кредиты, искать и отвечать на суде. Тут, одним словом, полное совпадение кооперации нынешней с дореволюционной. Но советская кооперация, сверх того, как отмечено было выше, выполняет целый ряд государственных заданий. Больше того, она наделена такими правами и функциями, которые ее резко отличают от учреждений частно - правовых. Так, например, советская кооперация в лице кооперативных советов пользуется правом законодательной инициативы и присутствует с правом решающего голоса в ряде государственных учреждений. Далее. По смыслу закона (примечание к ст. 105 Уголовного Кодекса и другим нормам сов. права) служащие кооперации приравниваются к должностным лицам государственных учреждений в отношении ответственности по работе в кооперации. Последнее явствует и из приведенных выше постановлений о режиме экономии.

Итак, советская кооперация есть часть государственного аппарата, а раз так, то и вопрос о генеральных договорах, естественно, должен получить разрешение в высших правительственных органах. Решение это уже намечается сейчас, хотя и не носит окончательной и категорической формы. Недавно Совнарком и Сто, рассматривая хозяйственную конъюнктуру за первую половину 1925 - 6 года, констатировали громоздкость и параллелизм в торговом аппарате Союза, как в области кооперативной, так и государственной торговли. На основании этого было вынесено постановление, согласно которому контрольные цифры Госплана должны ориентироваться: на упразднение лишних звеньев, как в кооперации, так и в госторговле. «При этом - говорится в постановлении — следует иметь в виду сферы действия государственной и кооперативной системы, а именно: *«для первой по преимуществу крупная оптовая торговля, для второй функции основной товаропроводящей к потребителю организации»* (Коопер.Ж. № 48).

Постановление это нуждается в конкретизации, ибо и та и другая система имеют, как розничную, так и оптовую торговлю. Очевидно, кооперации еще предстоит долгая и нелегкая борьба за то, чтобы стать основным товаропроводящим каналом Сов. России и без перебоев получать товары по гендоговорам, неисполнение которых госторговлей помешает разрешить последнюю из отмеченных нами проблем современной кооперации — планирование своего хозяйства.

Обращаясь к этой последней, прежде всего возникает вопрос, как эта проблема ставится и в чем она состоит? Ведь сама кооперация уже есть плановое хозяйство. Совершенно верно, что обычно всюду, кроме Советской России, это планирование об'емлет одну какую-нибудь сферу: закупку, сбыт, кредитование и т. д.

Согласно постановлениям Совнаркома и Сто от 28/6 с. г., кооперация обязана представить в Госплан свои операционные и финансовые планы в соответствии с контрольными цифрами последнего на 1926-7 г. Это задание возложенное на всю кооперацию предполагает составление контрольных цифр по основным операциям товарным, заготовительным, производительным и финансовым с указанием предполагаемых оборотов, доходов и т. д.

Таким образом, Советская кооперация стоит перед проблемой планирования всего кооперативного движения в России, сила, глубина и чистота которых крайне различна. Все эти потоки надо связать воедино, чтобы они текли в едином русле, в одном канале, составляющем часть планового хозяйства всего Союза СССР. Следовательно, проблема планирования в кооперации ставится в порядок дня, как задача увязки отдельных планов кооперации в один цельный комплекс, связанный, в свою очередь, с единым и генеральным планом по СССР. С этой точки зрения и генеральные договоры являются одной из связей регулирования в одном плане госпромышленности госторговли и кооперации, и, следовательно, неисполнение их влечет за собою перебои и дефекты в механизме всего государственного аппарата.

Достижения, которыми советская кооперация может и в праве гордиться еще не настолько прочны и устойчивы, чтобы можно было бесстрашно глядеть в глаза историческому завтра. Свои успехи она еще должна закрепить, углубить и расширить. Основным методом этого закрепления должно быть пробуждение кооперативных масс, создание кооперативной общественности, гласности, свободы критики, прочных правовых гарантий.

Гр. Радченко.

Иностранная жизнь.

Участие бельгийских социалистов в Правительстве.

Французская и бельгийская социалистические партии прошли за последние два года через испытания, которые наряду с явными отличиями имеют несомненные черты сходства. Они объясняются одинаковыми экономическими причинами: разрушения, причиненные войной, погибшие иллюзии относительно возможных возмещений (германских) понесенных потерь, расстройство государственных бюджетов, инфляция, займы, обезценение денег и колебания валюты.

Под давлением всеобщего недовольства пали министерства «Национального Блока» — Пуанкарэ и Тениса. На выборах 1924 и 1925 годов в обеих странах позиции демократических элементов усилились и больше всего выиграли в общем движении влево социалистические партии. Но во Франции после выборов 1924 года на 600 членов Палаты Депутатов была выбрана лишь сотня социалистов, а в Сенате прошло лишь 3 - 4 представителя. В Бельгии же, наоборот, на другой день после апрельских выборов 1925, социалисты заняли в обеих палатах, избираемых на основании одинакового избирательного права, две пятых депутатских и сенаторских мест, причем буржуазные партии раскололись и не в состоянии образовать против социалистической демократии сплоченного парламентского большинства. Вследствие этого отношение французских и бельгийских социалистов к участию в правительстве по необходимости стало различным. Французские социалисты, которых мало интересовало получение нескольких второстепенных мест в кабинете с сильным буржуазным большинством, выбрали по отношению к правительству Эррио тактику поддержки. Бельгийские социалисты, наоборот, были до известной степени вынуждены, благодаря своей численной силе, принять

участие в правительстве совместно с христианскими демократами и с двумя - тремя консерваторами.

Но как в той, так и в другой стране, демократические правительства натолкнулись на одни и те же трудности и когда они решили, в поисках выхода из тяжелых финансовых затруднений, предпринять шаги, направленные к стабилизации франка, им пришлось подвергнуться яростным нападкам со стороны реакционной части буржуазии. В конце концов, по выражению Эррио, им пришлось упереться в «стену денежного могущества». Падение правительства Пуле в Бельгии почти совпало с падением Эррио во Франции; но и на этот раз социалистические партии этих стран должны были логически занять разные позиции в вопросе о своем отношении к правительству. Во Франции после целого ряда министерских кризисов, ничем не разрешившихся, социалисты остались в оппозиции. Но когда образовалось правительство «республиканского единства» Пуанкаре, оппозиция эта была настолько умеренна и сдержанна, что Пуанкаре, говоря о Леоне Блюме, должен был сознаться, что «умный враг предпочтительнее глупого друга». В Бельгии, где напор капиталистических сил обусловил неудачу первой попытки стабилизации и вызвал падение министерства Пуле и его коллег — демократических христиан, положение финансов и ценностей угрожало в июне 1926 вертикальным падением франка по примеру марки и рубля и оказалось настолько обостренным, что недавние непримиримые враги на парламентском поприще признали необходимым в интересах общественного спасения заключить перемирие для поднятия франка и образовать под руководством Жаспара министерство финансового оздоровления при участии трех партий (4 католиков, 4 социалистов, 2 либералов).

Рабочая партия не высказалась единодушно по вопросу о том, какую позицию должна была она занять. Самые разнообразные элементы справа и слева предпочитали оставаться в оппозиции, но момент был таков, что главные синдикальные и кооперативные организации высказались в определенном смысле, находя, что, не останавливаясь даже перед неприятными уступками в области политики, социалистические министры должны остаться в правительстве с целью спасти франк, не допустить рабочий класс до испытаний, подобных тем, какие были пережиты в Германии и в Австрии и помешать падению рабочих организаций, находившихся под угрозой инфляции. Таким образом, в течение шести месяцев правительство Жаспара, если не считать проведенного им сокращения военной службы до десяти месяцев и ратификации Вашингтонской конвенции о 8 - часовом рабочем дне, поставило своей единственной целью осуществить программу, ради которой оно и было образовано: финансовое оздоровление и стабилизация бельгийской валюты.

Чтобы достигнуть этого результата нужно было добиться того, чтобы в государственном бюджете доход превышал расход; правительство осуществило это, вотируя 1.500 миллионов новых налогов для амортизации долга, далее оно консолидировало внутренний долг в 6 миллиардов путем смелой стабилизации, и, наконец, вопреки сопротивлению мелко - буржуазных элементов, реализовало стабилизацию франка на уровне 175 фр. — за фунт, в целях избежания, по возможности, слишком болезненного кризиса в период после стабилизации кризиса, который мог бы привести к тому же самому, что происходит теперь во Франции: паралич экспортной промышленности и безработицы.

После шести месяцев тяжелой работы, в середине ноября стабилизация была технически закончена.

Тогда был поставлен перед социалистической партией вопрос, разбиравшийся только что на нашем чрезвычайном конгрессе во время Рождества. Правительство Жаспара было образовано с единственной целью произвести стабилизацию. Стабилизация закончена. Есть ли какое - либо основание продолжать перемирие? Не естественно ли положить конец ненормальному положению, которое могло быть оправдываемо лишь в условиях общественного спасения? На этот вопрос многие социалисты и в первую очередь Луи де Брукер отвечает утвердительно. Они боятся, что продолжение перемирия франка может повести к нежелательным с социалистической точки зрения последствиям. Они видят большую опасность для будущего в том факте, что переходя от участия к участию в правительстве, рабочая партия притупляет своей боевой дух и начинает довольствоваться сомнительными преимуществами своего сложного политического положения, рискуя оттолкнуть от себя живые силы молодежи, которые из ненависти к слишком нетребовательным запросам реформизма, могли бы легко поддаться соблазнам коммунизма.

Никто или почти никто в партии не станет отрицать, что есть большая доля истины в такого рода опасениях. Поэтому можно бы было перечесть по пальцам тех членов политических или синдикальных организаций, которые стояли бы за продолжительное участие социалистов в правительстве «финансового оздоровления». Но хотя стабилизация, как техническая операция и закончена, нет никакого сомнения в том, что еще в течение нескольких месяцев она рискует быть скомпрометированной, в случае политического кризиса в связи с экономическим, который хотя и в смягченном виде, но неизбежен, как результат денежной реформы. Как я уже говорил на Рождественском конгрессе наша страна только что пережила, благодаря насильственной консолидации и денежной стабилизации, двойную хирургическую операцию. Теперь мы переживаем период выздоровления и еще на несколько месяцев должны подчиниться режиму выздоравливающего. Конечно,

очень соблазнительно перейти немедленно в оппозицию, но для этого нужно раньше образоваться правительству, а при теперешних обстоятельствах буржуазные партии бессильны его образовать, следовательно уход социалистов в настоящий момент имел бы неизбежным последствием правительственную несостоятельность и в конечном счете роспуск Палат, что отразилось очень губительно на стабилизации франка и на финансовом оздоровлении страны; одним словом, как у нас, так и за границей, нужно отдать себе отчет в том, что мы слишком сильны, чтобы быть оппозицией и еще недостаточно сильны, чтобы стать правительством — и в этом трудность нашего положения.

Резолюция, предложенная Рождественскому Конгрессу комиссией по резолюциям, основана в общем на тех же соображениях. Вот ее текст:

«Чрезвычайный Конгресс Бельгийской Рабочей Партии, принимая во внимание правительственную декларацию о том, что правительство национального объединения ставит своей единственной целью восстановление финансового положения страны и денежную стабилизацию, и его заявление о том, что оно уйдет, как только эта цель будет достигнута, констатируя, что, хотя технически стабилизация реализована, остается еще ее консолидировать, а именно приступить к переоценкам и согласованиям с новым курсом, из нее вытекающим, в особенности по отношению к трудовым классам, заявляет, что Бельгийская Рабочая Партия, стоя на страже уже достигнутых результатов, готова и впредь участвовать в правительстве страны, если будет достигнуто соглашение на почве реализации точной программы ближайших требований, уполномачивает Генеральный Совет Партии разработать эту программу, передать ее на рассмотрение федерации, а пока вести переговоры на этих основах и окончательно определить возможности их применения».

Эта резолюция, отражающая чувства громадного большинства Конгресса была подвергнута референдуму федераций одновременно с нижеследующей только что принятой Генеральным Советом партии, программой:

1. Немедленное производство переоценки рент рабочих, потерпевших от несчастных случаев;
2. Усиление фонда безработных и национального фонда на случай кризисов;
3. Защита и развитие обществ взаимопомощи посредством переоценки субсидий;
4. Переоценка пенсий на старость;
5. Усиление деятельности национального общества дешевых жилищ;
6. Пересмотр закона об аренде.

7. Сохранение добавочной таксы при условии ее урегулирования и освобождения от нее рабочих;

8. Пересмотр закона о несчастных случаях во время работы и вотирование закона относительно профессиональных болезней;

9. Реформа рабочей инспекции в рудниках;

10. Подготовка к использованию копей путем создания национального общества с участием горнорабочих.

11. Ускорить возвращение к конституционной автономии коммун и провинций.

Излишне пояснять, что в настоящую сессию речь может идти только об осуществлении мер, связанных с переоценками и соглашениями с новым курсом, мер к тому же очень скромных. Генеральный совет вотировал, кроме того, резолюцию, заключающую в себе директивы социалистическим министрам, депутатам и сенаторам для осуществления в возможно ближайший срок программы, гораздо более определенной, которая ставит в первую очередь завершение социальных страхований и коренную реформу государственной обороны с сокращением срока отбывания воинской повинности до 6 месяцев.

Каждый понимает, что если продление полномочий настоящего правительства будет, как это надо ожидать, одобрено федерациями, оно распространится лишь на настоящую парламентскую сессию. Позволительно надеяться, что с того момента, как стабилизация будет закреплена, мы станем на твердую почву и рабочая партия двинется вперед*).

Эмиль Вендервельде

*) Референдум дал громадное большинство в пользу продления.
(Прим. ред.)

Политические партии в Грузии.

II. Партия Социалистов - Революционеров

Второй интернациональной организацией в Грузии была организация социалистов - революционеров. Возникла она под непосредственным влиянием Партии С. Р. в России и была ее составной частью. Возникновение ее нужно отнести к 1903 - 4 годам, к эпохе широкого крестьянского движения.

Некоторые из грузинских революционеров были причастны к героической борьбе 70-х и 80-х годов. Ряд русских революционеров этой эпохи находились в ссылке на Кавказе и оставили заметные следы в мировоззрении грузинской интеллигенции.

Но народные массы Грузии оказались мало восприимчивы к их лозунгам.

Объясняется это особенностями экономического уклада жизни грузинского крестьянства. Грузинский крестьянин, прежде всего, собственник, правда, очень мелкий, но все же собственник. Общинное или точнее родовое землевладение являлось для него пережитком прошлого. В общем владении оставались еще в отдаленных горных деревнях, леса, пастбища, сенокосы. Пахота виноградарства, сады, огороды составляют основу крестьянского хозяйства, являлись их частной собственностью.

Понятно, что при таких условиях и то, что оставалось в общем владении, должно было подвергнуться и действительно подвергалось быстрой ликвидации. При этом дележ происходил не по душам, а по принципу наследственности, благодаря чему часто небольшие семьи получали втрое, вчетверо большую долю, чем многочисленное потомство другого колена.

Неудивительно, что в такой среде партия, выступающая с проповедью преимуществ общинного землевладения, не встречала достаточного сочувствия.

За с. р. в Грузии шли сравнительно небольшие группы рабочих и крестьян.

Более серьезное влияние имели эсеры в армянской и мусульманской среде. Они были сильны и среди русских рабочих бакинских промыслов и пользовались поэтому большим влиянием в общекавказских организациях, но история этих последних не входит в круг моих обозрений.

Грузинские организации эсеров оставались слитной с российским вплоть до объявления независимости, и только после ее провозглашения стали самостоятельной партией. Акт независимости был встречен ими единодушным одобрением. В коалиционном правительстве они имели одного представителя.

В Учредительное Собрание Грузии им удалось провести 4 депутатов и на дополнительных выборах по Абхазии они получили еще одно место. Их парламентская фракция состояла таким образом из 5 человек. Она составляла крайне левое крыло, выступала с крайними требованиями, приближаясь в этом отношении к левым эсерам.

Вместе со всем народом эсеры вели борьбу с большевиками, принимали удары, несли жертвы, и по настоящее время продолжают работу.

Партия имеет своего представителя за границей при национальном правительстве.

III. Социалисты - федералисты

Центральным пунктом с. д. программы — была классовая борьба; развитие классового самосознания широких масс, их пробуждение к сознательной жизни или, как выражалась легальная пресса — их, «приобщение к современной европейской гражданственности». Вот на что было направлено, главным образом, ее внимание.

Соц. - федералисты наоборот, считали своей основной задачей разрешение национальной проблемы, прежде всего, проблемы грузинского народа.

И в то время, как с. д. и с. р. являлись по существу и по организации интернациональной партией, соц. - федералисты были первой партией, стоявшей исключительно на национальной почве.

Это придавало им определенный национальный облик.

Первое партийное оформление соц. - федералистов связано с обще-национальным празднованием столетнего юбилея присоединения Грузии к России в 1901 г.

Участие в этих торжествах грузинского дворянства, променявшего на чины и ордена лучшие традиции своих лучших представителей, особенно резко поставило вопрос об отмежевании от этой рабской покорности.

И вот среди той части демократической интеллигенции, уже давно лелеемая мысль о необходимости борьбы за национальное возрождение, облеклась в организационные формы, конечно, нелегально. Было решено издавать журнал за границей, в котором национальные нужды и национальная борьба грузинского народа могла бы найти свое выражение.

В следующем 1902 году действительно начал выходить в Париже орган «Сакартнело» (Грузия).

В следующем году была созвана за границей по инициативе редакции этого органа конференция всех революционных течений Грузии. Социал - демократы с самого начала от участия в работах конференции уклонились и покинули собрание.

Зато остались анархисты и наложили свою печать на дебаты и до известной степени на решения этого совещания.

Совещание постановило выставить требование автономии Грузии и федеративного устройства России.

Близкое участие анархистов при самом зарождении партии, наложило известный отпечаток на последующую жизнь ее. Тенденции анархо - синдикализма, увлечение крайними лозунгами непосредственного действия, немедленного социализма, нередко находили себе место в ней, хотя основное ядро партий составляли радикально - демократические элементы.

Так в 1905 году чуть ли не половина партии и даже некоторые из ее лидеров склонялись к анархо - синдикализму и старались увлечь за собой партию. Но это было в эпоху особенно сильного подъема народного движения и всеобщего господства крайних лозунгов.

С поражением революции 1905 года эти крайности потеряли свою привлекательность и анархо - синдикализм был быстро изжит.

Партия окончательно сформировалась, как партия соц. - федералистов с демократической и социалистической программой, которая во многом, особенно в аграрном вопросе повторяла почти дословно основные положения соц. - революционеров.

В этом отношении, думаю, решающую роль сыграла старая народническая интеллигенция, почти целиком примкнувшая к партии. Она же внесла в партию и социалистический дух, что привело впоследствии к отходу от нее антисоциалистических буржуазных элементов.

Партия имела связи среди рабочих и крестьян во многих районах, но главную ее силу составляли интеллигентные слои.

Ежедневная пресса, участие в руководящих органах общественных и культурных организаций придавали ей силу и выдвигали на первый план.

В 1906 году партия приняла участие во всероссийской конференции национальных социалистических партий, собравшейся на Юге России.

В выборах в городские самоуправления и в Государственную Думу партия принимала деятельное участие. Два раза ей удалось в борьбе с социал - демократами провести своих депутатов в Государственную Думу. В первую Думу по Тифлисской губ. и в четвертую Г. Д. по Кутаисской губ. Оба депутата в Госуд. Думе примкнули к Трудовой Группе, как наиболее им родственной, но вместе с тем выставляли автономию Грузии, как свое особое требование.

После революции 17-го года и большевистского переворота партия соц. - федералистов принимала участие во всех местных революционных органах власти. Ее представители входили в состав закавказского правительства.

В национальном правительстве Грузинской Демократической Республики соц. - федералисты получили два портфеля: народного просвещения и юстиции.

В Учредительное Собрание Грузии сумели провести только 6 депутатов, заняв, таким образом, треть по численности место.

В условиях грузинской действительности было вполне естественно, что партии и течения вели ожесточенную борьбу с соц. - демократами, почти монополюбно господствующей среди массы населения.

Соц. - федералисты шли во главе этой борьбы. И, главным козырем в их борьбе был национальный вопрос — права грузинского народа на автономию. После об'явления независимости положение в корне изменилось. Но старая традиция антисоциалдемократической коалиции далеко не сразу была ими изжита.

После большевистского нашествия и оккупации Грузии красными армиями соц. - федералисты вновь очутились в подполье, в тюрьмах, в ссылках за защиту погранных прав народа. Правда, из их среды отделилась с первых же дней небольшая группа в несколько десятков человек, которая встретила с распростертыми объятиями большевиков, видя в их появлении залог поражения меньшевизма. Но они нашли решительный отпор в своей партии, которая на конференции 1921 года решительно осудила их и исключила из своих рядов. Отщепенцы вскоре совершенно слились с коммунистами.

Партия соц. - федералистов благодаря этому только очистилась от всех примазавшихся элементов.

Вот уже пятый год она участвует без перерыва в продолжающейся борьбе за свободу нации.

Соц. - федералисты чувствуют теперь себя ближе к социал-демократам. Были даже разговоры о слиянии, но пока конкретных форм эти разговоры еще не приняли.

На конгрессе в Марселе в 1925 году социалисты - федералисты были приняты в Рабочий Интернационал.

IV. Объединенная Национал - демократическая партия

Буржуазные партии сформировались позже других. Правда, еще в 1905 году была сделана первая попытка выступить с либерально - демократической программой, но дальше выпуска соответствующего воззвания дело не пошло.

Безрезультатными остались и попытки организовать местные секции кадетской партии. Так прошли весь период революции 1905 года и последующие годы реакции.

За эти годы всколыхнувшаяся жизнь стала мало по малу укладываться в буржуазные формы. На ряду с армяно - русской буржуазией, до сих пор почти безраздельно господствовавшей в городах Грузии, появились выходцы из грузинских деревень, которые, быстро усиливаясь, в некоторых городах даже стали оспаривать господство у инонациональных элементов. Кутаис, Батум, Гори и другие провинциальные города одним за другим переходили в руки новой грузинской буржуазии.

Среди части интеллигенции, примыкавшей до сих пор к тем или иным социалистическим партиям, особенно к соц. - федералистам, как национальной партии, родилось стремление развязаться с социалистическими лозунгами и стать на собственные ноги. Ряд городских муниципалитетов очутились в их руках.

Избирательный закон в Государственную Думу тоже давал этим элементам возможность влияния в некоторых куриях.

Они участвовали в разных совещаниях по введению земства и т. п. созываемых кавкаским наместничеством. Буржуазные элементы формировались и в деревне. Напуганные крестьянским движением крупные землевладельцы массами бросали свои имения, распродавали их по частям через Крестьянский и Дворянский Банки. Попадали они в руки более зажиточных слоев. Новые владельцы часто вводили культурное хозяйство, поставленное на коммерческих началах. Часть дворян тоже примкнула к этому движению и на остатках своих имений ввели новые формы хозяйства. Таким образом, народилась новая сила, требующая себе определенного политического выражения в форме буржуазной партии. Но полицейские условия сильно мешали осуществлению ее стремлений. Легальное существование они не могли получить, нелегальная же партия была им по духу.

Но все же мы видим, что в годы общественного подъема, перед великой войной, буржуазные элементы, до сих пор довольствующиеся легальной прессой и легальной борьбой за самоуправление, начинают формироваться в самостоятельную партию.

Программа новой партии, получившей название национал - демократической, содержала требование политических свобод, автономии Грузии, выкупа помещичьих земель. Наступившая миро-

вая война задержала ее нормальное развитие. И только после революции 1917 года партия получила возможность открыто выступить на общественной арене в качестве политической организации.

Но в это же время стали появляться и другие буржуазные группировки, так, образовалась партия, называвшая себя «Радикал - демократической Крестьянской Партией», которая характерна тем, что впервые выставила требование полной независимости Грузии и в виду этого предлагала не посылать депутатов в общероссийские представительные учреждения для органической работы, а выбирать депутатов с единственной целью заявить с высокой общероссийской трибуны о требованиях грузинского народа и уйти. Влияние эта группировка имела незначительное и необходимого даже для одного депутата числа голосов собрать на выборах не могла.

В скором времени и среди национал - демократической партии наметился внутренний раскол. Дело в том, что к партии примыкали разнородные социальные элементы, землевладельческие и чисто буржуазные. Правда, революция привела к полному уничтожению первого, как класса, но его влияние в партии все же исчезло. Из нац. - демократической партии выделилась правая фракция, образовавшая националистическую партию. В то же время ряд несоциалистических общественных деятелей организовались в группу беспартийных.

Такое раздробление буржуазных сил могло привести к полному их параличу. И, почувствовав эту смертельную опасность, все эти группировки сошлись вместе и объединились в одну политическую организацию. Так возникла Объединенная Нац. - Демократическая Партия.

Она по численности была второй партией, имея в Учредительном Собрании 8 депутатов и представляла собою принципиальную оппозицию социалистическому правительству, противопоставляя его демократическим методам управления методы буржуазные. Особенно резко выступали ее представители против существования «Народной Гвардии» и требовали организации единой регулярной армии. Пользуясь преобладающим влиянием среди офицерства, они думали этим увеличить свой вес в государстве.

Но сравнительно с соц. - демократами они были слишком слабы, что - бы рассчитывать на серьезное влияние.

После оккупации Грузии советскими войсками национал - демократы попытались было воспользоваться национальным бедствием для ослабления социалдемократии, на которую они возлагали всю вину за поражение. Но их агитация в этом духе успеха не имела. Тогда они вошли в коалицию с соц. - демократами для совместной борьбы за освобождение страны. Имея влияние в военной среде, они организовали военный центр, арестованный и расстрелянный в 1923 году. Под их влиянием находились некото-

рые отряды, скрывавшиеся в горах от большевистского преследования и принявшие потом участие в августовском восстании.

После поражения восстания их организации значительно поредели. Ряд деятелей приведены были к необходимости из'явить покорность победителям. Но партия продолжает борьбу. Заграницей она имеет своего представителя при национальном правительстве Грузии, как и другие партии Грузии.

К о м м у н и с т ы

Не знаю, можно ли их считать партией, ибо теперь это скорее всего чиновники, прикомандированные к оккупационной армии, и их влияние на общественную жизнь Грузии исчерпывается фактом оккупации.

Но большевизм имеет в Грузии свою историю, хотя и не главную.

В первые годы образования большевистского течения в РСФСР, — т. е. в 1903-4 годах, в Грузии верхи были на стороне ленинцев, массы же, поскольку до них доходили сведения о существовании разногласий, неизменно высказывались в пользу меньшевиков. Причин этому много. Упомяну только о том, что организации (незаконные) партии всегда строились по возможности демократическим путем, на выборном начале. В то же время широкое массовое движение не давало профессионалам замкнуться в заговорщические группы. Поэтому при первых же столкновениях фракционного характера большевики, которыми руководили отныне знаменитый Сталин, Цхакая и др., были смяты и превратились в ничтожную группу.

Все крупные большевики поэтому уехали в Россию или за границу, забросив неблагодарный Кавказ.

Ни одного депутата своего они по Кавказу провести не могли. Их последователей в самой Грузии насчитывалось всего несколько сотен человек. Активность свою они ни в чем не проявляли вплоть до революции 1917 г., если не считать экспроприации на Эриванской площади в Тифлисе в 1907 году, после чего тот же Сталин, Махарадзе и др. избранные, как руководители были исключены из областных организаций.

Только с 1917 года, опираясь на разложившуюся армию, большевики старались захватить власть в Закавказье, но забрать Тифлис им так и не удалось.

После большевистского переворота в России и объявления независимости Грузии они занялись устройством восстаний в пограничных с Россией районах, пользуясь для этого большевистскими миллионами и возвращающимися с фронта солдатами. Об этих выступлениях говорят, как о гражданской войне. Но это было скорее организованное нападение.

Для гражданской войны внутри Грузии не было условий. Господство социалдемократии было полное. Дворянство, учтя условия момента, само добровольно еще с 1917 года отказалось от своих сословных привилегий и все многомиллионное сословное имущество передало грузинскому народу в лице «Национального Совета» организованного из представителей партий и общественных учреждений Грузии. Конфискация помещичьих земель, проведенная в 1918 году, не встретила нигде какого либо сопротивления. При таких условиях борьбы со стороны реакции нечего было опасаться. И для гражданской войны не было почвы. Большевики сами должны были вскоре признать, эфемерность устраиваемых ими «вооруженных выступлений». Это же обстоятельство, то есть невозможность внутреннего переворота, привело их и их руководителей из Москвы — Советское правительство — к открытому нападению на Грузию вооруженными силами Москвы. Это было в 1921 году. Страна была оккупирована. Коммунисты поставлены у власти.

Оккупация длится уже 5 лет, но грузинская коммунистическая партия за эти годы не только не превратилась в серьезную силу, а наоборот — потеряла всякий престиж и опирается исключительно на страх, нагоняемый красными штыками. По собственному подсчету она насчитывает около 12.000 членов, из коих не менее половины не грузины.

Верные приказам из Москвы, они редко или вовсе не проявляют своего мнения. Только один раз осмелились они иметь собственное суждение и жестоко за это поплатились. Это было по вопросу о вхождении Грузинской Соц. Республики в состав СССР. Центр решил объединить Грузию с другими закавказскими советскими республиками в Закавказскую Федерацию и последнюю принять в состав СССР.

Часть грузинских коммунистов, и они представляли большинство, решило воспротивиться такому уничтожению даже видимости самостоятельного бытия Грузинской Республики. Эта видимость им нужна была для приобретения сочувствия среди народа. И они просили центр о немногом — чтобы Грузия непосредственно, без вхождения в Закавказскую федерацию, была принята в СССР. Но Москва решила иначе и не послушные «уклонисты», как их прозвали, были разогнаны, смещены со своих мест, высланы. С тех пор тишь да благодать царит среди них.... Они живут в полном моральном отчуждении от грузинского народа, и питаются подачками из Москвы.

Р. Арсенидзе.

Среди книг и журналов.

«Красная Новь», книга одиннадцатая, ноябрь, Госиздат

Ноябрьскую книгу «Красной Нови» нельзя назвать вполне удачной. «Разин Степан», роман А. Чапыгина, печатающийся в журнале уже целый год, принадлежит далеко не к лучшим произведениям этого, еще молодого писателя. Сам по себе «Разин Степан» чрезвычайно характерен для переживаемой советской литературой эпохи, — новое, очень явственное возрождение мужика. Историческая перспектива только прием и притом использованный довольно слабо: вместо эпохи царя Алексея Михайловича старенький *style russe* подслащенный архаическими словами, взятыми напрокат из словаря Даля.

«Растратчики» — большая повесть Валентина Катаева на модную теперь тему, также печатается продолжениями. В настоящей книге самый «центр этой повести, достаточно ярко написанный, чтобы можно было уже судить о целом. Повесть написана Катаевым добросовестно, — с фотографической точностью за-

печатлеват она на своих страницах каждый день и почти — что каждый час жизни сомнительных героев. Катаев внимательной тенью ходит за растратчиками и с большим знанием дела описывает все попойки и дебоши.

Два небольших рассказа, первый А. Хованской («Китайский болванчик») и второй — Б. Житкова («Элчан - Кайз»), лишние раз доказывают, что в Советской России много вполне грамотных, даже хороших, но среднего калибра писателей, от которых в будущем можно ожидать много недурных, но таких же ровных неярких рассказов.

Среди стихотворений, помещенных в «Красной Нови» следует отметить «Цветы» С. Есенина. «Цветы» извлечены из черновых рукописей Есенина, что, конечно, сразу сказывается, — в них есть слабые места, которые, вероятно, были бы изменены, если бы сам Есенин подготовил их к печати. Однако некоторые строфы полны Есенинскою прозрачною нежностью:

Любовь моя! Прости, прости.
Ничто не обошелъ я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.

Отрывок из авиационной поэмы Валентина Наумова «Сквозь Дым» недурен:

Смотри, смотри, как золотые
иглы
Впились в лицо расбуженной
земли
И на Днепре с баржой буксир
настигли,
С плешиной лес мгновенно по-
дожгли.

У Наумова получается гораздо хуже, когда он доходит до неизбежных в Советской печати красноречивых Воль,

Несущих свет обоим полушарьям.

Но, видно, без этого никак нельзя — иначе не напечатают.

Обрадович, Герасимов, Насядкин, Кириллов совсем плохи. Особенно последний:

Эх, ударьте в струны, начинайте
те песню,
Дружно начинайте, чтобы звук
шалевой
Рассказал о деде, деде всех чудесней,
О любви далекой, о весне былой...

Пожалуй самое интересное в одиннадцатой книге «Красной Нови», — «Воспоминания» Мустафы Кемаль Паши. Воспоминания эти охватывают период с начала объявления войны и до Мудросского перемирия (30 октября 1918 г.), накануне которого Мустафа Кемаль был назначен командующим группой «Ильдирым» (Сирийский фронт). Со страниц воспоминаний встает во весь рост любопытная фигура диктатора - революционера, в свое время прославившего на виселицу свыше ста

человек, лишь за то, что они не желали расстаться с фесками. Воспоминания написаны не без литературного умения, только, к сожалению, переводчица, «озабоченная в первую очередь точностью перевода», заставляет и Вильгельма II и самого Кемалья говорить совершенно бесграмотные вещи, что, в свою очередь вынуждает усумниться в действительной верности всего перевода.

Очень любопытны воспоминания Телешова о московском кружке «Среда». Пожалуй ярче других даны Леонид Андреев и Скиталец (Петров). Слабее статьи Вересаева, осторожно защищающего обряды, Пришвина о пользе радио и Г. Чулкова — нечто вроде монографии о Павле первом. Семашко прислал обиженное письмо, очень недовольный тем, что тов. Вечер осмелился критиковать его воспоминания о зарождении народного комиссариата здравоохранения. Семашко горько жалуется, что «писать воспоминания при работе в 24 часа трудно, неточности всегда возможны», и просит, чтобы «поправки поправлялись, а не придирались». Библиографический отдел довольно обширен.

А. Леонидов.

И. Эренбург. Рассказы. Изд. «Огонек» Москва 1926 г.

Писатель, долгое время проповедывавший романы о любви, спекуляции, бирже, революции, растягивает на сотни страниц то, что обычно помещается на одной странице приличной европейской газеты. Илья Эренбург, став ма-

ститым и плодовитым (два «качества», губящие писателя), превратился в нечто статическое, каноническое и шаблонное. Нужно быть слепым (т. е. маститым и плодовитым), чтобы не видеть, как все слова, сочетания слов, предназначенные — на удивление, на самом деле смертельно скучны. И уже давно — не творчество, а производство, и не перо, а блестящая (от лака или никеля) пишущая машинка — «Made by Erenburg».

«Рассказы» принадлежат, повидному, к последним попыткам Эренбурга писать «телеграммным» методом. Полное отсутствие глаголов. Рассказ коренник сборника — «Акционерное общество Меркюр - де - Рюсси» — построен сплошь на существительных. Так: «Конго, Того, Баку, цифры, ноли, бар, флип, Форд, прыг, ночь — вот Франц. Вдов. Молод. Два вечера в неделю (среду и субботу) у артистки Жанны. Два сына. Два вечера. Но двадцать два предприятия: банк, либеральная газета, оружейный завод, бюро частного сыска... и т. д. Это «инструментовка», производство же рассказа идет таким путем. Берется Париж, авеню д'Ар, Элизэ 4-47-08 или Берлин, тогда Штейнплатц 1-12-00, — какой -нибудь Эмиль или Франц — коммерсант, банкир, спекулянт; толстяк, любящий «спокойные доходы, легкие рубашки - сетки, коктейль со льдом мечтательных модисток»; берется биржа: «Мексикан Игль 208! Лианозовские 602!», министерский кризис, редакции газет, — все, относящееся к Парижу, за-

полняется цифрами, наименованиями трестов, банков, варьетэ, кабаков, — криками «Алло!» — и опять все сначала в обратном порядке. Затем берется Урал, рудники, прииски, какой -нибудь вшивый, пьяный Тарас Кривой, от «жирных баб иссохший», какой -нибудь поп с кадиллом, — произносится несколько крепких словцов, несколько мужицких сентенций: «Матушка-землица!... Мать ее!» — создается новый революционный *Style russe*. Вот две стороны одной монеты. Эта монета начинает вращаться в руках автора — все быстрее, отрывистее, «радио - телеграфнее» — до войны — и вплоть до революции. «Грянула. Далеко. Под 60° Трах!»... «Прочь! Трах! И над всеми человек в каскетке, низкий, коренастый, голова — шар.»

Но это не все. Для того, чтобы эта газетная, сенсационная «стихийность» была оправдана какой-то глубиной и серьезностью, — вводится в рассказ фигура мудреца, поэта (Хуренито? Франс -- из «Жанны Ней»?) — резонирующего на фоне горящих зданий, — философствующего в «Мировом масштабе». На гильотину данного рассказа втащена, — грубо, схематически зарисованная, — высокая личность нашего лучшего поэта. «После давней правды и Непрядвы, после святой цыганщины, Елагина, и вдалеке — среди дыма папирос — встречи с нею (в Египте? или в красной ложе, где ботинки и с ананасом шоколад).»

Таков рецепт массового производства рассказов. Для того же,

чтобы «Made by Erenburg» было особенно законным (патент неоспорим, но все же....) — нужно все время пользоваться одним и тем же стилистическим приемом: «Весна, любовь, нефть». «Колыхание акций, портфелей, котелков, сердец.» С этим пришел Эренбург в литературу, этим ошеломил — и думает ошеломлять до конца дней своих. И еще: нельзя в основу рассказов брать «девиз»: «в огороде бузина, в Киеве — дядька» — и беспрерывно им кокетничать. «Где - то Халчак. Здесь запах мандаринов» «Цейлонские бананы. Егорыч харкает» и пр.

Суровость требований критика и читателя, предъявляемых к писателю, основывается только на следующем: нужно внимательнее относиться к тому, для кого печатается книга, не нужно все, что пишет рука, передавать в руки наборщика — быть менее плодовитым, а маститость оставить в первой парикмахерской, вспомнив о свежих днях, когда первые станок оттискивал скромную стихотворную строчку сборника, издаваемого на последние собственные гроши.

Б. С.

„Напостовцы“.

(На литературном посту № 7 - 8, 1926 г. (месяц и издательство не указаны)

Последний номер этого «охраниземно - коммунистического» журнала начинается с передовицы, в которой нещадно громятся все виновное в маловерии и упадочничестве. Лягнув по дороге К. Радека, редакция заявляет: «время объявить упадочничеству в литературе решительную борьбу». Она считает, что «разложившийся писатель — проповедник неверия, носитель уныния, он художественный выразитель упадочных настроений в нашей среде. Далее, обидившись, что пролетарскую литературу кто - то осмелился назвать казенщиной, штампом, фальшью, редакция недвусмысленно предупреждает эту «гниль», что ее «заставят убраться с пути». Весь «журнал» выдержан все в тех же «ура - патриотических», т. е. «ура - пролетарских» тонах. Зонин смешивает с грязью некоего т. Дубовского, который потихоньку осмелился присвоить себе патент на «сверх - рабочего», взятый напостовцами. М. Лузгин обрушивается на т. Чужака, неизвестно за что, главным образом за то, повидимому, что Чужак пишет в «Лефе», а не в «На посту». С. Малахов ругает заумников, считая, что творчество зауми не есть искусство, а только своеобразно (!) выраженная идеология (!), наиболее общественно разложившейся группы мелко - буржуазной интеллигенции». Наконец, не уставая поносить все и вся редакция решает окончательно доканать читателя и помещает «краткое изложение большой работы» Я. Лерса «Творчество Бор. Пильняка, как зарождение художественной идеологии новой буржуазии». В этой статье Лерс склоняет по всем падежам слова «буржуа» и «буржуазия», расшифровывает темные места Пильняковского творчества, попутно приходит в восторг от эротики Пильняка, хотя и считает ее «эротикой современного кулака» и наконец добирается до общих выводов: «Пильняк талантливый и, безусловно крупный писатель». Однако тут же спохватившись, с почтительным поклоном в сторону напостовцев, прибавляет: «Но если Пильняк не изменит подхода к жизни (вспомните передовую!), если он не подчинится тенденциям социалистического роста, — он обречен (курсив подлинника)».

Наконец, редакция, чувствуя, что надо дать передышку читателю, помещает хвалебную статейку А. Осенева об И. Доронине. Доронин поэт слабый, но характерно, как Осенев хвалит его: «Недаром Доронин так горячо отзывается на смерть великого вождя:

Был Ильич - не стало Ильича,

Смычки (курс Доронина) гения не стало. В этих строках все ценное о Доронине». Смычка, — что уж и говорить — действительно ценное. Далее Красильников похваливает молодых поэтов, С. Вельман, все тем же «ура — пролетарским подходом пишет о Р. Гагоре, Л. Авербах поносит Л. Гробаря, осмелившегося уйти от напостовцев и даже (!) подписать письмо в Ц. К. направленное против Лелевича (Лелевич, критик, напостовец). Наконец еще и еще: К. Минаев, воспользовавшись откровенностью Н. Асеева, написавшего, про себя, что «нужности и необходимости своего дела не ощущаю», читает ему длинное нравоучение о том, как должен жить и работать пролетарский писатель, Жаров и Уткин вспомнили о личности писателя, считая, что необходимо создать профессиональную гордость». Здесь же, среди этих статей, каким то С. К-овым, благоразумно скрывшим свою фамилию, помещено стихотворение о чванстве, посвященное, как не трудно догадаться, Луначарскому. Нельзя отказать себе в удовольствии привести его целиком:

Ты чванство — камертон бессмысленно дрожащий,
Ты — чванство — жест руки, чтоб запонкой блеснуть,
Глядите: вот оно — с походкой незвучащей
Бездонность глухоты и ослепленья муть.
Глядите: сквозь толпы замызанную чашу,
Надменною рукой прокладывая путь, —
Проносит осторожно, чтоб не расплеснуть
Себя, достоинством наполненную чашу.
Ты — чванство — пустота — в такой же пустоте.
Тебя, по общей человеческой простоте,
Считают мраморным, картонный Капитолий,
Дешевого кино минутный боевик,
Скажи, пустой пузырь, в какой безумный миг
Тебя надул известный Анатолий.

В этом же номере «На посту» помещена обширная переписка, вызванная письмом Вербицкой, которая уже была освещена в зарубежной печати. Несколько библиографических статей, серых и скучных, оканчивают «литературную» часть номера. В самом конце обращают на себя внимание удачные пародии на Гладкова, Вс. Иванова и «Королеву Полей», символизирующую переводные романы. Привожу несколько строк из последней пародии, — они довольно прозрачно намекают на то, какими способами умудряются печатать сов. издательства неудобные марксистами книги:.... «потому то мы и предлагаем эту пошлую и похабную книгу советскому читателю. В ней черным по белому выражается гниение и разложение разлагающегося и гниющего буржуазного общества».

А. Леонидов

Систематический указатель статей, помещенных в Воле России за 1922 — 26 г. г.

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ, СТИХОТВОРЕНИЯ

- Андреев В.** Сонеты 3 — 1924; Стихотворения 6, 12 — 1926.
Аполлинэр Г. Пражский прохожий (рассказ) 5 — 1925.
- Бальмонт К.** Воля России 1, 2 — 1924; Дыхание Ганга (поэма) — 1, 2 - 1924; Из книги «В дали раздвинутой»—8, 9, — 1924; Стихи 14, 15, 16, 17 — 1924; Стихи 2 — 1925; Скандинавская мудрость 2 — 1926. В плавильнике 4 — 1926.
Бальзак О. Неведомое творение 10 — 1926.
Безпалов Н. Исповедь сотрудника Г. П. У. — 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 — 1924.
- Берберова Н.** Стихотворение 1, 2 — 1924.
Болеслус Н. Стихи 11 — 1925.
Борисов Н. Стихи 3 — 1926.
Бржезина О. Стихи — 16, 17 - 1924.
Булкин А. Стихи 3, 6 — 1926.
Белый А. Кайруан (Очерки Африки) 1 — 1923.
- Ванчура В.** Из книги «Течение Амазонки», 6 — 1925.
Вильдрак Шарль Рассказы 18, 19 — 1924.
Волошин Максим. Космос (поэма) 1, 2 — 1924.
Волькер Ю. Баллада о моряке—4 - 1924. О миллионере, котор. украл солнце (сказка). Пер. В. Вершак 16, 17 — 1924.
- Гингер А.** Стихи 3, 6 — 1926.
Голечек И. Христос и пахарь (поэма) 6, 7 — 1923.
Гусев К. Про шинкарочку 8, 9 — 1926.
Гексин Ю. Повелитель матери 8, 9 — 1926.
- Данилов Ю.** Клим Семенов. Барышкин (повесть) 7, 8, 9, 11 — 1925.
- Доминский С.** Золотая пагуба (рассказ) 4 — 1923.
Дюгамель Ж. Назначение поэта 8, 9 — 1923.
- Жемчужникова Н.** Стихотворения 6 — 1926.
- Замятин Е.** Божий зевок, письма (рассказ) 15 — 1923; Икс 8, 9 — 1926.
- Зайцев Б.** Дон - Жуан (драм. сцены) 4 — 1922; Новый день (рассказ) 5 — 1923.

- Каллиников И.** Стихотворения 5 — 1922; Опустошение (повесть) 4, 5 — 1925.
- Колбасина О.** На Волге (из тюремн. впечатлений) 5 — 1922. На Волге (рас.) 8, 9 — 1923. Яблоня 11 — 1926.
- Крачковский Д.** Любовь (рас.) 16 — 1923.
- Кузнецова Г.** Стихи 5 — 1926.
- Кнут Д.** Стихи 3, 6 — 1926. Ковчег 10 — 1926.
- Ладинский А.** Стихи 3, 6 — 1926. Стихи о Московии 4 — 1926. Аргонавты 10 — 1926.
- Лебедев В.** Мусс - Алла 4 — 1923. Оранжевый дом 1, 2 — 1924.
- Леонов Л.** Петушихинский пролом (пов.) 1, 2 — 1925.
- Лурье В.** Стихотворения 1 — 1923.
- Луцкий С.** Стихи 3, 6 — 1926.
- Люнель Б. де.** Вид из нашего окошка (пьеса) 6, 7 — 1924. Верный Иаков (сатира) 6 — 1925.
- Г. М.** Юрка с козой (чешск. сказ.) 5 — 1923.
- Маковский С.** Лик (стихотв.) 2 — 1923.
- Махар И.** Стихи. Пер. П. Потемкина — 12, 13 — 1924.
- Матусевич И.** В засадах 7 — 1922. Московские очерки 6, 7 — 1923.
- Недзелский Е.** Дырочки в поясе 10 — 1926.
- Немирович-Данченко В.** Большевики (рас.) 3 — 1923. Молодой человек на хорошей дороге (расск.) 11 — 1923.
- Неруда Ян.** Пражская идиллия (перев.) с чешского) 20 — 1923.
- Нечитайлова В.** Старо - болгарские песни 4, 9, 10 — 1925.
- Новиков И.** Домком на работе (рассказ) 14 — 1923.
- Орловский В.** Стихотворения 5 — 1922.
- Парнах** Стихи 6 — 1926.
- Пильняк Б.** Поезд № 57 — смешанный 8 — 1922.
- Познер.** Смерть 3 — 1926. Стихи 6 — 1926.
- Постникова Е.** Юность 2 — 1926.
- Постникова Е.** Детство в Киеве 7, 8 — 1925.
- Потемкин П.** Двое (стихотворение) 4 — 1922.
- Пруст М.** Смерть Альбертины 11 — 1925.
- Присманова А.** Стихи 3 — 1926. Зеленый дворик 6 — 1926.
- Пуйманова- Веннерова.** Девочка 14 лет из мещанской семьи 22 — 1922.
- Рафальский С.** Планетарит (поэма) 11 — 1925
- Ремизов А.** Русские повести 1, 3 — 1922. Цепь золотая 2 — 1923. Росталь (из временника 17-го года) — 1, 2 - 1924. С огненной пастью (ром.) 14, 15, 16, 17, 18, 19 — 1924. 1, 2, 3 — 1925. Из книги «Взвихренная Русь» 2, 3 — 1926. Про любовь 5 — 1926. Покажу Вам дьявола 6, 7 — 1926. Сговорная 10 — 1926.
- Резников Д.** Стихи 3 — 1926.
- Роллан Р.** Аннета (отрывок из романа) 8, 9 — 1924. Игра любви и смерти 1 — 1926.
- Ромэн Ж.** Дварцать второе января (рассказ) 3 — 1924.
- Семенов С.** Стихи 11 — 1925.
- Слоним М.** Американские впечатления 11 — 1926.

- Сова А.
Сосинский Б.
Струве М. Стихи, перев. П. Потемкина — 12, 13 — 1924.
Ита Вита 4 — 1926.
Стихи — 3 — 1926. Море — 6 — 1926.
- Тасин Н.
Терапиано. Зоотарвы 17 — 1922.
Растрел — 3 - 1926. Сад (рас) — 3 - 1926.
Стихи — 6 — 1926.
- Тео Пеле
Туринцев А.
Тышка К. Пять месяцев у ацтеков 18, 19 — 1924.
Конница — 11 — 1925.
Моя подруга — 2 — 1922.
- Франс А. Мария Багратион — 1, 2 — 1924.
- Ходасевич В. Стихи 2 — 1922. Стихи 1, 2 — 1924.
- Цветаяева М. Сугробы (стихи) — 26, 27 — 1922.
Приключение (в 5 карт.) — 18, 19 — 1923. Отрывки из книги «Земные приметы» — 1, 2 - 1924. Феникс (пьеса в 3 карт., в стихах) 8, 9 — 1924. Стихи — 14, 15 — 1924. Полотеры 1 — 1925. Аля 2 — 1925. Из юношеских стихов 3 — 1925. Крысолов — (лирическая сатира) 4, 5, 6, 7, 8, 12 — 1925 и 1 — 1926. Герой труда (записки о В. Брюсове) 9, 10, 11 — 1925. Сивилла 5 — 1926. Деревья 8, 9 — 1926. Лестница 11 — 1926.
- Шаховской Д. Три стихотворения — 12 - 1925.
- Щедрин. Неизданные произведения 12 — 1926.
- Чапек К. Жестокий (рас.), пер. Калмишкова И. 12, 13 — 1924.
- Черный А. На Литве (стихи) 6 — 1922.
- Юшкевич С. Страсти 10 — 1923. Все в масках, кроме одной 12 — 1926.
- Эбергард И. В горячей тени Ислама (рассказы) 7, 8 — 1925.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА, ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ

- Аратов Б. Русские журналы за-границей 20 — 1922. В стране живого Будды 9, 10 — 1925. Переводн. литература в России — 11 - 1926.
- Архангельский В. Борьба с разумом (о Л. Шестове) 8, 9 — 1923. Средний человек о христианской культуре 2 — 1925. О религиозном фронте эмиграции 12 — 1925. Переводная литература 1 — 1926. Современная деревня в художественной литературе 5 — 1926.
- В. А. Что читает эмиграция — 9, 10 - 1925.
- В. А. Провокация среди декабристов — 12 - 1925.
- Библиофил. Антирелигиозная литература в России — 14, 15 - 1924.
- Близкий Из современной белорусской литературы — 7 - 1922.

- Брага Д.** Обзор современ. франц. литературы — 7 - 1923.
Письма о французск. литературе — 3 - 1924.
- Булгаков В.** Новые рукописи Л. Толстого — 1 - 1924. Л Толстой и судьбы русского антимилитаризма — 14, 15 - 1924. Встреча с Р. Роланом — 1 - 1926.
- Войтинский В.** Труд Советского фельдмаршала — 19 - 1922.
- Гарденин Ю.** Н. Михайловский (к 20 - летию со дня смерти) — 3 - 1924.
- Гуревич В.** О сборниках «На Чужой Стороне» — 1 - 1925.
- Даманская А.** Немецкая литература в 1922 г. — 1 - 1923.
Данилов Ю. Последние Римляне — 18, 19 - 1924.
Дьяболо. Новый Победоносец — 7, 8 - 1925.
Декабрев В. Новости французской литературы — 8, 9 - 1926.
Диксон В. О любви к России — 11 - 1926.
- Елинек Гануш.** Письма о чешской литературе (Махар, Сова, Медек и Дик) — 8, 9, 10, 11, 12, 13 - 1924. Письма о чешск. литературе (Братья Чанеки) — 1 - 1925.
- Зноско - Боровский Е.** Творческий путь А. Ахматовой — 10 - 1923. Б. Пастернак — 18 - 1923. О современной поэзии (М. Шкапская) — 16 - 1923. Н. К. Архив Н. П. Огарева — 19 - 1923. Заметки о рус. поэзии — 3, 16, 17 - 1924. Парижские поэты — 1 - 1926. Немирович - Данченко или Станиславский — 10 - 1926.
- Коптев Н.** Книги о поэзии — 5 - 1924. Новые книги о Пушкине — 1, 2 - 1924. Новое о Гончарове и Тургеневе — 18, 19 - 1924.
- Лапшин И.** О двух планах реальности житейской и художественной — 10 - 1926. Б. Сметана — 5 - 1924. Умирание искусства — 16, 17 - 1924.
- Левенбах И.** Чешская опера на русскую тему — 13 - 1923.
Лебедев В. Изабелла Эбергард — 7, 8 - 1925.
Лутохин Д. Растрченный талант (о дневн. Суворина) — 1, 2 - 1924. Вешняя книга, Дело Артамоновых — 4 - 1926. Оргия пошлости — 6, 7 - 1926.
- Д. Л.** Брусилов о себе и о своих судьях — 18, 19 - 1924.
Ляцкий Е. Художественная стихия в творчестве Ф. Достоевского — 4 - 1922. Житие великого грешника — 21 - 1922. Пути к великому — 26, 27 - 1922.
- Манн Т.** Гете и Толстой — 18, 19, 20 - 1922.
И. М. Сожженная книга — 28 - 1922.
- Мельникова - Папоушек Н.** Ф. Билек — 2 - 1923. Л. Леонов — 1 - 1925. О камерном театре — 3 - 1925. Творчество Сейфулиной — 4 - 1925. Россия (из книги «О Блоке») — 7, 8 - 1925. Ш. Дерен и его животн. эпос — 1 - 1926. О «Благонамеренности» — 5 - 1926. Неизданные стихи Блока — 6, 7 - 1926. Конармия — 8, 9 - 1926. Нов. романы Эренбурга — 10 - 1926. Театральн. мемуары — 10 - 1926.

- Милославский П.** Русск. книга за рубежом в 1924 г. — 2 - 1925. Небрежная любовь — 6 - 1925. Друзья русской книги — 9, 10 - 1925. Как живут и работают писатели в России — 11 - 1925. Литература о декабристах в России — 11 - 1925.
- Муратов П.** Театр Пиранделло — 2 - 1926. Жан Жиранду — 4 - 1926.
- Недзельский Е.** Народн. поэзия в годы революции — 5, 6, 7 - 1924. Зарубежные поэты — 8, 9 - 1926. Памяти Есенина — 11 - 1926. Дар скромности и созерцания — (О Б. Зайцеве) — 12 - 1926.
- Постников С.** По поводу (о русск. Современнике) — 1 - 1925. «Красная Новь» — 3 - 1925. «Современные Записки» — 5 - 1925. «Печать и революция» — 9, 10 - 1925. Русск. зарубежная литература в 1925 г. — 2 - 1926. Веер (журнальное обозрение) — 12 - 1926.
- П.** Литературный конкурс «Звена» — 9, 10 — 1925.
- С. И. Р.** Дугласизм — 12 - 1922.
- Ремизов А.** О разных книгах — 8, 9 - 1926.
- Раппопорт С.** Богоподобные люди (нов. роман Уэллса) — 13 - 1923. Письма Мадзини и герои английского романа — 3 - 1922. Ленин и Троцкий, как герои английского романа — 3 - 1922. Герцен среди англичан — 18, 19 - 1924. Шоу, как философ и мыслитель — 3 - 1926. Хождение в народ на английский лад — 12 - 1926.
- Репейников Ф.** Ликвидировать ли литературу? — 14, 15 - 1924. Белая «наука» — 16, 17 - 1924. Культурная тоска (письма Щедрина) — 3 - 1925.
- Рубакин Н.** Рукописи Шервуда и Николаева — 12 - 1925.
- Sergius** Пауль Натори — 8, 9 - 1924.
- Слоним М.** 1922 год: Р. Тагор - Дом и мир — 3. Обзор журналов — 4. Поэзия Сологуба — 7. Обзор журналов — 9. Письма Короленко — 11. Роман приключений — 12. Литература и революция — 16. Хвала мужественности — 23 - 4. Последн. книги А. Ремизова — 20. Серапионовы братья — 1. Евразийцы — 2.
1923 год: «Энергия» — 5. «Тяжелая лира» — 6, 7. О Замятине — 5 и 9. Роман лейтенанта Шмидта — 11. Литературная чека — 20.
1924 год: Литературные отклики (живая литература и мертвые критики) — 4. Литературные отклики (Об А. Толстом) — 12, 13. Зарубежные журналы и альманахи — 14, 15. А. Франс — 16, 17.
1925 год: Литературные задворки — 1. Литература Эмиграции — 2, 4. Романы Алданова — 6. Альманах «Круг» — 7, 8. Голубые города (совет. беллетристика) — 11. Предтечи и потомки (о декабристах) — 12.

- М. Сл.** 1926 год: Литературные отклики — 8, 9. Обзор журналов — 10.
Последн. стихи Брюсова — 2 - 1925. Альманах «Ковш» — 6 - 1925. Блатной язык — 9, 10 - 1925. Альм. «Прибой» — 11 - 1925. По новым книгам (Бабель, Есенин, «Красн. Новь») — 12 - 1925.
- Святополк - Мирский.** Есенин — 4 - 1926. «Крысолов» Цветаевой — 6, 7 - 1926.
- Столпник.** Книги о Блоке — 2 - 1925.
- Тернев В.** Потрясающая книга («Государева тюрьма») — 10, 11 - 1924.
- Томкеев С.** Прогресс науки — 11 - 1922.
Современная алхимия — 1923.
- Толстой Л.** Из черновиков Николая Палкина — 1 - 1922.
- Туган - Барановский М.** Нравственное мировоззрение Ф. Достоевского — 14 - 1923.
- Тукалевский В.** Эмигрантские журналы — 8, 9 — - 1924. Российские журналы — 12, 13 - 1924. «Жар - Птица» 14, 15 - 1924. Молодежь 16, 17 - 1924.
- Ульянов Н.** Белый уголь — 2 - 1925. Из хроники науки и техники — 4 - 1925.
- Ходасевич В.** Молитва Иосифу (о Пушкине) — 1, 2 - 1924.
Гробница поэта (о Пушкине) — 8, 9 - 1924.
- Шкловский В.** Евгений Онегин (Пушкин и Стери) — 6 - 1922.
- Шварц М.** Зиммель о трагедии современной культуры — 7 - 1922.
- Чернов В.** Индивидуальность и кризис культуры — 3 - 1922.

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

- Агеев А.** Судьбы казачества — 9, 10 - 1922. Врангелнада — 15, 16 - 1922.
- Аграрная анкета** Статьи: Вандервельде, Бекстона, Жуо, Баузра, Стивина, Дана и Чернова — 1 - 1926.
- Альгрэн** Вокруг да около (около коммунистич. дискуссий) — 11 - 1923.
- Аратов Б.** Монархизм с оговорками — 4 - 1922. Троцкий об октябре — 1 - 1925.
- Архангельский В.** Борьба с небом — 15 - 1923. Из мира блужданий — 10 - 1923. Пореволуционное дно — 8, 9 - 1924. Ревнителн самодержавия — 18, 19 - 1924. Рабочий класс в Сов. России — 8, 9 - 1926.
- Бенеш Эд.** Иностранная политика и демократия — 12, 13 - 1923.
- Булатов В.** Враждующие близнецы (фашизм и коммунизм) — 14, 15 - 1924.
- Быстров Н.** Ответ на демагогию — 26, 27 - 1922.
- Верещак С.** Студенты — 6, 7 - 1923. Рус. эмигрантск. студенчество — 20 - 1923. Соввласть и школа — 18, 19 - 1924.

- Васильев В.** Профес. образование беженцев в ЧСР — 17 - 1922.
- Васильевский В.** Казаки в Эмиграции — 2, 3 - 1926.
- Войтинский В.** Большевист. политика на Востоке — 9 - 1922.
- Воронович Н.** Голод и с-хоз. кризис в России — 14, 15 - 1924.
В защиту русского труда за - границей — 5 - 1926.
- Ганицкий П.** Масарикова Академия Труда — 12, 13 - 1924.
- Гуревич В.** Проблема власти в Новой России — 3 - 1923. Ме-
щанство от революции — 8, 9 - 1923. Реальная по-
литика в революции — 12, 14 - 1923. Дела и дни
белого адмирала — 1 - 1924.
- Даманская А.** Эмиграция французск. революции — 12 - 1925.
- Дьябло** Школа обогащения — 12, 13 - 1924.
- Евгеньев Е.** Кризис Антанты — 21 - 1922.
- Junior** Бурж. реставрация и рев. народничество — 19 -
1923.
- Жорж Ж.** Цивилизация и социализм — 14, 15 - 1924.
- Зензинов В.** Голод — 1 - 1922.
- Зомбарт В.** О кооперации — 7 - 1922.
- Зритель.** Старики (из бесед с монархистами) 6, 7 - 1923.
Россия в наши дни — 15 - 1923.
- Зубелевич Ю.** Безпризорн. дети в России — 12, 13 - 1924.
- Кочаровский К.** Строеие России — 1, 2 - 1922. Интеллигенция.
Крестьянство — 25 - 1922. Пути открыты — 26,
27 - 1922. Политическое строеие России — 4, 5 -
1924. Община в революции и контрреволюции —
18, 19 - 1924. Образцовые общины — 11 - 1925.
Новое познание народа — 11 - 1925. Социальный
строй России — 3, 4, 5, 6, 7 - 1926. О книге Ста-
линского — 4 - 1926.
- А. К.** К истории возникновения Русского Студ. Союза
— 15, 16 - 1922.
- Кожухова А.** Постановка помощи русским беженцам в ЧСР —
22 - 1922.
- Кастрилин В.** Работники умствен. труда — 16 - 1923.
- Кускова Е.** А что внутри? — 6 и 7 - 1922.
- Лазарев Е.** Реконструкция Европы — 17 - 1922. Советский
рубль — 20 - 1922. Медный жетонъ — 4 - 1922.
Путь к социализму — 9 - 1922. Л. Мадлен —
«Французская революция» — 18 - 1922. Научная
организация труда — 14, 15 - 1924.
- Лебедев В.** 1922 год: Помощь Чехословакии — 1. Возвра-
щение в Россию — 3. Грозное предостережение
— 14. Отчаянное средство — 15. Крестный путь.
— 17. Торговый договор ЧСР с Россией — 22. За
что их судят — 23, 24. Мысли о рус. эмиграции
25, 26 - 27. Перед приговором — 28. Россия, сла-
вянство и интервенции — 6 - 1922. Случай с Аге-
евым — 7.
1923 год: Новое миросозерцание (вокруг кре-
стьянства) — 6, 7. На путях славянского сближе-
ния — 18. Крестьянский коминтерн — 20.

- Лебедев В.** 1924 год: Возобновление дипломатических сношений с Россией — 3. Чехословацкая политика царск. правительства — 8, 9. Год преступлений и убийств — 12, 13. Конец Савинкова — 10.
1925 год: Славянский мир — 1. Армия последней реакции — 2, 4. Эмиграция и Россия — 11, 12.
1926 год: Скверный анекдот (о Зарубежном съезде) — 4. Жгучий вопрос эмиграции — 5. Тайна посмертного рассказа (о Савинкове) — 11.
1926 год: О ренессансе, сухопарых бегунах, плацдарме и народничестве — 12.
- В. Л.** Чехословацкий фронт в процессе с.-революционеров — 23, 24 - 1922.
- Лутохин Д.** Россия и эмиграция — 11 - 1923. Коммунизм Деревянного века — 4 - 1924. Экономическая литература в России — 1 - 1925. Обществоведение в Сов. России — 12 - 1926.
- Мансветов Ф.** Дайренские переговоры — 15 - 1922. Реакция у власти — 14 - 1922.
- Минахорян В.** Советская Армения — 12, 13 - 1924.
- Мирский Б.** Молот ведьм — 5 - 1923. Трои и алтарь (беженский клерикализм) — 14 - 1923.
- В. Ф. М.** Россия и нефть — 15, 16 - 1923.
- В. У. М.** Вымирающая Россия — 3 - 1923.
- Н. М.** Политич. партии Дальневосточной Республики — 3 - 1923.
- Неизвестные документы** из царского архива — 8, 9 - 1924.
- Новиков С.** Земгор в Белграде — 4 - 1925.
- Оберучев К.** «Ара» в голодающей России — 1 - 1922.
- Олар А.** Две революции (1889 и 1917) — 20 - 1923.
- Орлушин П.** Уничтожение народных богатств — 23, 24 - 1922. Разрушение нефтян. промышленности в России — 2 - 1922. Нефть, как политико - эконом. фактор — 6 - 1925. Нефть в распоряжении Советской власти — 11 - 1925.
- Осоргин М.** Итальянские письма — 15 - 1923.
- Пешехонов А.** К вопросу о социальн. природе крестьянства — 4 - 1925. Родина и эмиграция — 7, 8, 9, 10 11 - 1925. Опыт национализации — 8, 9, 10, 12 - 1926.
- Радченко Г.** Основные тенденции в развитии современной кооперации — 2 - 1926.
- Раковский Г.** Зарубежное казачество — 1 - 1922. О русской эмиграции — 20 - 1922. Среди казаков 25 - 1922. Борьба за раскрепощение казачества — 17 - 1923.
- Репейников Ф.** Лицо революции 4 - 1925. У истоков жизни — 1 - 1925.
- Россель Л.** Пражский Земгор — 4 - 1923. Пятилетие Пражского Земгора — 3 - 1926.
- Русанов Н.** Легенда и действительность большевизма — 20 - 1922.
- Н. Р.** Студенчество под надзором 10 - 1922.
- С. И. Р.** Социализм и свобода — 5 - 1922.
- С. И. Р.** Услужливый коммунист — 16 - 1922.

- С. И. Р. Арена петушиных боев — 20 - 1922.
 С. И. Р. В глубине России — 25 - 1922.
 Слоним М. 1922 год: Метаморфозы национал - либерализма
 2. Пытка голодом — 4. Кризис эмиграции — 6.
 Годовщина революции — 10. Россия и Европа —
 18. Нефтяные владыки — 19. Болгария и Вран-
 гель — 20. О республиканском объединении —
 5. Студенчество за рубежом — 7.
 1923 год: Спор о признании — 15. Слова и мас-
 ки (о национальном объединении) — 16. Наши
 разногласия — 18. Гамбургский конгресс — 10.
 1924 год: Бессарабский вопрос — 6 - 7.
 Не загадочная загадка — 2 - 1922. Революция или
 мравта — 4 - 1922. О «нашеваменцах».
 Сорокин П. Нравственное и умственное состояние Соврем.
 России — 4 и 5 - 1922. Еще раз о моральн. состо-
 янии России (ответ Е. Д. Кусковой) — 1 - 1923.
 Ближайшие перспективы эконом. развития Рос-
 сии — 2 - 1922.
 Смигог М. 1922 год: Большевиcтский термидор — 14. Боль-
 шевизм и бонапартизм — 15. Бонапартизмъ или
 народовластие? — 18. Взгляд в будущее — 20.
 Московский процесс и единый фронт — 26 - 27.
 1923 год: Кто будет строить Новую оРссию —
 17. Политические иллюзии (о Миллюкове, правых
 с - р. и политических соглашениях — 20.
 Сталинский Е. 1924 год: Критика эсэров — 1, 2. Меньшевики и
 революция — 6, 7. Патриотизм и либерализм в
 белом движении — 8, 9. Об одном объединении
 — 10, 11. Догматизм и постепеновщина — 12, 13.
 Социализм Жорэса — 14, 15. Мания самоограни-
 чения — 16, 17.
 1925 год: Буржуазная или трудовая революция
 — 1. Оценки большевизма (Каутский, Дан) — 2.
 Русская революция и западн. Эволюция — 4.
 «Перерождение большевизма» — 6. На междуна-
 родном фронте большевизма — 11. На внутрен-
 нем фронте большевизма — 12.
 1926 год: Социализм и крестьянство — 1. Путь
 НЭП-а (из итогов XIV с'езда Р.К.П.) — 2. Кре-
 стьянство в судьбах Россий — 4. Исторический
 конфликт (английская забастовка) — 5. Пере-
 делка России — 6, 7. Каким путем (кризис боль-
 шевизма и революционное народничество) — 8.
 9. Большевиcтское отступление (итоги дискуссии
 и капитуляции) — 11. Ответ Пешехонову — 12.
 Приват - дипломаты — 5 - 1922. Со ступеньки на
 ступеньку — 6 - 1922.
 3. С. 1922 год: Мнимая опасность — 1. Л - Джордж
 и Кремль — 2. Двойной маневр — 3. Кремль и Ге-
 нуя — 5. Процесс эсэров — 10. Международный
 социализм и суд над эсэрами — 12. Кремлевская
 пифия — 13. Прокурорская социология — 22.
 Борьба за право — 23 - 24. Вена, Лондон, Москва
 — 1. Политическая алгебра — 3.
 Сухомлин В. 1923 год: Старая и новая Россия — 1. Политиче-
 ские заметки (Коалиция за-границей. О трагедии

- единого фронта. О. Бауэр о принципиальной коалиции. С кем и для чего нужна коалиция) — 2. Что такое буржуазная коалиция — 4. Гниение или рождение в новую жизнь. Взыскующие града — 5.
- 1923 год:** Перед Гамбургом, Европейские социалисты и проблема власти — 8, 9. Демократия и революция — 11. Эмиграция и оставшиеся — 13. Меншевики и эсэры — 17. Рабоче - крестьянский союз — 19.
- 1924 год:** Политические заметки (кризис РКП). — 5. Полит. заметки — 8, 9. Д. Матеоти — 12, 13. Полит. заметки (Экономисты Коминтерна или революцион. астрономия) — 16, 17.
- 1925 год:** Политические заметки — 1, 3, 6. Победителей не судят — 7, 8. «Эсэровские путанники» и меньшевистский Ясновидец — 9, 10.
- 1926 год:** Подготовка Октября и револ. тактика — 3. Политические заметки — 6, 7, 8, 9, 11. Задачи социал. движения в России — 12.
- Студент.** Непрошенные опекуны — 12 - 1922. Аполитичность — 14 - 1922. В студенческих организациях 20 - 1922.
- Суровцев В.** Эволюционирует ли большевизм? — 7 - 1922. Россия и мирные договоры — 10 - 1922. Итоги — 28 - 1922.
- Тотомианц В.** Современные теории кооперации — 6, 7 - 1923.
- Уланов Б.** Донские калмыки — 11 - 1922.
- Фальчиков Г.** «Белое движение» — 18, 19 - 1924.
- Цаликов А.** На северном Кавказе — 18, 19 - 1924.
- Шаповал Н.** Развитие и совр. состояние укр. социал. движения — 1 - 1926.
- Шрейдер Г.** В беличьем колесе (к вопросу о смычке с крестьянством) — 10 - 1923. К вопросу об изучении заграничной жизни — 1 - 1925. Лицом к деревне — 3 - 1925. Отмирание Советов — 5 - 1925.
- Шрейдер Ев.** «Индустриальный феодализм» в Сов. России — 18, 19 - 1924.
- Чернов В.** Параллели и контрасты — 1 - 1922. Новая веха больш. эволюции — 2 - 1922. «Отцы» и «дети» — 5 - 1922. О сущности русской революции — 7 - 1922. В натуральную величину — 10 - 1922. Старая и новая буржуазия — 13 - 1922. Уроки коммунист. опыта — 17, 18 - 1923. Исповедь навыворот (о брошюре Пешехонова) — 13 - 1923. Разрушение вместо созидания — 1, 2 - 1924. Ленин — 3 - 1924. Повторный курс старой демагогии — 8, 9 - 1924. Малозагадочная метаморфоза — 12, 13 - 1924. Савинков в рядах П. С. Р. — 14, 15 - 1924. «Сугубо деловой» с'езд — 18, 19 - 1924.

- Историк или истерик (о С. Мельгунове — 3 - 1925. Мир, меч и мир (Ильин, Бердяев и друг.) — 7, 8 - 1925.
Чумаков А. Корабль смерти — 1, 2 - 1922.
Юшманов Е. Кооперативное движение в русской деревне — 12 - 1922.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

- Андерсен А.** Социалистическое правительство в Дании — 14, 15 - 1924.
Аратов Б. Позиция Америки — 5 - 1922.
Арсенидзе. Политическ. партии Грузии — 12 - 1926.
Белорус. Виленский вопрос — 2 - 1922.
Бенеш Эд. Мировой кризис и его разрешение — 2 - 1923. Смысл чешской революции 6, 7, 8, 9 - 1923. Славияне и Западная Европа — 15 - 1923. Чехословацкая интервенция в России — 10, 11 - 1924. Затруднения демократии — 16, 17, 18, 19 - 1924. Проблемы славянской политики — 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 - 1926.
Бернштейн Эд. Правители Европы — 5 - 1923.
Бласко - Ибаньес. Разоблаченный Альфонс XIII — 1, 2, 4, 5 - 1925.
Брейтшейд Р. К Раппальскому договору — 22 - 1922. Локарно и герман. социалдемократия — 11 - 1925. Россия и Европа — 5 - 1926.
Булатов П. Вудро Вильсон — 4 - 1924.
Б. С. Социализм в Чехословакии — 2 - 1925.
Ван - Чунг - Ху. Новый Китай — 6 - 1925.
Вандервельде Э. Как мы вошли в бельгийское правительство — 3 - 1923. Интернационал — 14, 15 - 1924.
Вебб Сидней Рабочее движение и промышленный кризис в Англии — 10 - 1923.
Вотерс Жозеф. Политическая Эволюция в Бельгии — 6, 7 - 1924.
Врацили С. Зарубежная Армения — 10 - 1926.
Ганицкий П. Очередные задачи чехословацкой промышленной политики — 1 - 1923.
Г. С. Англия и проливы — 2 - 1922.
Герш Л. Лига Наций и мир — 16, 17 - 1924.
Гильфердинг Р. Война, разоружение и милитаристическая политика — 6, 7 - 1926.
Голувко Т. Вопрос о русск. нац. меньшинстве в Польше — 4 - 1925. Причины и последствия переворота в Польше — 8, 9 - 1926.
Гурвич-Глуховский И. Германия и Восток — 22 - 1922. Денежное обращение в Чехословакии — 18 - 1922.
Дуккурс Р. Политич. партии и политич. жизнь в Латвии — 4 1926.
Евгеньев Е. Кризис коалиции в Англии — 12 - 1922. Союзники на ближнем Востоке — 16 - 1922.
Жез. Г. Французск. финансовый кризис — 3 - 1926.

- Зиборди Д.** Фашизм на ущербе 2, 3 - 1925.
Судьбы фашизма — 9, 10 - 1925.
- Каганек Ф.** Выборы в Чехословакии — 17 - 1923.
Кейне Д. К открытию конференции в Генуе — 15 - 1922.
Каутский К. Социалисты и Лига Наций 8, 9 - 1924. Политическое завещание Энгельса — 1926.
- Кречевский П.** Итоги плебисцита в Белорус. — 26, 27 - 1922.
К. Б. Чехословакия и Россия — 25 - 1922.
Кочеткова З. Социалистическое воспитание масс в Бельгии — 7, 8 - 1925.
- Лазарев Е.** Две страны неограничен. возможностей — 13 - 1922. 50-летний юбилей Чехослов. с - демократ. партии — 2 - 1922. Земельн. реформа в Средн. Европе — 6, 7 - 1923.
- Лебедев В.** 1922 год: На защиту всех узников — 4. Японская канитель — 5. Европа на полустанке — 15. К Раппальскому договору — 28. «Тырновская революция» — 2.
1923 год: Болгарский переворот — 12, 14. Вопрос совести (по поводу болг. события) — 17.
Венгерская проблема — 1 - 1926.
Социал - демократия у власти в Швеции — 18, 19 - 1924.
- Линдер Бела**
Рихард Линдстром.
- Майер Г.** Лассаль и Гейне — 25 - 1922. Маркс и Лассаль — 28 - 1922.
- Макдональд Р.** Иностранная политика английской рабочей партии — 5, 8, 9 - 1924. Что такое социализм — 18, 19 - 1924.
- Масарик Т.** Славяне после войны — 3 - 1923. Ян Гус и чешская реформация — 7, 8 - 1925. Новая Европа — 3 - 1925.
- Мартна М.** Политические партии Эстонии 5, 6, 7 - 1926.
Минахорян В. Через труп целого народа — 2 - 1925.
Моделияни Д. Экономика и политика итальянского фашизма — 12 - 1926.
- М. — В. И.** Смерть Рашина — 4 - 1923.
- Неголицкий - Немец А.** Чехословацк. социалистич. партии — 6 - 1922.
- Одибер П.** Франция и мир — 6, 7 - 1924.
Олар А.
- Пьер Андрей** Жорэс и экономич. материализм — 3 - 1925.
Французские выборы — 10, 11 - 1924.
- Раппопорт С.** Три Кита Англии — 1 - 1922.
Ренодель П. Политич. положение Франции — 5 - 1926.
Р. Г. В югославии — 21 - 1922.
Р. С. И. Стачка хозяев — 14 - 1922. Демократическая печать в Англии — 21 - 1922.
Р. С. И. Франция на повороте — 2 - 1922. Вокруг единого фронта — 7 - 1922.
Рубанович И.
- Русанов Н.** Европа после войны — 6 - 1922. В. Ратенау — 26, 27 - 1922.
- Сантьяго Э.** Испания под властью милитаризма — 16, 17 - 1923.

- Свенторжецкий Р.** Политические партии Финляндии — 11, 12 - 1925.
 Политич. парт. Финляндии — 3 - 1926.
- Сеньобс Ш.** Республика торжествует во всем мире — 8, 9 - 1924.
- Серви Викторъ.** Кооперативное движение в Бельгии — 10, 11 - 1924.
- Сербский Селяк** Письмо из Югославии — 8, 9 - 1923.
- Слоним М.** Прошлое и настоящее фашизма — 1 и 3 - 1923.
- С. В.** Рабочее движение в Англии — 2 - 1922.
- Сноуден Ф.** Рабочее движение в Великобритании — 2 - 1922.
- Соколов Б.** Коалиция и бельг. социалисты — 18 - 1922:
- Сталинский Е.** 1922 год: Итоги Вашингтона — 1. Сорванная конференция — 4. Перед Генуей — 7. Россия в Генуе -- 8. Защита интересов России — 10. Конец Генуи — 19. Германские возмещения и междунар. сов. банкиров -- 25. Разложение французского коммунизма -- 5.
 1924 год: Социализм и демократия во Франции -- 4. Рабочая власть в Англии — 3. Большевизм и Европа — 18, 19.
 1925 год: Политика француз. социализма — 3. От Гамбурга до Марселя — 9, 10.
- С. Е.** Английские выборы. Перед рабочим правительством в Англии — 1, 2 - 1924.
- Стивин У.** Национальный вопрос в Чехословакии — 3 - 1922.
- Сухомлин В.** Единый фронт — 4 - 1922. Комедия единого фронта — 17 - 1922.
- С.** Перед Генуэзской Конференции — 6 - 1922
- Тасин Н.** Диктатура и Испания — 19 - 1923.
- Тю - Пепе** Современная Мексика — 20 - 1923.
- Тодоров К.** Южные славяне и Болгария — 2 - 1926.
- Тома А.** Пример Масарика — 3 - 1925.
- Томкеев В.** В поисках за идеалом среди современ. английск. писателей 26, 7, 8 - 1922.
- Тополович М.** На путях объединения славян — 4 - 1926.
- Тревес К.** Закат Европы — 4 - 1923.
- Устюжанин В.** Коминтерн в Корее и Монголии — 17 - 1922. Дайренское действо — 22 - 1922.
- Ферреро. Г.** Возвращение варваров — 1 - 1924.
- Фор П.** Политическое положение Франции — 1 - 1924.
- Хилквит М.** Задачи и перспективы американского социализма — 14, 15 - 1924. Внешняя политика Соед. Штатов — 11 - 1926.
- Хандакарьян А.** Возстание в Курдистане — 4 - 1925.
- Шварц Ф.** Социализм и земледелие в ЧСР — 6 - 1922.
- Штерн Е.** Восьмичасов. рабочий день в ЧСР — 11 - 1922.
- Шрейдер Е.** Юридическая лирика (д'Анунцио законодатель) — 8, 9 - 1923.
- Штребель Г.** Забастовочн. движение в Германии — 8 - 1922. Социализация строительн. дела — 21 1922. Кризис в Германии и объединение с. - д. партии — 4-1922. События в Германии — 14 - 1923. В хаосе

событий — 15, 17 - 1923. Проблема власти в Германии — 14, 15 - 1924. Борьба за власть в Германии — 1 - 1925. После избрания Гинденбурга — 5 - 1925.

- Цаликов А.** Борьба турецких партий — 2 - 1925.
Янниос Н. Политич., экономич. и рабочая Греция — 6 - 1925. Греческие события — 7, 8 - 1925.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ РОССИИ

- Агроном. Аноним.** Голод и коммунисты в Сибири — 23, 24 - 1922. Советские анекдоты — 2 - 1925.
- Булатов П.** Дела и люди наших дней — 18, 19 - 1924. Дела и люди наших дней — (систем. обзор русск. жизни) 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10 - 1925.
- В — ий.** Концы и начала — 1, 8, 15, 26, 27 - 1922. Большевики в Генуе — 18 - 1922. Новый Курс — 1, 2 - 1924. Концы и начала — 3, 4 - 1924.
- Волжанин. Вооруженная борьба** Закат большевизма — 10, 11 - 1924. Крестьян Амурской Области (с 14 по 28 января 1924 г.) — 10, 11 - 1924.
- Вяткин Д.** По России — 10, 11 - 1924. Советская ссылка — 5 - 1925.
- Дальневосточный.** Приморское житье — 10, 11 - 1924.
- Жаба С.** Петроградское студенчество — 21 - 1922.
- Зритель.** Интервью с совбуром — 2 - 1922. Россия осталась в России — 3 - 1922. Борьба или мир — 9 - 1922. О нищей России — 16 - 1922. Перепроизводство товаров в России — 17 - 1922. Районирование России — 21 - 1922. Интервенционисты — 22 - 1922. А вы... не знаете — 25 - 1922. Из России — о России — 6, 7 - 1924.
- Ивицкая Д.** Половое развращение детей в России — 2 - 1925.
- Лазарев Е.** Американец о русской промышленности — 11 - 1922.
- Лебедев В.** В царстве голода — 6 - 1922.
- Наборщик. Невидимцев. Нович Б. Нерадов Б.** Письмо из Петрограда — 22 - 1922. Московская мозаика — 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 - 1926. Гордиев узел — 8 - 1922. Как учат в Киеве — 2 - 1925.
- Оберучев К.** Американск. Администрац. помощи голод. России — 26, 27 - 1922.
- О. Е.** Чека за работой.
- Петрищев А. Постников С.** Об одном заблуждении — 14 - 1922. История одного преступления — 1 - 1922.
- Симченко** Из Ленинграда — 6, 7 - 1924. Письма из подполья — 8, 9 - 1924.

- Смильг М. Финансовая катастрофа в Сов. России — 22 - 1922.
- Советский Гражданин Соколов Б. Крым после Врангеля — 3 - 1925.
Детоубийство — 5 - 1922.
- Тодоров К. Мои русские впечатления — 18, 19 - 1924.
Томский По России — 12, 13 - 1924.
- Чистка ВУЗ — ов — ВУЗ-ов — 12, 13 - 1924.
- Юниус Ошибочка — 6 - 1922.
- Эс — эр. Соловецкая трагедия — 16, 17 - 1924.

ВОСПОМИНАНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ПРОЧ.

- Архангельский В. П. Лавров (к 1000- летию со дня рождения)
- Безпалов Лубянка — 1 - 1925.
- Верещак С. Памяти Джугели и Хомерики — 16, 17 - 1924.
Воронович Н. К трагедии Романовых — 5 - 1923. Мемуары гр. Клейнмихель — 6, 7 - 1923. От железного канцлера к астраханскому авантюристу (Мемуары Вильгельма II) — 10 - 1923. Записки самодержца (Дневник Николая II) — 19 - 1923.
Убийство Набокова — 13 - 1922.
Вокруг процесса эсэров — 13 - 1922.
- В. С. Очень просто — 19 - 1922.
В. С. о декабристах: донесения Шервуда, и дневник Николаева. Казнь декабристов по рассказу очевидца — 12 - 1925.
- Дамянская А. Даманская А. Документы Донесение
- Климушкин П. Аграрное движение в 1917 г. — 2 - 1925.
Колбасина О. Баронесса — 4 - 1922. Нина и Нюра — 10 - 1922. Две смертницы — 13 - 1922. Эрна и Аустра — 15-1922. Памяти С. В. Морозова — 3 - 1924.
Что я видел в Болгарии 7, 8 - 1925.
- Коршунов А.
- Лазарев Е. Д. Кенан — 8, 9, 11, 13 - 1923. Из воспоминаний — 1, 2, 3 - 1923. К смерти И. А. Рубановича — 4 - 1923.
Бабушка Брешковская — 3 - 1924. Дж. Кеннан (Некролог) — 12, 13 - 1924. Дела минувших дней — 3, 4, 5 - 1925. Д. Багров и убийство Столыпина 6, 7, 8, 9 - 1926.
- Лутохин Д. Показания свидетеля — 5 - 1924. Воспоминания полицейского сановника — 6, 7 - 1924.
- Масарик Т. Воспоминания (война 1914 - 18 г.) 1, 2, 3 - 1924. Из моих воспоминаний (приезд в Россию) — 9, 10 - 1925.
- Минор О. Письмо Е. Сазонова — 3 - 1926. Страничка жизни (из воспоминаний) — 4, 5 - 1924.

- Недзельский Е. Мемуары лагерей — 5, 6 - 1925.
 Немирович-Данченко В. Рыцарь на час (О Гумилеве) — 8, 9 - 1924.
 Овсяннико-Куликовский Д. Памяти М. И. Туган - Барановского — 14 - 1923.
 Папоушек Я. Масарик и чехословацк. революционное движение в России — 5 - 1925.
 Раппопорт С. Воспоминания Бьюкенена — 18 - 1923.
 Россель Л. Памяти С. Н. Слетова — 6 - 1925.
 Русанов Н. В. Г. Короленко — 1 - 1922. Из воспоминаний о Г. Успенском — 12 - 1923. Каблиц и Плеханов — 17 - 1923.
 Р. В. Содержание одной старой повести (биография Е. Лазарева) — 5 - 1925.
 Уманский Л. Из незабытого прошлого — 2 - 1923.
 Шкловский В. Белый Киев (из книги «Сантиментальное путешествие») — 3 - 1922.
 Чернов В. «Императрикс Александра (письма «Алекс. Фед.) — 2 - 1923. «Подполье» и «Надполье» в подготовке Корниловского движения — 4 - 1923. Две недели в Польше — 1 - 1925. Страницы из жизни А. Чуковского — 2 - 1925. Неделя в Финляндии — 6 - 1925.
 Эрио Э. Нож за сорок су (О Шарлотте Корде) — 4, 5, 6, 7) - 1926.
-
- Внешняя политика Р. С. Ф. С. Р. — 3 - 1922.
 Внешняя и финансовая политика Чехословакии — 4 - 1922.
 Воззвание Венского Об'единения — 4 - 1922.
 Воззвание « Комитета Помощи Заключенным в тюрьмах России социалистам — 6, 14 - 1922.
 Вопросы русской эмиграции (Анкета среди политических деятелей Чехословакии) — 7, 8 - 1922.
 Воззвание Заграничн. Делегации П. С. Р. к социалистическим партиям всех стран — 11 - 1922.
 Воззвание Правления Р. С. С. в ЧСР — 26, 27 - 1922.
 В — ий — Концы и начала (систематические обзоры русской жизни) — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 - 1922; 1, 3, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19 - 1923.
 Восточный — Письма с Д. Востока — 20 - 1923.
 Временный договор между ЧСР и РСФСР. 1 - 1922.
 Гаагский конгресс мира — 2 1923.
 Голод в России — 1 - 1922.
 Генуэзская конференция — 18, 19 - 1922.
 Гнилостный распад (о большевиках) — 26, 27 - 1922.
 Декрет о праве частной собственности — 1 - 1922.
 Документы к Московскому процессу эсэров — 23, 24 - 1922.
 Зарубежное Казачество — 2, 3 - 1922.
 Иностранное обозрение — 2 - 1922.
 Кобяков С. А. (некролог) — 15 - 1923.
 Конференция по вопросу о помощи голодающим в Женеве — 5 - 1922.

- Литературная хроника (за-границей и в Сов. России) — 1, 2, 3, 6, 8, 10, 12, 14 - 1922.
 Литературная хроника в России (обзоры, заметки, рецензии) — 14, 15, 16, 17, 18, 19 - 1923.
- Международный студенческий с'езд — 16 - 1922.
 Московский процесс (эсэров) — 23, 24 - 1922.
- Н. Р. — Сомнение советской души — 1 - 1922.
 Новый курс французской политики (меморандум от 6. февраля 1922) — 8 - 1922.
 Нансен о русских беженцах — 20 - 1922.
 Народонаселение Чехослов. Республики — 4 - 1922.
 Ноты Бальфура и Карахана — 4 - 1922.
- Организация помощи русским в ЧСР. — 20 - 1922.
- Письмо Украинских соц. - революционероv русским соц. - рев. — 26, 27 - 1922.
- Правда об Иркутской бойне — 23, 24 - 1922.
 Полный текст Лондонского договора — 17 - 1922.
- Роллан о пролетариате — 12 - 1922.
 Рабочий класс Запада и Россия — 15 - 1922.
 Резолюции Гамбургского Конгресса — 10, 12 - - 1923
 Русско - Германский договор — 1 - 1922.
 Резолюция Верховного Совета в Канн — 2 - 1922.
- Социалисты о возстановлении Европы — 12, 13, 14 - 1922.
 Социалистическая печать о процессе эсэров — 28 - 1922.
 С'езд Профессион. Союзов в Чехословакии — 4 - 1922.
 Социалистический интернационал против большевистского террора — 10 - 1922.
- Сталинский Е. — Иностранная жизнь (систематические обзоры международной жизни) — 3, 4, 6 - 1922.
 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 14, 15, 17, 19 - 1923.
 Студенчество в России — 18 - 1923.
- Хватит ли в России хлеба в 1923 г.? — 5 - 1922.
- Чешско - Русское О- во в Праге (отчет) — 26, 27 - 1922.
 Чешские соц. - демократы о русском вопросе — 23, 24 - 1922.

РЕЦЕНЗИИ

- Афанасьев — Активно - трудовой метод обучения — 1 - 1925. Ауслендер — Дни боевые — 1 - 1926. Архив русской революции V — 28 - 1922. Аратов — Русские журналы за - границ. — 18 - 1922. Артисты Моск. Худ Театра — 9 - 1922. Арбатов — Путь скорби — 5 - 1926. Атений — 8 - 1926. «Анналы» к IV — 12, 13 - 1924. Алексеев — Основы философ. права — 3 - 1924. Архив Рус. Революц. — 5 - 1923.
- Белый — Первое свидание — 25 - 1922. Борисоглебский — Святая пыль — 1 - 1926. «Благонамеренный» — 3 - 1926. Белов — Физиология типа — 6 - 1926. Бальмонт — Где мой дом? — 4 - 1924. Бэрри —

- Белая птичка — 2 - 1923. Бальмонт — Воздушный путь — 11 - 1923. Журнал «Былое» — 18 - 1923. Берже — Когда он сражался — 16, 17, 1924. Книга о Блоке — 18, 19 - 1924. Блок — Рамзес — 12 - 1922.
- В.** — Кооперация 1 - 1922. Вагнер — Этюды по сравнител. психологии — 1 - 1925. Весь СССР по 1924 - 5 г. — 6 - 1925. Винокур — Культура языка — 4 - 1926. Васильевский — Белые мемуары — 4 - 1924. Владиславлев — Русские писатели — 18, 19 - 1924. Воспоминания В. Войтинского — 12 - 1923. Войтинский — Годы победы и поражения — 6, 7 - 1924. Вергофен — Литургия — 28 - 1922. Волков — Статистика России — 14, 15 - 1924.
- Галактинов — Беседы наборщика — 5 - 1925. Гириш — Организ. америк. хозяйства — 10 - 1926. Госинститут для усовершенствования врачей — 1 - 1926. Гиппиус — Живые лица — 11 - 1925. Гревс — Кровавая свадьба Буодельмонта — 11 - 1925. Горнфельд — Боевые отклики на мирные темы 7, 8 - 1925. Горький — Рассказы — 4 - 1925. С. Григорьев — С мешком за смертью, — 7, 8 - 1925. Гумилев — Колчан — 11 - 1923. «Грани» — 11 - 1923. Гессен — Основ. педагогики — 15 - 1923. Горький — о крестьянстве — 3 - 1922. Гребенщиков — Родник в пустыне — 3 - 1923. Государство Чехословакия — 16 - 1923. Горький — Воспоминания — 5 - 1924. Городецкий — Сергей — 12 - 1922.
- Дорошкевич — Украинская литература — 18, 19 - 1924. Дионео — Англия после войны — 3 - 1924. Данилов — Россия в миров. войне 1914 - 15 г. — 3 - 1925. Две книги Кузьмина — 25 - 1922. Джемс — Введение в философию — 1 - 1925. Донская летопись — 1 - 1925. Достоевский о «Бесах» — 3 - 1925. Друзья Пушкина — 4 - 1925. Две книги Шкловского — 4 - 1923. Дюгамель — Цивилизация и др. рас. — 4 - 1924. Дел. — Курс Экономич. географии — 18, 19 - 1924. Дарвинизм и марксизм — 14, 15 - 1924.
- Евреинов — «Происхожден. драмы» и «самое главное» — 16 - 1922. Есенин — Пугачев — 12 - 1922. Евразийский Временник — 10, 11 - 1924.
- Жильяр — Император Николай II — 19 - 1922. Жеромский — Откровение любви — 18, 19 - 1924.
- Записки Рус. Эк. О-ва в Лондоне — 20 - 1922. Знос. - Боровский — Рус. театр начала XX в. — 6 - 1925. Заславский — Хроника февр. революции — 6, 7 - 1924.
- Имани — В охотничьем домике — 18, 19 - 1924. Из архива Аксельрода — 10, 11 - 1924. Истор. журналы — 5 - 1924. Институт Здравоохранения — 2 - 1926. Из дневника Пуришкевича — 1 - 1925. Итальянские книги о России — 10 - 1923. Из литературной хроники России — 1, 2, 6, 7, 14, 15, 16, 17, 18, 19 - 1924.
- Клеменс — Из прошлого — 3 - 1926. Кугель — воспоминания — 6 - 1926. Ключев — Четвертый Рим — 23 - 24 - 1922. Котляревский — XIX век — 1 - 1922. Каутский — Сущность христианства — 12 - 1925. Кони — Юбилейный сборник — 4 - 1925. Книжная торговля — 11 - 1925. Книга о Л. Андрееве — 3 - 1922. Кизеветтер — Книга о театре — 5 - 1922. Книги о революции — 2 - 1923. Кареев - История Франц. Революции — 12, 13 - 1924. Книга о книгах — 12, 13 - 1924. Календарь «Пламени» — 2 - 1926. Кизиветтер — Театр — 5 - 1925. «Книжный Указатель» — 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 - 1925.

- Литовский и Абрамов — Познание местн. края 3 - 1926. Ленинский сборник — 6 - 1925. Литературная мысль — 12 - 1925. «Логос» — 6 - 1925. Лыс — Мартин Аурросмит — 12 - 1925. Лебедев — Новым Путем — 6, 7 - 1923. Литературный обзор — 1 - 1922. Литератур. манифесты — 18, 19 - 1924.
- Мандельштам — о природе слова — 6, 7 - 1923. Мартов — Долой казнь — 13 - 1923. Марксизм и этика — 14, 15 - 1924. Мещеряков — Соврем. кооперация — 14, 15 - 1924. Милюков — История 2 - ой рус. революции — 12, 13 - 1924. Маркс — Капитал — 14, 15 - 1924. Малени — Ловячин — 8 - 1926. Мандельштам — Шум времени — 5 - 1925. Морозов — Учение о лесе — 9, 10 - 1925. Музей революции — 12 - 1925. Маковский — Силуэты русских художников — 2 - 1922. Мякотин — Очерк социал. истории Украины — 16, 17 - 1924. Моргуллиес — Год интервенции — 15 - 1923.
- Нольде — Петерб. миссия Бисмарка — 2 - 1925. Неверов — Ташкент — 7, 8 - 1925. Неверов — Баби — 4 - 1926. Новый Дом — 12 - 1926. Некрасов по неизд. материалам — 3 - 1922. Вас. Напейко — 3 - 1923. Новые материалы о Гончарове — 10 - 1923. Новая Русская Книга №2 — 13 - 1922. Нарышкина — Витте — Записки девочки — 14 - 1922.
- Огнев — Рассказы — 2 - 1926. Около Пушкина — 2 - 1922. «Окно» — 18 - 1923. Отраженная поэзия — 19 - 1922. Об А. Блоке — 14 - 1922. От теории к практике — 16 - 1922. Отчет «Колоса» — 16, 17 - 1924. О чешском кукольном театре — 8, 9 - 1923.
- Письма Достоевского к жене — 8 - 1926. Падение царского режима по матер. Чрезвычай. Комиссии Врем. Пр-ва — 2 - 1925. Покровский — Деникинщина — 12 - 1923. Переводная литература — 19 - 1923. По новым книгам — 17 - 1923. Пиксанов — Два века русской литературы — 18, 19 - 1924. Поливанов «Мемуары» — 4 - 1924. Письма Чехова к О. Книппер — 8, 9 - 1924. Павлов — Библиотека дошкол. воспит. — 14, 15 - 1924. Плеханов — Герцен — 14, 15 - 1924. Первая ласточка? — 17 - 1922. Печать в России — 10 - 1922. Палеолог, Александр II и кн. Юрьевская 14, 15 - 1924.
- Р. Техника большевистского подполья — 16, 17 - 1924. Редько — Театр и эволюция театр. форм — 4 - 1926. Рассказы о Пушкине — 7, 8 - 1925. Родов — Антология пролет. литературы — 9, 10 - 1925. Ремизов — Пояс Иродианы — 1 - 1923. Русск. школа за рубежом — 13 - 1923. Радлов. Ч. Диккенс — 1 - 1922. Роман И. Эренбурга — 18 - 1923. Роллан — Жизнь Толстого — 11 - 1923. Рубакин — Письма о самообразовании — 14 - 1923. Руднев — Рус. дело в ЧСР. — 16, 17 - 1924. Редько — Литер. искания XIX - XX в. — 18, 19 - 1924. Розенберг — Из истории рус. печати — 10, 11 - 1924. Ремизов — Звенигород окликанный — 16, 17 - 1924. Рожков — Очерк истории труда в Рос. — 14 - 1924. Романы Ю. Слезкина — 2 - 1923.
- Савватий — Тетрадь в сафьянс — 19 - 1922. Стеклов — В Америку и обратно — 1 - 1926. Степанов — Газетное дело — 11 - 1923. Сборник о Короленко — 5 - 1922. Сахаров — Белая Сибирь — 4 - 1924. Сборник трудов ак. Павлова — 14, 15 - 1924. Столпник — Русская лирика — Атены, кн. II. — 12, 13 - 1924. Сборник о Пушкине — 14, 15 - 1924. Сборник о Толстом — 18, 19 - 1924. Сухомлинов — Воспоминания — 14, 15 - 1924. Современ. Запад — 16, 17 - 1924. Святловский — История экономических идей в России — 6, 7 - 1924. Савин

- Лекции по истор. англ. революции — 5 - 1925. Снесарев — Кирилл I — Император — 6 - 1925. Сборник, посвящен. 70-летию ак. Павлова — 5 - 1925. Сергеев - Ценский — Преображение — 7, 8 - 1925. Соколов — Конец Романовых — 3 - 1925. Сухов — Иудаизм и Христианство — 12 - 1925. Сб. «Путь» — 12 - 1925. Сирин — Маменька — 5 - 1926. Советский смех — 12 - 1923. Собр. сочин. А — де - Ренье — 18, 19 - 1924. Современное естествоведение и техника — 12, 13 - 1924. Слещев — Крым в 1920 г. 12, 13 - 1924. «Сполохи» № 5 — 12 - 1922.
- Тэффи** — Вечерний день — 18, 19 - 1924. Труды по обследовании войны 1914 - 1920 г. — 18, 19 - 1924. Таиров — Записки режиссера — 3 - 1922. Тихомиров — Плеханов и его друзья — 9, 10 - 1925. Толстой — Американец — 5 - 1926. Тагор — Гора — 16, 17 - 1924 - 1922. Т. Немецкие журналы — 2 - 1922. Т. Сказание Древнего Вавилона — 14 - 1923.
- Учен.** Записки Рус. Учебн. Коллегии в Праге — 10, 11 - 1924.
- Федин** — Города и годы — 9, 10 - 1925. Ферсман — Новые цифры Новой Науки — 5 - 1925. Хорабин — Очерк истор. экон. географии мира — 7, 8 - 1925.
- Хейсин** — История кооперации в России — 6 - 1926. Хвольсон — Физика и ее значение — 16 - 1923.
- Философская литература** — 19 - 1923. Фома — Еврейская Летопись — 12, 13 - 1924.
- Чаянов** — Краткий курс кооперации — 4 - 1926. Чупров — Основы. Проблемы теории корреляции — 6 - 1926. Чаянова «Торжество Муз» — 7, 8 - 1925. Чехов — Затерянные произведения — 7, 8 - 1925. Чернов — Конструктивный социализм — 4 - 1925. Черный — Сатиры — 6 - 1922. Чемихин — Чернышевский — 20 - 1923.
- Шнеерсон** — «Дети — друзья» — 1 - 1925. Цветаева — Разлука — 13 - 1922. Штейн — Развитие эконом. мысли — 1 - 1925. Штерн — В огне гражд. войны — 5 - 1923. Шмелев — Неупиваемая чаша — 18, 19 - 1924. Шкапская — — 10 - 1922.
- Юшкевич** — Эпизоды — 11 - 1923. Ющенко — Творчество Гумилева — 4 - 1924. Юнг — История одной фабрики — 12 - 1926.
- Якобсон** — о чешском стихе — 5 - 1923.
- Эренбург** — Неправдоподобные истории — 8 - 1922. Экономический Вестник — 17 - 1923.
-

**РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ**
J. POVOLOZKY & CIE 13, RUE BONAPARTE PARIS VIe
ВСѢ РУССКІЯ И ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ
ОТКРЫТО БЕЗЪ ПЕРЕРЫВА СЪ 9 ЧАСОВЪ ВЕЧ.

Chèques postaux: Paris 195-33

EL: FLEURUS 42-01

R. C. Seine 212-183 B.

Фирма основана в 1910 г.

.....

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

журнала

„ВОЛЯ РОССИИ“

Для ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, БЕЛЬГИИ, ИТАЛИИ, ПОЛЬШИ
и ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

.....

Собственные издания на Русском и Французском языках. Все зарубежные издания. Все Книги Советской России. Детские книги. Учебники. Словари и самоучители иностранных языков. Ежемесячные бюллетени всех французских изданий. Каталоги высылаются бесплатно.

— АНТИКВАРИАТ —

ВСЕ КНИГИ ПО ИСКУССТВУ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ
НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ.

.....

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

J. POVOLOZKY & CIE

EDITEURS

13, Rue Bonaparte, PARIS (VIe)

Издан. Акц. Общ. Печат. Дела «САЛАМАНДРА»
Latvija Rīga, L. Kalēju ielā 43.
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

„ПЕРЕЗВОНЫ“

выходит 1 раз в месяц

СОТРУДНИКИ: М. А. Алданов, Мих. Арцыбашев, К. Д. Бальмонт, Н. Г. Бережанский, проф. Бердяев, И. А. Бунин, Н. Н. Белоцветов, Ю. Галич, Г. Гребенщиков, О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Бор. Зайцев, (ред. литер. отдела), Евг. А. Зноско-Боровский, А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, Ив. Лукаш, Д. С. Мережковский, С. Р. Минцлов, проф. Н. И. Мишеев, Мих. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. Рошин, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучев, В. Ф. Ходасевич, А. Черный, Евг. Н. Чириков, Марина Цветаева, И. Шмелев, Сем. Юшкевич, А. Фодоров, Худ. акад. Н. П. Богданов-Бельский, акад. С. А. Виноградов, А. М. Пранде (ред. худ. части), Ю. Г. Рыковский и друг.

В каждом ном. 4 цветных репродукции, много иллюстр. в тексте.

Обложка раб. М. Добужинского.

Цена ном., начиная с № 14 — в Латвии 50 руб., за границей 25 ам. цент.

БОЛЬШОЙ РУССКИЙ

Еженедельный иллюстрированный журнал

„НОВАЯ НЕДЕЛЯ“

Богатые иллюстрации всесторонне освещают европейскую жизнь.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

Кино. Театр. Спорт. Моды

Отдел шуток, задач и шарад.

Обо всем.

Цена: в Латвии — 30 сант., (15 р.), в Литве — 75 лит. центов, за границей — 7 ам. цент.

Адрес редакции и конторы: Латвия, Рига, Б. Кузнечная (L. Kalēju ielā) 43, «Саламандра». Тел. 23011.

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

„ВОЛЬНАЯ СИБИРЬ“

(Изд. Об-ва Сибиряков)

Сборник статей, посвященных памяти Г. Н. ПОТАНИНА.

СОДЕРЖАНИЕ:

От редакции. — И. Я. Якушев: Г. Н. Потанин, его общественные и политические взгляды. — Проф. Е. Л. Зубашев: Воспоминания о Г. П. Потанине. — Дионео: Научные работы Г. Н. Потанина. — Гр. Гребенщиков: На склоне лет его. — Инж. А. Мягков: Золотопромышленность в Сибири. — Д-р Ф. Гавелка: Северо - Восточный морской путь к бассейну Обь - Иртыша. — Из печати и жизни Я. Лозового: К вопросу колонизации Сибири. — Сибирское обозрение: Общесибирский съезд писателей. — Некролог: П. И. Макушин — Заграничная хроника. Библиография.

Цена 25 чешк. крон

Адрес: Praha-Strasnice. Gregorova ul. 153. J. A. Jakusev

Imp. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Directeur, 34, r. Richer Paris (9°)